О. ИГНАТЬЕВ

АМАЗОНКА ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это второе, дополненное издание книги советского журналиста Олега Игнатьева о его путешествиях и приключениях в бассейне великой реки мира — Амазонки. Интересный, насыщенный экзотикой рассказ о тропиках сочетается с реалистическим показом жизни и быта индейских племен в стойбищах, в которых автор бывал не один раз, искателей алмазов, собирателей каучука, охотников за бабочками и рыбаков — жангадейрос, населяющих этот малоизведанный край. Жизнь в этих районах меняется очень медленно. Автор умно и ненавязчиво вскрывает подлинные причины нищеты и отсталости жителей Амазонки, показывает их главных врагов. Книга иллюстрирована фотографиями, сделанными автором ко время его путешествий.

- Олег Константинович Игнатьев
  -
  - Пока еще жив последний крокодил
  - Дорога к алмазной реке
  -
  -
  - Там, где счастье измеряют каратами
  -
  -
  -
  -
  - Человек идет по джунглям
  -
  -
  - От Маражо до Манауса
  -
  -
  - Путешествие на гайоле
  -
  - Мои друзья из племени камаюра
  -
  -
  - Послесловие
  -
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

Олег Константинович Игнатьев
Амазонка глазами москвича

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

АМАЗОНКА ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

Изд. 2-е, дополненное

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1974

Пока еще жив последний крокодил

В корреспондентском пункте агентства печати «Новости» и газеты «Комсомольская правда» в Рио-де-Жанейро у меня висела большая, почти во всю стену, карта Бразилии. Каждый раз, возвращаясь из командировки, я брал синий карандаш и наносил на ней проделанный маршрут. И каждый раз вздыхал при этом, убеждаясь, как много в Бразилии еще осталось мест, куда не ступала нога советского корреспондента. Нужно, однако, сразу оговориться, что вздох свидетельствовал скорее о чувстве удовлетворения, чем печали. Поставьте себя на место журналиста, который (такого в жизни не бывает) везде побывал, взял у всех интересных людей интервью и передал весь материал в редакцию. Для меня, к счастью, оставалось в Бразилии много «белых пятен».

Политическая жизнь Бразилии конца 1961 года и в последующие годы была насыщена разными событиями, и весь корреспондентский корпус иностранных журналистов не мог пожаловаться на отсутствие тем и материалов. Они появлялись то в штате Рио-Гранде-до-Сул, то в столице, то в самом Рио-де-Жанейро, или же телеграф приносил весть о приближении к берегам Бразилии корабля «Ансоатеги», захваченного венесуэльскими патриотами, и все старались первыми пробиться в Белен, чтобы попытаться взять интервью у руководителя группы Рохаса.

Статьи и репортажи аккуратно посылались в редакции газет и журналов, но все же чувство неудовлетворенности оставалось. Все время казалось, что не удалось зацепить какую-то очень важную тему, без которой не может у читателя сложиться полной картины о громадной стране Бразилии. И однажды, вернувшись из очередной поездки в штат Пернамбуко и приблизившись с синим карандашом к карте, я понял: *Амазонка.*

Про Амазонку написано сотни сотен книг, на Амазонку направлялось бесчисленное количество экспедиций ученых, путешественников и просто авантюристов и любителей приключений. Об Амазонке слышал каждый из нас с детства. Без сомнения, многие мечтали увидеть своими глазами непроходимые джунгли, обезьян, качающихся на лианах, услышать воинственный крик загадочных индейских племен и попытаться схватить за хвост размалеванного попугая арару.

Одни, говоря о размерах бассейна реки Амазонки, называют цифру в семь миллионов квадратных километров, другие увеличивают ее до семи с половиной. Но всем ясно, что

большинство этих миллионов находится на территории Бразилии, и нет оправдания журналисту, если он, прожив несколько лет бок о бок с Амазонкой, не удосужился проникнуть в тайны ее бескрайних просторов.

Вот почему на второй день по приезде из Бразилии — в отпуск — я пришел в издательство и сказал своему редактору:

— Забудем все, о чем мы говорили раньше. Отложим в сторону планы. Возникла новая, блестящая идея, взлелеянная, взращенная и уже созревшая. Прошу вас, только официально, дать мне разрешение сорвать ее и преподнести издательству на свежем листе виктории-регии.

Знакомы ли вы, читатель, с редакторами? Даже самые наисимпатичнейшие из них превращаются в кремень, если почувствуют, что автор посягает на изменение уже утвержденных издательских планов. В моем случае пара женских глаз смотрела на восторженного автора холодно, с решимостью, сквозь которую проглядывалась грусть, перемешанная с изумлением. Я еще на что-то надеялся.

— Мне послышалось, — раздался спокойный голос, — или здесь в самом деле он произнес фразу о ломке сверстанных планов?

— Да, но я… есть идея…

— Мы в этом не виноваты. В отношении вас все уже давно решено: вы обязаны рассказать о жизни последнего крокодила.

— Крокодила! В каком смысле крокодила?

— В самом прямом и обыкновенном. Почему вы, работая в Бразилии, не напишете книгу о поездках на Амазонку, о людях, которые там живут, о шелесте диковинных пальм, об обезьянах…

— Которые приветствуют путников с макушек деревьев?

— Безусловно. Об охотниках за питонами…

— Которые достигают тридцати метров?

— Совершенно верно. Главное, не терять времени. Не забывайте, что мы живем в двадцатом веке. Цивилизация наступает. Торопитесь, пока еще жив последний крокодил.

— Так ведь это и есть моя созревшая идея, которую нужно официально преподнести редактору на блюдечке из листа виктории-регии!

— Блюдечко не обязательно, — в голосе редактора исчезла медь и появилось серебро. — Если ваши планы — наши планы, то займемся конкретной разработкой темы…

Так идея стала программой действий.

Нужно признаться, что на Амазонке не на каждом шагу встречается интересное и новое. Можно проехать от Бенжамин-Константа, что стоит на границе с Перу, до городка Тефе и не

отличить путь от отрезка реки между Тефе и Анама. Попугаи похожи друг на друга, и лианы, и крокодилы, а сама река, может быть, только с каждой сотней километров, отмеренных вниз по течению, становится все шире и шире. Безусловно, о скучных путешествиях не имело бы смысла рассказывать читателю, и решение приняли такое: автор должен побывать в различных уголках бассейна Амазонки, попытаться рассказать о самых разнообразных сторонах жизни на этой величайшей реке нашей планеты. Поэтому-то мы с вами и будем путешествовать из одного района в другой, то на остров Маражо, то в штат Акре, то в Манаус, а то к искателям алмазов штата Гояс и племенам Мату-Гросу. Только поездки, сделанные в течение нескольких лет, мы совершим за несколько часов.

Итак, отправимся путешествовать по Амазонке.

Дорога к алмазной реке

В две столицы одного штата Жертвы битвы с индейцами • Переход семи перекатов • История райского цветка • Стекляшки «чистой воды» • Сухой метод добычи • «Избирательница» • Одноногий водолаз • Новый дикий гаримпейро

5 декабря 1963 года на площади Бандейрантес в столице штата Гояс городе Гоянии можно было увидеть двух человек, внимательно осматривавших памятник — высокую, из бронзы, статую бразильца в широкополой шляпе, с мушкетом в руке, прижимающего к бедру сито для промывки алмазов.

— Вероятно, — сказал один из мужчин, — он поставлен здесь в честь какого-нибудь бандейрантес. И площадь носит это имя. Ты, конечно, слышал о бандейрантес, этих землепроходцах-португальцах, которые продвигались из Сан-Паулу в глубь Бразилии в поисках сказочной земли Эльдорадо.

— Может быть, — согласился его спутник. — Но вероятнее, в честь гаримпейрос — искателей алмазов. А чтобы не гадать, спросим у людей знающих, хотя бы у любого мальчишки —

чистильщика сапог.

Разговор происходил между автором этих строк и его приятелем Анатолием, работником советского посольства. Мы только что прибыли на машине из столицы страны города Бразилиа, проделав двести пятьдесят километров за три с половиной часа. Дипломат к вечеру возвращался в Бразилиа, а я, взяв интервью у губернатора, должен был затем совершить поездку по штату и увидеть его достопримечательности. В первую очередь мне хотелось познакомиться с искателями алмазов — гаримпейрос.

Нам даже не пришлось дойти до отеля, как один из жителей, наблюдавший за попытками двух приезжих установить происхождение памятника, подошел и спросил:

— Первый раз в Гоянии?

— Да! — последовал ответ. — Кстати, вы, вероятно, знаете, в честь кого поставлен этот памятник?

— Безусловно, — сказал гоянец. — Он сооружен в честь основателя столицы штата Гояс. Но не этой столицы, а старой — города Гояса. Статуя изображает Бартоломео Буэно, который около двух с половиной веков назад заложил на берегу реки Вермельо поселок Сантана. Потом поселок переименовали в город Вилла-Боа-до-Гояс.

Упоминание о городе Гоясе можно встретить во многих бразильских источниках. Старая столица штата была основана в 1725 году, основателем ее действительно был Бартоломео Буэно, но он больше известен не по фамилии, а по прозвищу Аньангуера. Это индейское название. В переводе на русский означает «старый дьявол». Во времена португальского владычества в районе нынешнего штата Гояс были обнаружены золотые россыпи и тысячи негров-рабов были привезены сюда, а коренные жители — индейцы племени гоясес — оттеснены в джунгли. Негры-рабы от зари до зари работали, добывая драгоценный металл для португальской короны. Впоследствии, когда запасы золота истощились, часть населения ушла в поисках счастья в дальние края, а меньшая часть осталась, и город Гояс продолжал существовать. Но жизнь здесь как будто замерла, события и время проходили стороной, вдали и от города и от штата Гояс. Так продолжалось до последних десятилетий, когда началось бурное развитие штата. Однако столица не принимала в этом никакого участия. Тут-то и возникла настоятельная необходимость в сооружении нового центра штата. В конце концов столица была перенесена.

Первый камень ее был заложен в 1937 году в 144 километрах от города Гояс. Основатели новой столицы, города Гойянии,

рассчитывали, что в ней будет жить 50 тысяч человек, однако развитие штата шло такими быстрыми темпами, что к 1970 году количество жителей столицы штата превысило полмиллиона человек. Это, пожалуй, наибольший рост из всех бразильских городов. Сейчас международный аэропорт города, который называется Санта-Женовева, связывает столицу штата со всеми уголками Бразилии. Город имеет прекрасную планировку, широкие улицы, обсаженные вечнозелеными деревьями. Гояния — крупный культурный центр. Здесь работают два университета, в которых учатся 30 тысяч студентов. Итак, мы видим, что перенесение столицы было оправданным, но, отдавая дань истории старой столицы и ее жителям, правительство штата Гояс каждый год в июле перекочевывает на две недели со всеми правительственными учреждениями в старую столицу и там работает, принимая разные декреты и постановления. Под каждым из них ставится штамп: «Принято в столице штата городе Гоясе». Это стало традицией.

Когда мы вернулись в гостиницу, то застали там чиновника из канцелярии губернатора.

— Сеньор губернатор, — сказал он, — ожидает вас у себя в кабинете.

Интервью с губернатором продолжалось минут сорок. Это была очень интересная беседа, во время которой губернатор рассказал о программе правительства штата и о том, что сделано.

Если вы посмотрите на карту Бразилии и найдете штат Гояс, расположенный в восточной части бассейна реки Амазонки, почти в центре страны, то увидите, что по размерам он превосходит любую страну Западной Европы. Правительство Мауро Боржеса пользовалось в штате большим авторитетом и влиянием, потому что прилагало максимум усилий для выполнения данных обещаний. В штате существовал план работ, по которому, например, предполагалось проложить пятнадцать тысяч километров проселочных дорог. Уже в первый год существования правительства Мауро Боржеса было проложено десять тысяч километров дорог.

План предусматривал строительство трех тысяч классных помещений. За первый год удалось построить тысячу таких помещений.

Учителя начальных школ в Гоясе получали зарплату примерно в два раза большую, чем в других штатах страны.

Губернатор подробно рассказал о том, какие идеи имеются у правительства штата в отношении развития промышленности и сельского хозяйства. Он посоветовал познакомиться с организацией «Метаго», занимающейся разработкой и добычей

полезных ископаемых в штате и принадлежащей федеральному правительству Бразилии.

— Мне передавали, — сказал губернатор, — что вы также хотите побывать у наших гаримпейрос, искателей алмазов, и совершить поездку в район Токантинса, где мы планируем сооружение гидроэлектростанции мощностью в шестьсот тысяч киловатт. Нужно сказать, что место для электростанции выбрано очень удачное, недалеко от водопада Сан-Феликс.

Приглашаю вас еще раз приехать в наш штат через полтора года. Я думаю, что первая очередь гидроэлектростанции будет к этому времени давать сто тысяч киловатт. А пока попрошу осмотреть место будущего строительства. Это, вероятно, должно заинтересовать вас как журналиста.

Поблагодарив за приглашение посетить штат Гояс еще раз, я вышел из кабинета губернатора Мауро Боржеса.

Программа путешествия, составленная для меня одним из секретарей губернатора, предусматривала посещение наиболее интересных мест в штате Гояс. Власти штата обещали доставить меня и к берегу реки Арагуаи, где находились самые большие в Бразилии участки разработки алмазов.

Перелет на реку Арагуаю намечался на третий день пребывания в штате. Но время прошло незаметно, потому что за эти дни удалось осмотреть массу интересного: побывать в Кашуэро-Дорадо, где строилась одна из гидроэлектростанций; съездить на автомашине в город Анаполис, где находится мясохладобойня «Фригояс». Что было здесь любопытно, так это приготовление вяленого мяса, очень популярного среди населения страны. Мясо нарезается тонкими широкими пластами, с которых удаляется почти весь жир. Затем цементный пол посыпается толстым слоем соли и на него укладывается первый пласт этого мяса. Сверху опять слой соли, затем еще один слой мяса, и так далее, пока на полу не вырастает колоссальный, своего рода слоеный пирог, состоящий из мяса и соли. «Пирог» выдерживается двое с лишним суток, и затем в хорошую солнечную погоду пласты мяса выносятся на воздух и развешиваются для сушки.

Безусловно, все это было чрезвычайно интересно, но главное ждало нас впереди — поездка к гаримпейрос, поездка к искателям знаменитых на весь мир бразильских алмазов. Сейчас, в наше время, Бразилия уступила первенство в добыче алмазов другим странам, в том числе Советскому Союзу. А ведь раньше слава о бразильских алмазах гремела по всему миру.

Как и многие открытия вообще, открытие бразильских алмазов произошло совершенно случайно. В 1714 году

крестьянин по имени Франсиско Машадо да Силва, перевозя камни для постройки очага, нашел светлый и очень твердый камешек, который сохранил просто так, ради любопытства. Этот камешек был подобран на каменоломне Сан-Педро, недалеко от горы Лапа. В последующие дни Машадо нашел вблизи этой горы другие камни, похожие на первый. Некоторые из них он подарил товарищам. Один из его друзей имел небольшую мастерскую по обработке камней. Немножко повозившись с подарком, данным Франсиско Машадо да Силва, он обнаружил, что попавший к нему камень является очень крупным алмазом. Об этом было рассказано друзьям, и они решили хранить секрет, никому не раскрывать тайны. Только в 1730 году, почти через шестнадцать лет после первой находки, мы встречаем упоминание об алмазах, найденных в Бразилии. Вот что там говорится: «Эти камешки служили людям, которые их находили, фишками во время игры в кости. Обладатели этих камней, вероятно, даже и не подозревали об их ценности, потому что есть много свидетельств и фактов, когда хозяева камней очень легко с ними расставались».

Однако один из друзей Франсиско Машадо да Силва был вынужден раскрыть секрет, когда он пытался продать камень какому-то торговцу драгоценностями, приехавшему из Лиссабона. И в Бразилии началась алмазная лихорадка.

Рассказывают и другую версию открытия алмазов в Бразилии. Большое количество алмазов было найдено однажды около церкви Санто-Антонио, в районе Тижука. Однажды в воскресенье после мессы недалеко от входа в церковь стояли два человека — Николау Фиуза и Маноэл дос Пасос. Их карманы были набиты гладкими камешками. В это время к ним подошло несколько человек, приехавших из Баии. В их числе Элой Торрез, монах, итальянец, живший до этого много лет на Востоке, и Филиппо де Сантьяго, купец, который занимался торговлей между Баией и Минас-Жераисом. Увидев камешки в руках Фиузы и Пасоса, монах сразу же распознал в них драгоценные камни и поделился своим открытием с Сантьяго. Приобретя за бесценок камни у прежних владельцев, не имевших ни малейшего представления об их действительной ценности, монах Элой и его друг Сантьяго расстались. Монах Элой вскоре умер, а Сантьяго, обладая громадным количеством драгоценных камней, стал переправлять их в Индию, а оттуда — в Европу. В Европе, в частности в Лиссабоне, он продавал камни владельцам ювелирных магазинов как драгоценности, прибывшие с Востока, из Индии. Эта нелегальная торговля продолжалась несколько лет, пока власти не раскрыли махинаций Сантьяго и не прибрали к рукам добычу и торговлю алмазами в Бразилии.

Такие истории рассказывают в Бразилии о первооткрывателях и первопокупателях алмазов.

9 декабря пришлось встать очень рано. В шесть часов утра должна прийти машина, чтобы везти меня на аэродром, с которого должен был вылететь самолет в Бализу — небольшой городок на реке Арагуае. Но незадолго до отъезда мне позвонил сотрудник канцелярии губернатора и сказал, что, к сожалению, в этот день поездка не может состояться. Оказалось, что авиетка, предоставленная в наше распоряжение, должна отправиться на двое суток в другое место. Сотрудник канцелярии спрашивал, не хочу ли я использовать эти два дня для другой поездки — в район строительства будущей электростанции на реке Токантинс.

Ничего не оставалось другого, как принять предложение.

На аэродроме самолет, предназначенный к вылету на реку Токантинс, уже стоял невдалеке от ангара. Мы зашли к диспетчеру аэродрома. Он сидел у радиопередатчика и не поднял головы на стук открывшейся двери.

— Да, да, — говорил он, — понял. Сделаем все возможное, чтобы прибыть вовремя. Для облегчения нашей задачи постарайтесь дать какие-нибудь дополнительные сведения. В каком состоянии он находится. Можете ли что сказать о характере первой помощи, необходимой раненому.

Отложив наушники в сторону, он обратил на нас внимание:

— Доброе утро, доброе утро! Очень хорошо, что вы к нам приехали. У меня к вам большая просьба. Только что я разговаривал с Токантиниа. У них произошло несчастье: на одном из постов ранен солдат. Кажется, в него стреляли индейцы. Необходимо срочно доставить туда доктора. Это, конечно, значительно дальше конечного пункта вашего маршрута. И если это идет вразрез с вашими планами, то мы постараемся достать другой самолет. Но… — и диспетчер прервал фразу на полуслове, вопросительно глядя на нас.

Безусловно, было невозможно отказать ему в просьбе. Речь шла о жизни человека.

Вылет был отложен на полчаса, до прибытия доктора. Он появился даже несколько раньше, пожилой человек, с небольшим рюкзаком за плечами и маленьким чемоданчиком в руках.

— Полетели? — спросил он, близоруко щуря глаза. — Все готовы?

Летчик вместо ответа широко раскрыл дверь в кабину самолета.

Поднявшись в воздух, самолет взял курс на север. Внизу под крылом расстилалась зеленая скатерть джунглей. То и дело

мелькала узенькая голубая полоска воды. Летели над рекой Токантинс. Не было видно почти никаких населенных пунктов, только изредка на берегу реки можно было заметить отдельно стоящие хижины. Редко — группу в четыре-пять домиков. Это, видимо, считалось уже большим поселком, потому что летчик, показывая вниз пальцем на хижины, говорил название места, над которым мы пролетали. Полет продолжался уже четыре с половиной часа, когда пошли медленно на снижение. Сидевший на задней скамейке доктор нагнулся к уху летчика.

— Токантиниа? — вопросительно закричал он.

Летчик отрицательно помотал головой.

— Нет, Порто-Насионал.

— А почему мы тогда снижаемся?

— Необходимо заправиться. В Токантиниа нет достаточно бензина для нас, и можем там застрять надолго.

Доктор посмотрел на часы, недовольно покачал головой, но делать было нечего.

Летчик снизился примерно до высоты ста пятидесяти метров, а садиться не торопился. Вот он сделал один круг над аэродромом, затем второй, потом возмущенно передернул плечами и витиевато выругался.

— Что они, заснули, что ли! Почему не дают сигнала на посадку? — задал он вопрос, ни к кому, собственно говоря, не обращаясь.

— А вы запросите аэродром, — посоветовал доктор.

— Так они же не слепые, сами должны видеть, — возразил летчик, но все же включил радио. — Порто-Насионал, Порто-Насионал, прошу посадку! Прошу разрешения на посадку! Камбио! — Прием!

В передатчике послышался какой-то хрип, шип, и затем кто-то дискантом произнес: «Вас слышу. Вас слышу. Можете идти на посадку».

Заросший травой аэродромчик был совершенно пуст. Метрах в ста от кромки поля стояла цистерна с бензином, ради которого нам пришлось прервать полет. Летчик подрулил машину к зданию аэровокзала, и все спрыгнули на землю. В комнате диспетчера сидел колоссального роста мужчина и записывал что-то на лежащем перед ним листе.

— Это вы летите в Токантиниа? — обратился он к летчику неожиданно тонким, почти женским голосом, никак не вязавшимся с его массивной, могучей фигурой.

— Да, — ответил летчик. — Сейчас заправимся и полетим дальше.

— Вряд ли вам придется вылететь отсюда сегодня, —

возразил диспетчер. — Только что получил радиограмму из Токантиниа. Ливнями у них совершенно размыто летное поле. Район весь обложен облаками, и неизвестно, когда прояснится и они отремонтируют дорожку. Просят доставить врача по реке.

Доктор возмущенно развел руками.

— Вот так всегда у меня. Как только вылетаю по срочному вызову, обязательно какое-нибудь происшествие. Сколько же времени придется добираться до места?

— Если завтра утром вы рано отправитесь в путь, то к вечеру прибудете в Токантиниа, — ответил диспетчер. — Можете взять лодку, которая принадлежит аэропорту, и спуститься вниз до городка, а на другой день ожидайте самолета на аэродроме. Он прилетит и отвезет раненого солдата в Гоянию.

Все согласились, потому что другого выхода не было.

Переночевали в доме для приезжих. В пять часов утра были уже на пристани. Погода стояла для тех мест довольно прохладная, градусов семнадцать-восемнадцать. На реке лежал густой туман. Моторная лодка, которая должна была отвезти двух пассажиров до Токантиниа, уже качалась у причала, и три человека экипажа возились с мотором. На вопрос, почему необходимы три человека для небольшого однодневного перехода, было дано разъяснение, что по пути встретятся несколько перекатов и один человек не сможет справиться с бурным течением и провести через пороги лодку. Всего из Порто-Насионала до Токантиниа нужно было преодолеть семь порогов.

К первому из них экспедиция подошла, когда лучи солнца уже показались из-за горизонта. Туман понемногу рассеивался.

Каждый перекат здесь имел свое название. Первым предстояло преодолеть перекат Тодос-ос-Сантос — перекат Всех Святых. Моторист выключил мотор, а рулевой, используя сильное течение, уверенно лавировал меж камней, вокруг которых пенилась вода. Лодка даже ни разу не задела бортом или днищем ни об один из валунов.

Так же успешно прошли перекат Кебра Кокос, что означает «ломающий кокосы». Если так хорошо все обходится, то зря утверждали наши спутники о необходимости иметь на борту экипаж из трех человек. Однако эта мысль не была высказана вслух, потому что в это время как раз подошли к перекату Дос-Марес — перекату Морей. Остановившись метров за двести до его начала, рулевой баркаса сказал:

— Надо выгружаться на берег. Возьмите все свои вещи, потому что это один из самых опасных перекатов, и мы не проходим его, имея на борту пассажиров и груз.

Рулевой привязал к корме веревку метров двести длиной,

поднял из воды гребную часть мотора и положил его на днище лодки. Все, кроме одного человека, вылезли на берег.

— Внимание! — закричал лодочник, оставшийся на корабле. — Возьмите все конец в руки и по моей команде тихонько потравливайте веревку.

Он оттолкнул багром лодку от берега и подал сигнал. Стоя на берегу, по мере прохождения лодки около очередного валуна все по команде отпускали постепенно конец. Пройдя таким образом часть переката, лодочник, выполнявший роль лоцмана, сумел подогнать ее к берегу, метрах в ста пятидесяти ниже того места, где находилась остальная группа.

— Давайте, — крикнул он, — повторим операцию!

Продираясь сквозь росшие на берегу кусты, подошли к лодке. Снова взялись за конец, снова лоцман дал сигнал, и еще сто пятьдесят метров переката были преодолены. Дос-Марес проходили в течение двух часов.

Достигнув спокойной воды, решили перекусить. Старший лодочник предупредил своих товарищей:

— Обедайте поплотнее. Сейчас нам придется поработать с перекатом Лажеадо.

На этот раз из баркаса вышли только пассажиры. Веревка здесь была уже не нужна, и приходилось полагаться только на опыт и сноровку экипажа. Пассажирам было заявлено, что на этот раз их помощь не потребуется, потому что здесь нужны только опытные руки. Нам предложено идти берегом до впадения в реку Токантинс притока Лажеадо.

Лажеадо по-португальски означает «вымощенный каменными плитами». Действительно, говорят, что русло реки Лажеадо почти сплошь гранитное. По всей Бразилии идет слава об этой речке, как о месте, где находят наибольшее количество алмазов.

Идти пришлось километра полтора. Прогулка оказалась не из приятных, так как в тени термометр показывал сорок два градуса по Цельсию. Когда мы выбрались, наконец, в условленное место, лодка еще не подошла.

— Давайте, — сказал доктор, — попытаемся найти один большой алмаз. Может быть, нам удастся найти новый «Южный крест» или алмаз хотя бы в сто каратов.

Гаримпейрос поблизости не было видно, а у доктора, кроме ваты, бинтов и хирургических инструментов, конечно, не оказалось никаких орудий, которые он мог бы использовать для осуществления своей идеи, — ни сита, ни лопатки. Но это его не смутило. Сбросив одежду, он полез в воду и с серьезным видом стал шарить руками по дну около берега. Через несколько минут это занятие ему надоело, и он разочарованно заявил:

— Если бы в Лажеадо была хоть половина того количества алмазов, о которых болтают досужие языки, то я бы нашел уже целую пригоршню их.

Решив в последний раз попытать счастья, доктор погрузился по плечи в воду и засунул руки под какую-то корягу.

— Ай, карамба! — вдруг закричал он и почти выскочил из воды.

— Что с вами, доктор?

— Меня схватила за палец какая-то дрянь! Смотрите! Вот, вот она! — Это была маленькая водяная черепашка, очень безобидное существо, которое, как правило, никого никогда не кусает. Но, видимо, доктор настолько бесцеремонно влез в ее жилище, что она решила проучить непрошеного гостя.

Укус был несерьезный: черепаха чуть-чуть содрала кожу на одном из пальцев.

— Гаримпейро из меня не получится, — сказал, смеясь, доктор. — Уж лучше буду продолжать специализироваться на встряхивании градусников и вырезании аппендицитов.

Лодка прибыла только в пять часов вечера. Почти три часа потребовалось для преодоления переката Лажеадо. Экипаж выглядел довольно усталым. Все были с ног до головы мокрыми, а у рулевого к тому же сверху донизу разодрана рубашка. Это в одном месте лодку при лавировании так стукнуло днищем о камень, что матрос не удержался на ногах, упал на борт и разорвал рубашку об уключину.

Дальше до самого пункта назначения ничего интересного не было, кроме так называемого тоннеля, где баркас несся, как стрела, выпущенная из лука. Всюду ширина реки составляла примерно шестьсот метров, а в районе тоннеля берега как бы сходились, и от одного до другого было не больше восьмидесяти метров. Поток воды, сдавленный между двух берегов, бурлил и пенился. Хорошо еще, что путешествие пришлось не на разгар сезона дождей и уровень воды в реке стоял не очень высоко. Лодочники рассказывали, что когда приходится совершать переход в октябре или ноябре, то именно на этом участке очень часто лодки и баркасы опрокидываются, и у пассажиров и экипажа почти нет шансов на спасение. Правда, в октябре — ноябре переходов почти не совершают, так как знают капризный нрав реки Токантинс.

К Токантиниа, вернее, к Порто-де-Гамалейра (потому что сама Токантиниа стоит немного в стороне от реки) мы подошли в полной темноте.

Не успела лодка пристать к берегу, как доктор, верный своему профессиональному долгу, побежал разыскивать

начальника гарнизона, чтобы узнать, где находится раненый. Я попросил разрешения сопровождать его. Все-таки не так-то часто в наш XX век можно увидеть человека, пострадавшего после стычки с индейцами. Начальника гарнизона — он же являлся и командиром поста — застали дома, в кругу семьи. Он собирался как раз ужинать.

— Добрый день, капитан! — приветствовал его доктор. — Что опять у вас здесь случилось? Где мой пациент?

— А, доктор! — ответил начальник гарнизона. — Очень рад вас видеть. Входите, входите, сеньорес, будьте как дома. Прошу извинить, что заставил вас проделать такое путешествие. Но долг службы есть долг службы. Садитесь, отдохните.

— Нет, капитан, — возразил доктор. — Долг службы есть долг службы. Где ваш раненый?

— К сожалению, — сказал капитан, — он умер еще вчера, через полчаса после того, как мы послали вам радиограмму.

— Так что же вы не вернули нас хотя бы из Порто-Насионала?

— А зачем? — удивился капитан. — Все равно вам пришлось бы ехать сюда, чтобы засвидетельствовать факт смерти.

— При каких обстоятельствах произошло несчастье? — спросил доктор. — Ведь в ваших местах давненько ничего не было слышно о «диких» индейцах — о бравос.

— Да какие там индейцы! — махнул рукой капитан. — В воскресенье отпустил я их всех в город, всех пятнадцать человек. Двое из них напились, поругались, и один стрельнул в другого. Вот и вся история.

Романтическая пелена, окутывавшая наше путешествие, начинала на глазах расползаться. Значит, зря преодолевались перекаты, зря экипаж лодки рисковал. Доктору не суждено было спасти жизнь еще одного человека, а журналисту услышать и описать потом на нескольких страницах красочный эпизод битвы с индейцами.

Нужно заранее предупредить читателей, что они на всем протяжении моего повествования ни разу не встретят описания битв с индейцами просто потому, что в последнее десятилетие таких битв не было. Если и происходят столкновения между жителями городков, расположенных в бассейне Амазонки, с коренным индейским населением, то силы во время этих стычек всегда неравные и индейцы всегда сторона в лучшем случае обороняющаяся, а очень часто они являются просто объектом для уничтожения. Так, например, за шесть лет до нашего приезда в Порто-де-Гамалейра на берегах реки Токантинс разыгралась трагедия, жертвами которой стали индейцы из племени гавиан. Это племя жило на землях в районах слияния реки Токантинс с

Арагуаей. Их было несколько сот — мужчин, женщин и детей. На землях, где располагалось их племя, росло много каштанов, и оптовые скупщики каштанов из городка Мараба решили завладеть этими землями, прогнав оттуда индейцев племени гавиан. Пятьдесят шестой год был очень дождливый. У индейцев кончились запасы продовольствия, и они решились приблизиться к обжитым местам, чтобы попросить белых людей помочь им. Индейские представители пришли в городок Императрис, что стоит на берегу реки Токантинс. Префект городка по имени Симплисио де Миранда принял индейцев и сказал, чтобы они на следующий день привели все племя на пляж Траира, расположенный недалеко от городка. «Там, — сказал префект, — мы приготовим для вас продовольствие и одежду». Когда сотни индейцев, большинство из которых были дети, женщины, явились в назначенное место и приблизились к оставленным на пляже мешкам муки и сахара, то отряд военной милиции под командованием лейтенанта Ромара открыл по индейцам огонь. Лишь небольшая часть из них спаслась бегством, а большинство были убиты и остались лежать на пляже Траира. В наши дни оставшееся в живых небольшое число индейцев племени гавиан живет сейчас на посту Фунай, а на бывших землях племени хозяйничают сборщики каштанов.

Правительство предпринимает меры, стремясь оградить индейцев от полного уничтожения. Например, за племенем гавиан декретом от 31 октября 1968 года был закреплен довольно солидный участок земли около реки Токантинс, но, как неоднократно писалось в бразильских газетах и журналах, наблюдения за выполнением этого декрета не было, мало того, латифундисты не только продают незаконно индейские земли, а и продолжают сколачивать вооруженные группы бандитов, которым поручают сгонять индейцев с приглянувшихся латифундистам участков. В случае же отказа поручают этим же бандитам истреблять индейцев.

С подобными явлениями мне приходилось сталкиваться не раз, так что хочу предупредить: не будет красочных эпизодов сражений с индейцами, потому что таких битв в Бразилии не было.

— Ничего, доктор, — успокоил капитан, — не жалейте потерянного времени, отдохнете у нас несколько дней и не пожалеете. Сходим на охоту, организуем прекрасную рыбную ловлю. Я знаю такое место, где наверняка можно поймать рыбу-быка. А потом кончится дождь, подправим взлетную дорожку, прилетит ваш самолет, и вернетесь обратно в Гоянию.

Нет, такой оборот нас никак не устраивал. Доктор в ужасе

замахал руками.

— Нет, нет, и не говорите, капитан, мне необходимо послезавтра во что бы то ни стало быть в Гоянии. У меня же клиентура, у меня же госпиталь. Ждут больные. И жена будет волноваться. Нет, нет, нет. А что, разве самолет не сможет прилететь завтра утром?

— Это исключено, — твердо сказал капитан. — Он просто не в состоянии сесть на то грязное месиво, в которое превратился наш аэродром. Если вы отказываетесь от нашего гостеприимства, придется вам идти на лодке до Педро-Афонсо.

Так и решили. Идти до Педро-Афонсо. Переход от Токантиниа до Педро-Афонсо был быстрым и легким. На пути не встретилось ни одного переката, ни одного водопада. Мотор находился в хорошем состоянии, и экипаж довел лодку за несколько часов. Этот отрезок путешествия был бы довольно скучным, если бы доктор, старожил штата Гояс, не загорелся вдруг желанием поведать приезжему человеку все легенды, связанные с местами, мимо которых мы проходили.

Так вот, про поселок Педро-Афонсо, куда держала путь наша лодка, рассказывают такую историю. Много лет назад на месте, где сейчас стоит Педро-Афонсо, жила только одна семья: старик хозяин, его дочь и внучка, девушка шестнадцати лет. Она была красивая, любимица и гордость всего района, потому что слава о ее красоте разнеслась далеко вокруг. Ее имя было Флор-де-Параизо — Райский Цветок. Каждый день Райский Цветок по утрам отправлялась к реке за водой, купалась, собирала цветы, иногда ловила рыбу и поэтому задерживалась на час, на два. Однажды, отправившись на речку, Райский Цветок не вернулась домой. Все родственники пошли на поиски. Они обошли берега реки, искали в джунглях. Но розыски не увенчались успехом. Они не могли поверить, что Райский Цветок утонула, купаясь в реке, потому что девушка была прекрасной пловчихой. Она не могла также погибнуть от зубов крокодила жакаре, потому что на песке не осталось никаких следов борьбы. Купалась же Райский Цветок в месте, где жакаре вообще никогда не появлялись. Можно было только предполагать, что ее утащили индейцы. Но в какую сторону ушли похитители, где искать девушку, никто не знал.

Скорбь царила в семье. Но вот на следующее утро все увидели, как по безымянному притоку Токантинс скользит небольшая пирога и в ней сидит Райский Цветок. Девушку действительно украли индейцы в то время, когда она ловила рыбу. Нападение было столь внезапным и стремительным, что Райский Цветок даже не сумела позвать на помощь. Индейцы бросили ее на дно лодки и быстро двинулись вверх по течению

притока реки Токантинс. Они гребли весь день, не переставая, гребли без отдыха, пока не достигли небольшого песчаного пляжа. Это было часов в семь-восемь вечера, уже в полной темноте, и индейцы решили сделать привал. Райский Цветок понимала язык индейцев, и ей стало ясно, что они собираются довезти ее до племени, стойбище которого находится на расстоянии одного дня пути от места привала, и там подарить в жены вождю племени.

Похитители решили не спать всю ночь и караулить девушку. Они разложили костер, зажарили на нем пару рыб и угостили Райский Цветок. Райский Цветок решила перехитрить индейцев и стала петь колыбельную песню, которую ей в детстве напевала мать. Убаюканные очаровательным голосом, индейцы крепко уснули.

И тогда Райский Цветок подбежала к лодке, села в нее и гребла всю ночь. Утром она вернулась в хижину матери и деда. На месте хижины сейчас и расположен городок Педро-Афонсо, а безымянный приток реки Токантинс стали называть Рио-до-Соно — «Речка Сна».

Говорят, что однажды муниципалитет города серьезно обсуждал проблему, не просить ли власти штата переименовать город Педро-Афонсо в город Флор-де-Параизо — Райский Цветок. Нужно сказать, что сам город очень мало напоминает цветок. Он грязный и неуютный. Но, как и в других местах Бразилии, народ там живет гостеприимный и приятный.

Перед началом перехода из Токантиниа в Педро-Афонсо доктор связался с Порто-Насионалом и поговорил с летчиком нашего самолета, условившись о встрече в Педро-Афонсо. Действительно, уже подходя к пристани, доктор воскликнул:

— Смотрите! Вон наш командир корабля!

Летчик сидел на деревянной тумбе причала, держа в руке удочку.

— А я вас жду здесь уже два часа, — сказал летчик. — Если согласны, то через час можем вылетать обратно в Гоянию, а то что-то мне здесь не очень нравится. Да и рыба не ловится.

— Ну как, сейчас бензина хватит на обратный путь? — поинтересовался доктор.

— Самолет-то я заправил, но на всякий случай придется прихватить несколько добавочных канистр. Кто знает, а вдруг вынужденная посадка на «сухом» аэродроме, где и капли бензина не достанешь. Лучше уж перестраховаться.

Летчик попросил меня сопровождать его на нефтебазу и помочь донести до самолета банки с горючим. Доктор остался у причала, сказав, что предпочитает посидеть у реки, чем идти по

солнцепеку.

Однако получить какие-то четыре несчастные канистры бензина оказалось делом далеко не простым.

Мы не имели на руках «распоряжения», «приказа», «указания», а попросту говоря — бумажки, подписанной каким-либо ответственным чиновником, о выдаче летчику бензина сверх установленной нормы. Собственно говоря, бумажка была, но подпись на ней была скреплена печатью властей штата Гояс, а нефтебаза подчинялась начальству штата Белен. Между летчиком и кладовщиком произошел следующий любопытный диалог:

— К сожалению, только когда вы принесете мне другое требование на бензин, я смогу выдать эти сорок литров горючего.

— Но такую бумажку можно ведь получить только в Белене.

— Совершенно верно, самый ближайший пункт, где сидит мое начальство, — Белен.

— Но чтобы долететь до Белена, я должен потратить весь имеющийся у меня в баках бензин, получив бумажку, заправиться вновь и прилететь обратно к вам.

— Ничего не могу поделать. Инструкция есть инструкция. Нарушать ее я не буду ни в коем случае. Если бы вы были частным лицом, то я, согласно инструкции, мог бы продать вам сорок литров бензина за наличный расчет, но вы уже показали свой документ и не можете считаться частным лицом.

— В таком случае вот этот сеньор, — летчик показал на меня, — является для вас частным лицом или нет?

— Да, является, если он не входит в состав вашего экипажа.

— Он не входит в состав моего экипажа. Он иностранный журналист.

— По инструкции я имею право отпускать бензин любым частным лицам, — произнес кладовщик и, забрав канистры, пошел наливать горючее.

Через несколько минут, смеясь и кляня на чем свет стоит бразильских бюрократов, мы тащили к самолету канистры, полные бензина.

Когда доктору в лицах пересказали дипломатические переговоры с кладовщиком, он покачал головой:

— А знаете, лет тридцать назад я был одним из тех, кто участвовал в экспедиции по прокладке воздушного пути из Гояса до города Белена. Командиром у нас был Лисиас Родригес. Он потом написал книгу «Движение по Токантинс». Как нас здесь, в этом самом городке Педро-Афонсо, принимали! Когда наш самолет опустился в первый раз на аэродром, мы были встречены аплодисментами, возгласами «ура!» и хлопушками. Местные жители очень радовались открытию первой воздушной линии. На

аэродроме установили трибуну, с которой говорились приветственные речи. А когда экипаж самолета вошел в город и проходил по центральной улице, то, ей-богу, девушки забросали нас цветами. Я был тогда на тридцать лет моложе, и это внимание со стороны прекрасного пола почему-то особенно радовало меня. А сейчас прилет самолета не событие. Воздушный путь Токантинс действует пусть с небольшими перебоями, но все же регулярно, — и доктор сокрушенно покачал головой, вспоминая о былых временах.

Шесть часов полета до города Гоянии прошли благополучно, а уже на аэродроме передали приятное для меня известие: завтра утром вылетаем в Бализу — к давно обещанным и долгожданным гаримпейрос.

На улице Рио Бранко в Рио-де-Жанейро находится невысокое, мрачноватого вида здание. Над входом висит написанная готическим шрифтом вывеска «Х. Штерн». Здесь центральная контора коммерсанта и промышленника Штерна. Он владеет многочисленными ювелирными магазинами, лавками по продаже сувениров, а также шахтами, где добываются полудрагоценные камни. У Штерна разветвленная сеть скупщиков драгоценных и полудрагоценных камней. Когда я собирался в командировку, чтобы самому посмотреть, как работают гаримпейрос, то решил предварительно заручиться в конторе у Штерна рекомендательными письмами или, по крайней мере, запастись адресами.

Заместитель коммерческого директора, к которому я обратился, оказался очень любезным человеком и, рассказав о фирме Штерна, предложил мне для закрепления первых контактов закупить прекрасную партию самоцветов на несколько миллионов крузейро. Пришлось объяснить подробнее цель моего прихода.

— Ах, вы хотите только посмотреть, — с разочарованием в голосе сказал заместитель коммерческого директора. — Тогда я могу вам дать, во-первых, рекомендательное письмо к префекту города Бализы, что находится на реке Арагуае, а также записку к администрации одной из наших крупных шахт в районе Говернадор Валадарис. Шахта называется «Космополитана». Это в штате Минас-Жераис. Вы передадите записку сеньору Овидио, и он вам все покажет.

И вот в моем кофре вместе с фотоаппаратами лежит конверт с рекомендательным письмом к префекту города Бализы. Мы, правда, полетим туда по личному приглашению губернатора, но, вероятно, рекомендательное письмо не помешает.

На следующее утро программа не подверглась никаким

изменениям. Диспетчер не получал больше сообщений о раненых солдатах; самолетик, на котором предстояло совершить путешествие, не нуждался, по заверениям пилотов, в ремонте; механик, готовивший самолет к полету, уже возился около другого воздушного корабля; диспетчер пожелал нам благополучного возвращения в Гоянию; летчик Эухенио завел мотор, и мы тронулись в путь.

Шли на высоте около тысячи метров. Первая часть маршрута, видимо, была хорошо знакома летчику, и он просто смотрел вниз, держа курс по наземным ориентирам. Но в конце пути ему пришлось вытащить из бокового кармана карту, так как, признался он, в этот район летать ему приходилось нечасто.

Незадолго до подхода к Бализе на лице летчика появилось некоторое беспокойство. Он что-то даже сказал сам себе вполголоса. За шумом мотора слов не было слышно, но по выражению лица Эухенио можно было догадаться, какие крепкие выражения он адресует механику, снаряжавшему в полет крохотный самолет. До намеченного пункта лететь оставалось минут двадцать, а стрелка бензобака как-то очень быстро приближалась к нулевой отметке и не давала никаких поводов для оптимистического настроения. Было ясно, что на аэродроме нам не долили бензина. И хотя драгоценная жидкость плескалась в канистрах, уложенных вперемежку с рюкзаком и фотоаппаратами, это не облегчало положения. Для подзаправки нужно приземляться. А под крылышками самолета раскинулась однообразная зеленая плотная масса джунглей.

Чтобы иметь представление о месте описываемых здесь событий, найдите на карте Бразилии знакомый вам штат Гояс, и на реке Арагуае, отделяющей его от соседнего штата Мату-Гросу, разыщите точку города Бализы, куда мы держали путь.

То ли путешественникам улыбалось счастье, то ли врал указатель бензина, но мотор зачихал и смолк как раз в тот момент, когда колеса коснулись заросшей бурьяном площадки, выполнявшей роль аэродрома. Эухенио открыл дверцу, спрыгнул на землю и, не торопясь, обошел вокруг воздушного такси.

— Сейчас подъедет заместитель префекта. Я представлю ему вас и полечу обратно. Мы встретимся, как договорились, через неделю на аэродроме в Арагарсасе, — сказал спокойно летчик, давая понять, что раз рейс завершен благополучно, то и незачем обсуждать недавнее происшествие.

Было непонятно, каким образом местное начальство узнает о приезде нежданного гостя и почему Эухенио ожидает именно заместителя префекта. Но вопросы задать не удалось: неожиданно на поляну выскочил «джип» и направился в нашу

сторону, лихо затормозив у самого пропеллера. За рулем машины сидел средних лет мужчина в широкополой шляпе, какие носят скотоводы штата Мату-Гросу.

— Вам повезло, что я оказался дома, — без всякого предисловия начал наш новый знакомый, вылезая из машины. — Вижу, летит «стрекоза». Не иначе в Бализу, ко мне в гости. Мое правило: встретить, как и подобает хорошему хозяину. Надолго в эти края? Чем могу быть полезен? Да! Разрешите представиться: заместитель префекта Бализы Густаво Алмейдо Матос.

Эухенио первым пожал протянутую ему руку.

— Эухенио, летчик. А этот сеньор, — и он показал на меня, — иностранный журналист. Совершает поездку по штату Гояс, приглашенный властями. Он хочет своими глазами увидеть, как добывают алмазы. Губернатор надеется, что вы окажете ему помощь в работе, сеньор Густаво.

— Конечно, конечно, — голос вице-префекта стал слаще меда. — Губернатор мой хороший друг, мы же с ним из одной партии. Надеюсь, сеньор журналист говорит по-португальски?

Получив утвердительный ответ, Густаво Матос еще более расплылся в улыбке.

— Не будем же терять времени даром. Отправимся ко мне.

Только при большом воображении Бализу можно было назвать городком. Мы въехали на небольшую деревенскую улочку, по обеим сторонам которой тянулись приземистые мазанки с оконными проемами без стекол и с пальмовыми крышами. Единственное более или менее приличное строение принадлежало моему спутнику. Матос пригласил зайти внутрь, чтобы за чашечкой кофе обсудить дальнейшую программу действий.

По всей видимости, комната служила хозяину рабочим кабинетом и конторой. В углу стоял массивный стальной сейф, а на колченогом столе небольшие аптекарские весы. Вице-префект снял внутренний засов и распахнул ставни.

— Конечно, вам захочется посмотреть мои последние алмазы, — сказал он и, не дожидаясь ответа, стал возиться с хитроумным замком несгораемого шкафа. — Вот они, красавцы. — Матос протянул руку, на ладони которой лежали три невзрачных прозрачных камешка. — За средний я получу не меньше шести миллионов крузейро, а те, что по бокам, потянут каждый на миллион. Нравится?

Признаться, на меня не произвели никакого впечатления алмазы. Может быть, специалист оценил бы их, но для несведущего человека спутать необработанный алмаз с простыми стекляшками было нетрудно. Однако, чтобы не уронить себя в

глазах добытчика, пришлось понимающе кивнуть головой и даже произнести глубокомысленную фразу о чистоте воды бразильских бриллиантов. Попутно было высказано пожелание ознакомиться с методами добычи алмазов. Минут через пять мы уже шли по направлению к околице Бализы, где начинались холмы, покрытые редким кустарником. Матос шел вразвалочку, небрежно отвечая на робкие приветствия встречавшихся.

— У вас здесь все знакомые, — заметил я ему, стараясь вызвать вице-префекта на разговор.

— Конечно, — с явным удовольствием откликнулся Матос. — Я же здесь делаю политику. Спросите, кто хозяин Бализы, и каждый ответит: сеньор Густаво Алмейдо Матос. У меня пятнадцать участков и на реке и на холмах. Пятнадцать лучших гаримпос мои. Что бы делали без меня гаримпейрос — искатели алмазов? Моя лавка дает им в кредит фасоль и рис, соль и кофе. А желоба для промывки породы? А помпу? Сито, лопаты? Где бы они взяли их без меня? Везде и всюду Густаво Алмейдо Матос.

— Как же они рассчитываются с вами, сеньор Матос?

— Алмазами, — вице-префекта, видимо, несколько обескуражил такой, по его мнению, наивный вопрос. — Гаримпейрос работают на участках — гаримпос, мне принадлежащих. Пользуются моими орудиями, берут в кредит в моей лавке, и за все это я беру себе пятьдесят процентов стоимости добытых ими алмазов. Вернее, я обязуюсь выплатить им пятьдесят процентов от цены алмаза и забираю камень себе. При расчете вычитается стоимость взятых ими в кредит продуктов из моей лавки и соответствующая сумма за аренду оборудования… Три месяца назад бригада из десяти человек гаримпейрос на участке, куда мы идем, получила за алмаз, что вы видели у меня, почти миллион крузейро. Это после вычета пятисот тысяч за питание и прочее.

— Но вы, кажется, помянули, что стоимость алмаза составляет шесть миллионов крузейро, сеньор Матос? — вспомнил я сумму, называвшуюся ранее.

— Правильно, шесть миллионов, — Матос покровительственно ухмыльнулся. — Шесть миллионов вы заплатите за готовый бриллиант, приобретенный в магазине Рио или Амстердама. Скупщику же, который приедет забирать очередную партию, я отдам его за пять миллионов. Всем нужно дать возможность заработать. В прошлом году, скрывать не стану, мой чистый доход составил сорок миллионов. Мне деньги нужны. Я же занимаюсь политикой. А скоро будут выборы, и алмазы — мое основное оружие и сила.

— К какой же партии вы принадлежите, сеньор вице-префект?

— А в нашем штате большинство пользуются социал-демократической партией. У нее вот уже много лет самые сильные позиции, и все важные должности занимают члены этой партии. Однако я, вероятно, перейду в партию Национал-демократический союз. Хочу попытаться пройти в парламент штата, а потом, может быть, и дальше — в федеральный парламент. Все зависит от того, как пойдут дела с добычей алмазов на новых участках. При деньгах можно идти к власти, а имея власть, можно иметь и деньги.

Так, разглагольствуя на торгово-политические темы, Матос дошел до вершины одного из холмов. Перевалив гребень, мы очутились в глубоком карьере, на дне которого было несколько человек.

— Гаримпейрос, — махнул в их направлении рукой Матос. — Это один из первых приобретенных мной гаримпос. Остальные не так давно начал разрабатывать. Причем большинство участков расположено на реке, и добыча ведется мокрым способом. В карьере, где мы с вами находимся, добыча алмазов ведется сухим способом. С этого гаримпо я получил уже более двадцати миллионов крузейро.

— Скажите, — спросил я Матоса, вспомнив о рекомендательном письме коммерческого директора, — а с компанией Штерна вы связаны?

Губы Матоса скривились в улыбке.

— Нет, со Штерном имеет дело наш префект, вернее, имел дело, а сейчас тоже предпочитает работать на свой страх и риск. Правда, некоторые скупщики, которые приходят ко мне, потом перепродают алмазы Штерну, но это уж их дело.

По всей вероятности, рекомендательное письмо здесь не принесло бы мне никакой пользы, и я решил промолчать о его существовании.

Увидев хозяина, гаримпейрос не прекратили работы и лишь недоуменно посмотрели на его спутника, вооруженного фотоаппаратами. Их любопытство было вполне объяснимо. Туристов в Бализе никогда не видели, а о корреспондентах, тем более иностранных, имели довольно смутное представление.

Помпа гнала по желобу струю воды. Двое гаримпейрос небольшими лопатами подбрасывали в ее поток породу, и метрах в пятнадцати ниже перемешанная с песком вода падала на деревянный лоток, с которого двое рабочих накладывали мокрую породу на сито с крупными ячейками. Комья отбрасывались, камни тоже, а мелкий песок откидывался на лоток и тщательно перебирался руками в поисках желанных алмазов. По-сумасшедшему пекло солнце. Человек двигался, наступая на

голову собственной тени. Мимо прошли подсобники. Один из них держал на плечах плетеную корзину, доверху наполненную камнями, второй нес один булыжник не менее сорока килограммов весом. В их задачу входила очистка гаримпо от крупных кусков пустой породы. Рабочий день длится тринадцать часов, без воскресного отдыха. Кругом раскаленные камни, и негде укрыться от обжигающего солнца. А тут еще колючая пыль и трудно дышать. Вода в желобе настолько тепла, что не способна утолять жажду.

Так ищут бразильские алмазы. И не высматривайте здесь романтики или экзотики. Нет их и в помине. Вице-префект Густаво Алмейдо Матос есть, гаримпейрос в рваных парусиновых штанах и опорках на босу ногу есть, вечно голодные дети, что роются в песке на берегу реки Арагуаи есть, а романтики или экзотики нет в этом далеком уголке бассейна реки Амазонки.

Возвращались в Бализу другой тропинкой, что проходила между двух рядов убогих лачуг. Матос предложил войти в любой дом и выпить кружку воды. Владельцев жилищ не было видно. Но это не смутило «хозяина» Бализы. Небрежным жестом Матос откинул служившую дверью тряпичную занавеску ближайшей хижины и ввалился внутрь. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Когда глаза несколько привыкли к полумраку помещения, я разглядел трех ребятишек и женщину, сидевших на краю старого матраса, брошенного на чуть возвышающиеся над деревянным полом полати. Около противоположной стены стоял самодельный стол, на нем — кувшин. На двух гвоздях висела какая-то одежда. Сквозь щели хижины был виден двор с полуразвалившимся очагом, около которого на каменной скамеечке была расставлена кухонная утварь.

— Ну, как живешь, донна Мариа? — наигранно бодрым голосом обратился к женщине Матос. — Дайка нам с сеньором напиться.

Женщина, не говоря ни слова, вышла, захватив с собой кувшин.

— Сядьте, — предложил мне вице-префект, хотя никаких стульев не было и в помине. — Она вернется минуты через две. Здесь живет один из моих лучших гаримпейрос. Он и вся его семья, конечно, мои избиратели. Все мои гаримпейрос голосуют за меня. А если мне удастся удвоить число участков, то количество голосов будет достаточным для прохождения в депутаты штата.

— Какая же у вас программа, сеньор Матос?

— Так я же вам, по-моему, уже рассказывал, — искренне удивился политик. — Хочу стать депутатом штата, а потом, бог

даст, может быть, попытаюсь пробиться в федеральный парламент.

Мариа вошла, молча протянула кувшин. Вода в нем была теплой и мутной. Матос сделал несколько глотков, махнул ребятишкам рукой и направился к выходу, поправляя висевший на поясе револьвер.

— Сеньор, — вдруг сказала женщина. — Сеньор, я хотела попросить у вас четыреста крузейро на фаринью и фасоль для детей. В вашем магазине еще не привезли, а у меня все кончилось вчера.

— Ты же знаешь, Мариа, — с раздражением в голосе ответил Матос, — что не в моих правилах давать деньги гаримпейрос до окончательного расчета. Однако ты можешь пойти к приказчику и сказать о моем распоряжении взять для тебя из соседней лавки эти продукты. Пусть запишет на счет твоего мужа.

У поворота я оглянулся. «Избирательницы» не было видно, и все хибары казались необитаемыми. Где-то далеко влево чуть слышно звучал прерывистый звук бензинового движка помпы. Вероятно, на одном из участков Густаво Алмейдо Матоса.

Вице-префект не спеша двигался по тропке, губы его беззвучно шевелились. Может быть, он представлял себя на трибуне парламента произносящим длинную и витиеватую речь, выдержанную в лучшем стиле традиционной бразильской парламентской школы.

— Если хотите, пройдем на речку и посмотрим, как добывают алмазы мокрым способом? — спросил Матос.

— Прекрасно! — ответил я. — Чем больше мы сможем увидеть, тем больше я вам буду благодарен.

Вот она, красавица Арагуая. Мы стояли на высоком правом ее берегу и смотрели на баркас, бросивший якорь на самой середине реки. Возле этого берега мужчина возился с небольшой лодкой, половина которой была накрыта брезентом.

— Эй, приятель! — окликнул Матос. — Ты что там делаешь?

— Ничего, — раздалось в ответ. — А вы что делаете?

— Это, видимо, какой-то чужак. Местные жители, как вы заметили, не посмеют так грубо разговаривать со мной. Если ты ничего не делаешь, — снова закричал Матос, — то доставь нас на баркас!

— Дело несложное, спускайтесь. Поехали.

Развалясь на носу лодки, Матос расспрашивал парня, откуда он и зачем прибыл в Бализу.

— Я не из праздного любопытства хочу узнать что-нибудь о тебе. Все-таки я представитель местной власти.

— Да я вас узнал. Вы сеньор Матос — хозяин участков здесь,

на Арагуае, и префект Бализы.

Повышение в должности, видимо, понравилось Матосу.

— Да. Но а сам-то ты кто?

— Я? Я Мануэл, гаримпейро, «дикий» гаримпейро. Что хочу, то и делаю. Но не думайте, я не промышляю на ваших участках.

— Еще бы! — ухмыльнулся Матос, — Ты знаешь, что за это бывает?

Мы уже подошли к баркасу и собирались забраться на его борт, как мне в голову пришла замечательная идея.

— Слушайте, сеньор Мануэл, — сказал я нашему перевозчику. — Если вы сможете подождать полчаса, то я хотел бы поговорить с вами после осмотра баркаса и сделать одно предложение. Может быть, оно вас заинтересует.

Мануэл недоуменно посмотрел на меня, пожал плечами, но ответил:

— Хорошо! Почему бы не подождать полчаса, если потом будет интересный разговор.

На баркасе находилось шесть рабочих. Четверо из них были еще совсем мальчиками лет по четырнадцать-шестнадцать. Двое медленно крутили колесо воздушной помпы, от которой шел шланг под воду, двое отдыхали на корме, а остальные члены бригады выгружали из какого-то мешка грунт в лодку.

— Привет, привет! — бодренько произнес Матос, обращаясь к рабочим.

— Здравствуйте, хозяин, — ответил за всех пожилой мужчина, наверное, старший.

— Ну, как работается, ребята?

— Стараемся, хозяин. Пока сегодня никакого улова нет, — ответил тот же человек.

— Вот это, — Матос обратился ко мне, — так называемый мокрый способ добычи алмазов. Баркас принадлежит мне, помпа тоже моя, и внизу сейчас на грунте работает водолаз. Он насыпает в мешки донную породу, потом дергает за веревку, мешок поднимают наверх, высыпают грунт на палубу, здесь его немного просматривают вчерне, затем переправляют все то, что поднято со дна, на лодку, отвозят поближе к берегу и там делают окончательную промывку. Участок этот новый, я недавно приобрел его, но, кажется, довольно перспективный. По крайней мере, за минувшие два месяца здесь было найдено два довольно крупных алмаза, не считая мелочи.

Пареньки, не прекращая ни на секунду вертеть большие колеса помпы, внимательно прислушивались к нашему разговору.

— Ну, здесь особо интересного ничего вы не увидите.

— Скажите, — обратился я к Матосу, — сколько времени

пробудет еще водолаз под водой? Мне бы хотелось потом сделать снимок.

— А он не так давно опустился, — ответил вместо Матоса старший группы. — Так что вряд ли вы его дождетесь. Ведь водолаз должен пробыть на дне не меньше четырех часов после перерыва. И если он поднимется наверх, то мы потеряем полчаса, потому что пока он спустится обратно, пока уляжется ил, поднятый при его спуске и подъеме, пройдет много времени. Кроме того, он уже очень удобно устроился на своем месте, и не хочется терять его и начинать копать на новом участке грунта. Да и какой интерес снимать одноногого человека?

— Как одноногого? — удивился я.

— Да наш Жозе без ноги. Вы разве не видите протез?

Действительно, между колесами помпы стоял протез ноги.

— Как же можно работать там без ноги?

— А он опускается на грунт, подбирает удобное место, садится и начинает наполнять грунтом мешки, которые мы ему спускаем сверху. Там и безногий мог бы работать, — мрачно пошутил он.

— Это один из лучших моих водолазов, — с гордостью вставил Матос. — Он уже около полутора лет работает на моих участках.

В это время двое ребят, отдыхавших на корме, встали и сменили товарищей. Те в изнеможении опустились на палубу.

— Устали, ребята? — с деланным сочувствием спросил Матос.

— Ну а как же, хозяин? Попробуйте полчаса под таким солнцем покрутить эти колеса.

— Но ничего, хозяин, — заметил старший группы. — Они ребята толковые, справляются со своей работой.

Матос иронически взглянул на говорившего:

— Ну конечно, внук твой, ты его и защищаешь. Хотя не подумайте, что я имею какие-нибудь претензии к качальщикам. Главное, чтобы толк был в работе. Ну что, — вторично обратился он ко мне, — по-моему, здесь больше смотреть нечего. Давайте вернемся на берег. — И он перепрыгнул в лодку Мануэла.

— Сколько же вы нм платите, если не секрет? — спросил я Матоса.

— Ну, какой здесь может быть секрет, — засмеялся предприниматель. — Плачу я им сорок процентов от того, сколько стоят добытые алмазы.

— Но ведь вы же платите пятьдесят процентов гаримпейрос, работающим на сухих участках?

— Конечно, пятьдесят процентов. А здесь сорок, потому что

оборудование гораздо ценнее. Баркас стоит немалых денег и помпа тоже. Кроме того, и водолаз нуждается в своем снаряжении. Нет, на меня гаримпейрос не жалуются. У других хозяев гораздо в худших условиях работают. Я и в лавке своей продаю продукты почти по себестоимости. Очень немного получаю выгоды от лавки, — с искренним сожалением произнес он.

Густаво Алмейдо Матос рассказывал о своих взаимоотношениях с гаримпейрос как о самых будничных вещах. Видимо, они представлялись ему обычными деловыми отношениями между предпринимателем и рабочими.

Может быть, вам покажется, что здесь несколько сгущены краски. Но данные, встреченные мною в бразильской печати, подтверждают факт подобных взаимоотношений между владельцем участка и гаримпейрос. Вот что писала, например, в своем воскресном номере газета «Жорнал до Бразил» от 15 декабря 1963 года. Говоря о том, что в дальнейшем добыча и торговля драгоценными камнями в Бразилии будет подчинена определенным правилам и законам, газета описывала существующие отношения между работодателями и рабочими приисков:

«В свой бизнес в торговле драгоценными камнями дельцы не вкладывают ни одной копейки. Весь риск, все расходы несут гаримпейрос, включая риск потерять на приисках жизнь и здоровье. Гаримпейрос вынуждены продавать добытые ими драгоценные камни за мизерную плату владельцам гаримпос или скупщикам. Федеральные власти никогда не знают, сколько гаримпейрос работают на том или ином участке. Перепись или учет пикуас, как зовут на местном жаргоне гаримпейрос, производится или с помощью владельцев участков, или с помощью скупщиков драгоценных камней. А те дают властям только то количество имен гаримпейрос, которое нм необходимо для оформления сделок, проходящих легальным путем».

И далее газета продолжает: «Вот в основном как производится расчет с гаримпейрос. Хозяин участка, имеющий разрешение на ведение разработки и поиска драгоценных камней, берет с гаримпейрос от пятидесяти до шестидесяти процентов стоимости его продукции. Если разработка ведется сухим способом, а для промывки породы необходима вода, которой нет на этом участке, то гаримпейрос должны сами оплачивать эту воду хозяину участка, на котором находится источник. Владелец этого участка берет с гаримпейрос двадцать процентов стоимости найденных камней. Если хозяин участка, имеющий разрешение на ведение разработки, дает гаримпейрос орудия труда, то сверх

пятидесяти процентов он у них забирает еще двадцать процентов стоимости найденных алмазов».

«Что же получается? — заключает газета. — Для гаримпейрос остается всего лишь десять процентов стоимости найденных ими драгоценных камней. А если учесть, что владелец участка, тот, кто покупает камни, сам назначает цену, то вы можете себе представить, в каких условиях живут пятьсот тысяч гаримпейрос Бразилии».

Мануэл быстро доставил нас к берегу, и Матос дал перевозчику двести крузейро.

— Пойдемте домой поужинаем, — обратился он ко мне.

— Одну минуточку. Я только хочу поговорить с Мануэлом.

— С каким Мануэлом? — не понял Матос.

— А с нашим перевозчиком.

— Да, — подтвердил Мануэл, — сеньор хотел мне сделать какое-то интересное предложение.

— Предложение заключается в следующем, — пояснил я. — Если у вас есть время, скажем дня четыре-пять, то мне хотелось бы совершить путешествие отсюда до Арагарсаса с вами на вашей лодке и посмотреть своими глазами, как ведется разработка алмазов «диким» способом.

— Да так же и ведется, как мокрым способом, — перебил Матос. — Достают около берега грунт и сквозь сито промывают его. Конечно, на тех участках, которые ничейные. Потому что если «дикий» старатель будет промывать, например, на моем участке, то это уже хищничество.

— Знаете, — пытался объяснить я Матосу, — с точки зрения технической, конечно, все делается, может быть, и так же. Но у нас, у журналистов, особые задачи. Нам все хочется посмотреть своими глазами. Так сказать, вкусить жизнь настоящего гаримпейро.

Матос от души расхохотался.

— Могу сказать, что это не очень сладко. Правда, пять дней выдержите.

— Ну как, — обратился снова я к Мануэлу, — согласились бы вы взять меня на пять дней своим компаньоном, за определенную плату, конечно?

Матос развел руками.

— Я ничего против не имею. Что касается платы, так, вероятно, я все эти пять дней смогу, как обычно, работать, или вам нужно будет просто проехаться по реке?

— Нет, конечно, вы будете жить как обычно, работать и выбирать маршрут по своему усмотрению. Мне просто хочется узнать, как вы работаете, в каких условиях живете.

— Ну тогда что и говорить. Никакой платы, конечно, не нужно. Если вы возьмете на себя расходы по питанию нас обоих, то этим, пожалуй, и ограничимся. А там уж, в конце путешествия, если вам оно понравится, вы что-нибудь мне и дадите. А так, наоборот, я буду очень рад. Все-таки вдвоем гораздо веселее. А то все один на реке и один. Иногда по нескольку суток ни одной живой души не видишь, кроме птиц и рыб. Когда же мы отправимся с вами?

— Давайте сегодня к вечеру. После ужина я подойду сюда, и мы тронемся в путь.

Алмейдо Матос искренне удивлялся, слушая наш разговор. Но у меня, право, кроме желания быстрее начать путешествие, не было никакой охоты проводить ночь под крышей этого промышленника. Он был мне органически неприятен. Но хозяин есть хозяин, и, чувствуя себя в какой-то мере обязанным перед Матосом за то время, которое он потратил на показ своих участков, я пригласил его поужинать в единственный имевшийся в Бализе бар. Матос с удовольствием принял приглашение. Закончив трапезу и расплатившись, я вышел первым на улицу, а Матос еще задержался, потому что бармен окликнул его.

— Хозяин, у меня кончается фаринья. При случае нужно попросить, чтобы привезли из Арагарсаса.

Так совершенно случайно я узнал, что и бар принадлежит Матосу. Таким образом, деньги, заплаченные за наш ужин, целиком пошли в его карман. Матос был стопроцентным прожженным дельцом, на котором негде было ставить пробы.

Там, где счастье измеряют каратами

По реке Каяпо-Гранде Индейцы острова Бананал • Дорадос идут в таррафу • К Негру пришло бамборро • Есть алмаз! • Фиолетовая чума • Жибойя охотится за человеком • Как добывают зеленый турмалин

Лодка Мануэла отошла от берега Бализы незадолго до сумерек. Оказалось, у нее было еще одно преимущество: перед выходом Мануэл откинул лежащий на дне лодки брезент, и я увидел подвесной мотор.

— Ну вот, — сказал Мануэл, — сейчас поставим мотор и двинемся вниз по Каяпо-Гранде. Километра три отойдем, и тогда можно разбить лагерь. Я не люблю делать остановки на участках, которые принадлежат какому-нибудь хозяину. А берега Каяпо-Гранде принадлежат Матосу еще на протяжении трех километров ниже по течению.

Мануэл не ошибался, называя Арагуаю Каяпо-Гранде, потому что в районе Бализы официальное название реки Арагуаи действительно было Каяпо-Гран-де. Если вы станете искать на

карте Арагуаю около Бализы, то, конечно, не найдете ее. На расстоянии около четырехсот двадцати километров река Арагуая везде обозначена на местных картах как Каяпо-Гранде. Мануэл рассказал, что район его операций простирается вплоть до острова Бананал.

Мануэл, без сомнения, прихвастнул, уж очень далеко к северу от Бализы расположен Бананал, самый большой в мире речной остров. Но я, откровенно говоря, и не жалел, что мы не дойдем до Бананала. Вот если бы наша поездка состоялась, скажем, лет 30 назад, тогда другое дело. В те времена земли острова принадлежали индейцам племени каража. Их насчитывалось там, по мнению специалистов, свыше 40 тысяч человек. Им, по сути дела, принадлежал весь остров, а он не такой уж маленький — 300 километров в длину и 160 — в ширину. Каража называют Бананал по-своему — Корумбаре. Да и река Арагуая тоже называется по-другому — Берокан.

Раньше остров не привлекал внимания бразильских властей, впрочем, как и весь бассейн реки Амазонки, но с началом строительства новой столицы — города Бразилиа — Банаиалом сначала заинтересовались власти штата Гояс, а потом и федеральные власти. В 1959 году правительство штата решило, что остров Бананал, не являясь морским островом, не принадлежит федеральному правительству, а поэтому земли его могут быть распроданы частным лицам. Существовавшая в то время служба защиты индейцев СПИ заявила, что сделает все необходимое для оставления острова за индейцами племени каража, но, как это в большинстве случаев было с этой организацией, она ничего не добилась. В то время президентом в стране был Жуселино Кубичек — он приказал построить на острове небольшой отель, и с этого момента, можно считать, началось освоение гиганта Банаиала различными туристскими фирмами. Дело в том, что по побережью острова на многие километры тянутся прекрасные песчаные пляжи. На острове бесчисленное количество озер, маленьких речушек, затерянных в джунглях, одним словом, прекрасные условия для охоты и рыбной ловли. Сейчас гостиница, построенная при Кубичеке, давно снесена, а на ее месте стоит ультрасовременный отель. Из аэропорта Гоянии раз в неделю летают на остров самолеты, битком набитые туристами. И иностранными туристами, и местными — жителями городов из штатов Мату-Гросу, Гояс, а также из Бразилиа, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Из 40 тысяч индейцев племени каража сейчас осталось примерно 400 человек, которые влачат жалкое существование. Каждый день вечером устраивают для туристов инсценировки своих национальных

праздников, мастерят из перьев головные уборы, лепят из глины фигурки различных зверей. А еще мужчины просят милостыню, а женщины занимаются проституцией. О бедственном положении индейцев племени каража в бразильской печати появляется масса статей, но ничего в их жизни не меняется.

Кое-кто из иностранных журналистов, которые попадают в Бразилию и хотят видеть индейцев, выбирают самый легкий путь — покупают билет на самолет и едут на остров Бананал, приобретают там «индейские сувениры», а потом, возвращаясь, лепят очерки и репортажи о жизни коренного населения Бразилии.

Ни Мануэла, ни меня остров Бананал не привлекал, идти туда мы не собирались, и маршрут наш должен был кончиться у Арагарсаса, примерно 60–70 километров вниз по течению от Бализы.

Через полчаса Мануэл повел лодку недалеко от берега. Деревья то плотной массой подходили к воде, то отступали, и открывался песчаный пляж с белоснежным песком. На одном из них наше внимание привлек след, даже не след, а глубокая борозда на песке, образовавшая на пляже полукруг, один конец которого выходил из воды, а другой входил в воду метрах в тридцати ниже по течению.

— Здесь, наверное, играли ребята с близлежащей фазенды? — высказал я предположение.

— Нет, — возразил Мануэл, — это сделала черепаха, мать всех черепах.

Я с сомнением посмотрел на него. Но лицо Мануэла выглядело совершенно серьезным, и непохоже было, чтобы он шутил.

— Что за мать-черепаха?

— В каждом стаде черепах, — пояснил Мануэл, — есть одна, самая старая, самая мудрая, которую все местные жители называют мать-черепаха. И вот когда черепахи выходят на песок откладывать яйца, первой вылезает мать-черепаха. Она своим хвостом проводит такой полукруг, очерчивая место, где остальные должны класть яйца.

Выражать свое сомнение было неудобно, и я только подумал: «Ну вот, очередная легенда об Амазонке». На этот раз спутник ошибался. Несколько минут спустя показался второй пляж, где несколько ребятишек строили дом из песка в пространстве, очерченном полосой, подобной виденной на первом пляже. Мануэл собирался было пройти мимо, решив сделать остановку метрах в ста пятидесяти ниже по течению, но я успел окликнуть ребят:

— Эй, что вы здесь делаете?

— А мы играем в черепах, а Жозе-Афонсо — мать-черепаха, разве вы не видите?

Мануэл, однако, не смутился и не захотел признать свое поражение.

— Здесь действительно играют ребята. А там, где мы раньше приставали, след на песке оставила настоящая мать-черепаха.

Переубеждать его не имело смысла.

Место для ночлега было выбрано с большим знанием дела. Втащив нос лодки на песчаный берег, развели костер в конце пляжа, у самых деревьев. После того как были развешаны гамаки, Мануэл принес два куска брезента и положил по одному в каждый гамак.

— Так-то будет удобней. Можно укрыться, потому что очень холодно под утро около реки. Хотя, если желаете, будем всю ночь поддерживать костер и спать по очереди.

— Не стоит. Сейчас слегка перекусим и будем спать до утра. Авось не замерзнем.

Обычная пища гаримпейрос — фасоль, смешанная с небольшим количеством риса. Но чаще они едят фарофо — смесь маниоковой муки с кусочками сушеного мяса, того самого мяса, приготовление которого можно было видеть во время экскурсии на мясохладобойню «Фригояс».

Варка еды заняла у Мануэла совсем немного времени, потому что он должен был только подогреть фарофо, запас которой хранился у него в большой жестянке. Время было раннее, спать еще не хотелось, и Мануэл сначала расспрашивал о моей работе, а потом рассказал кое-что и о своей жизни. Когда он был еще мальчишкой лет пятнадцати, отец научил его искусству гаримпейро и передал ему все познания по раскрытию мест, где можно надеяться найти алмазы. От него Мануэл унаследовал и примитивный инструмент гаримпейро. Отец умер во время охоты за ягуаром — онса, и Мануэл, приобретя за небольшую сумму лодку, стал бороздить реки, моя алмазы на свободных местах, не принадлежащих промышленникам. Ему было тогда всего шестнадцать лет. Однажды ему улыбнулось счастье, и он напал на участок, по его мнению, богатый алмазами, через два месяца работы обнаружив три камня, каждый по пять каратов. Однако в тот день, когда им были найдены три алмаза, появился некий сеньор, заявивший о своих правах на участок и, конечно, на алмазы Мануэла. Мануэл был неопытным юнцом, защитить себя не мог, и ему не оставалось ничего другого, как за бесценок отдать найденные камни. Причем он был рад, что дешево отделался, так как если бы пришелец действительно имел право

на землю, то Мануэлу трудно было бы избежать серьезных неприятностей. Денег, полученных от продажи, все же хватило на приобретение большой лодки, и она три года подряд служила ему и домом и средством передвижения по Арагуае. Но примерно полгода назад во время промывки породы Мануэла схватила за ногу большая пиранья, вырвав из икры порядочный кусок мяса. Пришлось три месяца проваляться в лачуге знакомого гаримпейро и за это отдать ему большую часть своих сбережений. Поправившись, он снова принялся за старый промысел — добычу алмазов. Месяца за два до нашей встречи Мануэл женился при довольно любопытных обстоятельствах. Он узнал, что один из его знакомых ищет небольшую сумму для покупки лодки. Сумма эта была в наличии у Мануэла, и он решил предоставить ее в долг своему приятелю. В обмен на это знакомый предоставил ему, также в долг (до возврата денег), свою жену. Этот так называемый «временный брак» у гаримпейрос — частое явление.

Костер совсем уже прогорел, и только угли слабо мерцали в темноте. Дым от головешек отпугивал москитов, с реки тянуло прохладой. Мы, вероятно, еще долго просидели бы у костра, просто так, смотря на потухающие угли, если бы невдалеке не прозвучал хриплый мужской голос:

— Эй вы, что там делаете, что расселись как у себя дома?

Мануэл спокойно поднял голову, всматриваясь в темноту.

— А чем вам мешает наш костер? Хотите, идите сюда. Будете гостем.

— Ну и ну, — произнес тот же голос, — гостем! «Дикий» приглашает меня в гости. Или я уже перестал быть владельцем этой земли? — Из темноты появилась фигура и приблизилась к нам. Мужчина был в чем-то очень похож на Матоса, то ли нахальным взглядом, то ли широкополой шляпой, то ли калибром револьвера, висевшего на поясе.

— Мы, право, не знали, что этот участок принадлежит вам и что здесь нельзя останавливаться, — прежним спокойным тоном сказал Мануэл. — Мы просто нашли место удобным и решили здесь переночевать.

— У меня здесь не ночлежка, — резко возразил незнакомец. — Кстати, кто вы и куда направляетесь?

Мануэл, видимо, решил пойти с самого большого козыря.

— Этот сеньор друг губернатора Мауро Боржеса, — прихвастнул он. — По его приглашению он совершает поездку по Арагуае, чтобы ознакомиться со всеми способами добычи алмазов. Он законтрактовал мою лодку на четыре дня. Я обязан довезти его до Арагарсаса.

Однако слова Мануэла произвели совершенно обратный

эффект. Вместо того чтобы рассыпаться в извинениях, хозяин участка стал пыхтеть, как кипящий кофейник, и со злостью выпалил:

— Разные там губернаторы мне не указ. На своей земле я сам себе губернатор и, может быть, даже президент.

— Но, — пошел на попятную Мануэл, — господин Матос сказал, что на всем пути до Арагарсаса нас будут очень хорошо принимать и нигде не станут чинить препятствий.

— Какой Матос? — с недоверием в голосе произнес «кипящий кофейник». — Густаво Алмейдо Матос, вице-префект Бализы?

— Да, — решил я выступить на сцену. — Именно мой приятель Густаво Алмейдо Матос порекомендовал совершить эту поездку до Арагарсаса на лодке сеньора Мануэла.

— Так бы и сказали, — примирительным тоном произнес собеседник. — Если вы здесь по рекомендации сеньора Матоса, это другой вопрос. А разные губернаторы меня совершенно не трогают. Ну что ж, пожелаю вам спокойной ночи, — он сделал несколько шагов в сторону и исчез в темноте.

Мануэл усмехнулся.

— Вот так-то, Густаво Алмейдо Магос здесь бог и царь. Что там губернатор! Все, к счастью, обошлось. Одно только жалко: я думал завтра на этом участке немножко поработать, а оказывается, он имеет своего хозяина. Слушайте, если мы вместо того, чтобы ложиться спать, возьмем да и поставим таррафу? Это займет всего несколько минут. Лучше не терять времени.

Таррафой оказалась просто-напросто верша, довольно большая, с диаметром круга более метра. Мануэл срубил несколько веточек, расправил вершу, спрыгнул на лодку и, перевесившись с кормы, опустил ее в воду с таким расчетом, чтобы горловина приходилась против течения.

— Ну вот, завтра утром поднимем, и будет у нас, вероятно, на обед рыба. Все лучше, чем питаться одной фарофой.

Ночь прошла спокойно, торопиться было некуда, и лодка с «дикими» гаримпейрос отошла от берега только в семь часов утра. Конечно, проснувшись, Мануэл первым делом поднял таррафу. Там оказалась пара рыб дорадос, каждая длиной сантиметров тридцать. Поднимая таррафу с грунта, Мануэл приговаривал:

— А ну-ка, ну-ка, ну-ка!

Причем и в последующие разы при подъеме верши он обязательно произносил эти слова. Я спросил потом, почему он все время говорит: «А ну-ка», поднимая таррафу.

— А я, — смеясь, ответил Мануэл, — перед этим всегда разговариваю с богом и спрашиваю его: «Ты что пошлешь на этот

раз в нашу вершу?» И он отвечает мне: «Парочку хороших рыб». Вот когда я вытаскиваю вершу, то и говорю: «А ну-ка, ну-ка, посмотрим, обманываешь ты меня или нет!»

Видимо, у Мануэла отношения с высшими небесными чинами были гораздо более дружескими, чем с владельцами участков, расположенных по реке Арагуае. По крайней мере, почти ни разу Мануэл не вытаскивал таррафу пустой. Употребить слово «почти» было все-таки необходимо, потому что однажды верша действительно была поднята пустой и сбоку у нее была прорублена большая дыра сантиметров десять в диаметре. Было высказано предположение, что верша наткнулась на корягу и пропоролась.

— Нет, — возразил Мануэл. — Это пиранья. Когда пиранья забирается в сеть или в таррафу, то ее ничто не может удержать. Своими зубами она легко прогрызает сеть и уходит на волю. Это единственная рыба, которая может уйти из таррафы.

Забегая вперед, скажу, что уже перед самым приходом в Арагарсас мы столкнулись с интересным явлением. Мануэл вытащил таррафу, наполненную — чем бы вы думали? — сардинами, морскими сардинами. Когда ему был задан вопрос, каким образом морские рыбы очутились в центре Бразилии, то Мануэл уверенно заявил, что они коренные жители Арагуаи.

— В это время. — сказал он, — я всегда ловлю на реке сардин. Правда, они не очень часто попадаются.

Несмотря на уверенность Мануэла, рыбы были морские сардины, и потом, в Арагарсасе, знакомый зоолог подтвердил это. Когда у сардин наступает пора нереста, часть из них входит в Амазонку, поднимается вверх по реке Токантинс и дальше по Арагуае. Путешествие, совершаемое ими, довольно длительное. За время вояжа даже в структуре рыбьего мяса происходят значительные изменения, в результате чего сардины, пойманные в реке, гораздо вкуснее выловленных в море.

Отойдя от места первой ночевки на середину реки, Мануэл выключил мотор и задумался. На вопрос, куда мы сейчас двинемся, он ответил, что как раз это-то и смущает его.

— Кто знает, на какое расстояние протянулся участок нового хозяина. Впрочем, здесь чуть-чуть ниже, посередине реки есть небольшой островок — очень удобное место для промывки алмазов. Вероятно, там что-нибудь есть для нас. Раз двадцать проходил мимо этого островка за последние годы, и все было как-то недосуг именно там попытать счастье. Давайте попробуем.

— А почему вы думаете, что именно там могут быть алмазы?

— А я видел на воде небольшой водоворотик совсем рядом с берегом. Если есть водоворотик, то, значит, дно неровное, а в

таких местах и встречаются алмазы.

Под подобное «обоснование» довольно трудно было подвести солидную научную базу, но гаримпейрос не получают никаких теоретических знаний. Как правило, до того, как на участке начинают искать алмазы, разработке не предшествует никакая геологическая разведка. Правда, в Бразилии проведены некоторые исследования, касающиеся спутников, сопровождающих алмазные залежи. Я не могу объяснить, какие существуют способы для определения ценности того или иного месторождения, потому что не являюсь специалистом в этом вопросе. Но, насколько можно было убедиться, владельцы участков в штатах Гояс, Мату Гросу орудуют на глазок, не пользуясь никакими научными методами. Еще в Бализе Матос рассказывал, в какой последовательности производятся работы на участке, где намереваются искать алмазы. Сначала снимают верхний слой земли и убирают большие камни. Потом в разных местах роют ямы диаметром до четырех метров и глубиной два-три метра. На этой глубине гаримпейрос достигают слоя земли желтоватокрасноватого цвета, содержащей очень много гальки. Насколько можно было понять из объяснений Матоса, затем идет глинистый слой, глубже которого раскопки не ведут. Желтовато-красноватый слой земли, содержащий гальку, относят в жестяных коробках к промывочному пункту. Для переноски породы часто применяют также кожаные мешки. Отделив глину, крупные камни, гальку, все остальное складывают в небольшие кучи и просеивают через сито с мелкой сеткой. Просеянный песок и небольшие камешки промывают в деревянных желобах. Тут уж гаримпейро должен быть особенно внимательным. Позор для него, если пропустит маленький, хотя бы незначительный алмаз, а другие обнаружат его.

Островок оказался недалеко от нашего привала. Он открылся сразу же за первым поворотом Арагуаи. Течение было очень слабым, и вода настолько чистой и прозрачной, что дно проглядывалось на глубине двух метров. Арагуая очень богата рыбой. Видно было, как стаи разных пород бросались врассыпную, напуганные шумом работающего мотора лодки. Правда, больших рыб не было видно. Не доходя метров двести до островка, Мануэл выключил мотор.

— Здесь много коряг и потонувших деревьев, так что лучше дойдем на веслах, чтобы не поломать винт. Другого же у нас нет.

В мою обязанность входило поднимать в таких случаях мотор на борт лодки.

— Смотрите! Смотрите! — вдруг закричал Мануэл, показывая рукой на какие-то черные тени, быстро двигавшиеся в речной

глубине метрах в пятнадцати от борта нашего корабля.

— Это довольно солидные, мне кажется, рыбы.

— Это бото! — возбужденно закричал Мануэл.

Я знал, что это разновидность тунца.

— Ну что ж, что бото?

— Как что ж, что бото? Мы сейчас будем иметь столько рыбы, что сможем сделать обед из одних рыбьих жабр на двадцать человек.

Он быстро опустил винт мотора в воду, дернул за спусковой шнур, но, вместо того чтобы взять курс в том направлении, где скрылась стая бото, развернулся и пошел почти в противоположную сторону, к другому берегу, где виднелась небольшая полоска песчаной косы.

— Сейчас без всякого труда, без затраты сил, голыми руками наберем столько рыбы, сколько нам нужно.

Действительно, на косе, беспомощно раскрывая рты и время от времени конвульсивно подергиваясь, лежало около десятка рыб дорадос, гораздо больших по размеру, чем те, которые по глупости зашли в вершу, поднятую утром Мануэлом. Оказывается, когда вниз по реке идет стая бото, все другие рыбы в ужасе устремляются к мелким местам, стремясь спастись от зубов хищников. Очень многие в панике выбрасываются на песчаные берега и там, конечно, пропадают. В данном случае рядом оказалась лодка Мануэла, и десяток дорадос погибли не зря. Они очень вкусны в жареном виде. Между прочим, индейцы этих районов не охотятся за бото, не ловят и не употребляют в пищу мясо этой рыбы, считая, что в бото заключен злой дух.

Островок оказался очень уютным местом. Он был небольшим, метров сто в ширину и чуть больше в длину, весь покрытый невысокими деревьями и кустарниками. Ветки провисали далеко над водой, образуя своего рода зеленый тоннель, в который Мануэл завел лодку.

— Так-то оно безопасней, — сказал он. — Не будет привлекать ничьего внимания. А то вдруг еще объявится хозяин у этого островка и помешает нам работать. — Он достал сито, лопату и выбросил их на берег. — Давайте сделаем так, — предложил он, — вы будете на мелком месте, вон там, где глубина не больше полуметра, набрасывать мне на сито породу. Я стану относить ее на берег и просеивать.

Предложение было принято, и работа закипела. Правда, перед тем как отнести на берег первое нагруженное мною сито, Мануэл несколько раз плюнул на вынутую со дна породу. Оказывается, согласно примете «алмазы чувствуют, что на этот участок плюют, и, дабы доказать, что участок богат алмазами,

сами открываются искателю». Я воткнул лопату поглубже в дно и поспешил за гаримпейро, чтобы своими глазами увидеть, как находят крупный камень. Мануэл относился очень серьезно к своим обязанностям. Он тщательно протирал каждый комочек между пальцами, затем опустил сито настолько близко к воде, что середина его, прогнувшаяся под тяжестью песка, очутилась сантиметра на три в воде, и стал часто-часто трясти сито. Вода вымывала песок, и через несколько минут на сите осталась одна мелкая галька. Выйдя на берег, Мануэл внимательно просмотрел каждый камешек на сиге и, ничего не найдя, отбросил пустую породу далеко в сторону.

— Давайте продолжать!

И снова было нагружено сито. И снова Мануэл пошел к берегу. Вся операция повторилась с самого начала и, к сожалению, до самого конца, потому что и на этот раз не было найдено ни одного, даже самого маленького алмаза. Первый час или даже два часа было интересно и любопытно. Каждый раз казалось, что на этот-то раз обязательно будет найден алмаз. Но после четырех часов работы никаких изменений не произошло, если не считать кучи пустой породы и гальки, выросшей на берегу.

— Ну что ж, давайте обедать, — сказал Мануэл, закончив промывку, наверное, сотого сита.

Обедать так обедать. Что ж делать, если удача не идет в руки. Вероятно, Мануэл недостаточно энергично плевал перед началом работы.

Дорадос действительно были очень вкусны, а может быть, просто искатели проголодались после нескольких часов довольно напряженного труда.

Закончив обед, Мануэл принял решение переменить место:

— Здесь нам не будет удачи. Видно, все-таки этот водоворотик не алмазный.

Решили спуститься километра на два ниже. Выведя лодку из тоннеля, Мануэл завел мотор. Обогнув островок, вышли на открытую воду и увидели на противоположном берегу реки лодку, немножко побольше нашей, на корме которой копошились два человека.

— Друзья! — крикнул один из них. — У вас нет случайно плоскогубцев?

Путешествующие по реке подобны автомобилистам: они никогда не оставляют коллегу в беде.

Мануэл подошел ближе.

— Что такое у вас случилось?

— Да вот что-то чихает одна свеча, а ключа нет. Нам же

нужно как можно быстрее добраться до Бализы, а то добыча пропадет. — И говоривший указал рукой куда-то за корму. Метрах в трех от нее, привязанная укрепленной к лодке веревкой, виднелась какая-то темная большая туша.

— О! — восторженно воскликнул Мануэл. — Рыба-бык! Где же вам удалось достать ее? Это бык или корова?

— Бык, — последовал небрежный ответ. — Мы три дня за ним охотились и только сегодня утром выследили и убили.

Размером рыба-бык, как ее называют местные жители, была более двух метров. Описываемое здесь путешествие проходило в первой декаде декабря. Обычно ловля рыбы-быка производится в месяцы разлива рек. Это август — ноябрь. Что собой представляет рыба-бык? Средний размер ее — от двух до пяти метров длины и примерно от полуметра до метра ширины. Кожа рыбы-быка не покрыта чешуей и абсолютно гладкая. Глазки очень маленькие, вместо жабр небольшие отверстия по обеим сторонам головы. Голова не очень большого размера, но зато пасть широкая. Мясо рыбы-быка напоминает мясо поросенка. Местные жители называют самку рыбы-быка коровой, самца — быком, а молодняк — телятами. Иногда, чтобы убить подобную рыбу, ее необходимо выслеживать неделю. Рыба-бык обладает очень острым слухом. Когда на Амазонке кому-нибудь хотят сказать комплимент, что он очень хорошо слышит, то говорят: «Ты слышишь как рыба-бык».

До того как начать охоту, производят предварительную разведку местности, где обычно встречается рыба-бык. Как правило, рыба-бык не очень часто меняет облюбованные места, где она, если можно так выразиться, пасется. Питается рыба-бык речными растениями и водорослями. Найдя пастбище рыбы-быка, рыбак осторожно подходит на пироге и ожидает, пока появятся первые сигналы от рыбы-быка. Дело в том, что там, где рыба-бык начинает пастись, от срываемых ею водорослей вверх поднимаются пузырьки воздуха, и по этим пузырькам охотник определяет, что здесь находится его желанная добыча. Тогда резким движением он бросает в место, откуда поднимаются пузырьки, гарпун с привязанной к нему веревкой. Как говорят опытные специалисты, в охоте на рыбу-быка главное — не упустить ее после первого удара, потому что только в редких случаях рыболовы поражают смертельно первым ударом гарпуна рыбу-быка. Раненая рыба-бык может водить охотника вместе с лодкой по реке час или два. Если охотнику удастся подтащить к борту лодки рыбу-быка, то он наносит ей решающий удар, причем не в голову, а в живот. Череп у рыбы-быка настолько прочный, что трудно пробить его ножом. Из средних размеров рыбы-быка

получают до шестидесяти килограммов мяса и примерно столько же жира. Кожа рыбы-быка очень толстая и трудно поддается обработке. На Рио-Негро, недалеко от Манауса, мне приходилось также видеть, как ловят рыбу-быка при помощи сетей. Но тогда в ловле принимают участие человек шесть-семь.

— Ну и как, долго он вас поводил? — спросил Мануэл, с уважением поглядев на привязанную к лодке добычу.

— Да нет, — отозвались рыбаки. — Мы сразу прикончили его, потому что нас же двое и у нас два гарпуна.

Действительно, оружие можно было увидеть на дне лодки. Гарпуны были примерно три метра длиной, с прикрепленными к концам их железными пятнадцатисантиметровыми остриями.

Рыбаки прочистили свечу мотора, отдали Мануэлу разводной ключ и двинулись вверх по реке. Мы же пошли в обратном направлении, втайне мечтая тоже наткнуться на рыбу-быка и схватиться с ним в единоборстве. Гарпунов, правда, у нас не было, но почему же не помечтать?

Через час Мануэл нашел другой участок, который, как он уверял, не имел постоянного хозяина, и мы решили попробовать здесь счастья. Процесс работы ничем не отличался от применявшегося Мануэлом у берега островка. Я набрасывал на сито породу, а напарник относил ее на сушу и просеивал там. Водоворотика в этом месте не было, но течение оказалось довольно сильное, муть, поднимаемая во время работы, моментально относилась в сторону, и легко можно было разглядеть песчаное дно. Спустя несколько минут мое внимание привлекли снующие невдалеке рыбы. Они ходили небольшими стайками и, казалось, не обращали никакого внимания на старателей. По своему внешнему виду они походили на наших карасей, только раскраска у этих бразильских карасей была более тусклая и голова спереди сильно приплюснутая, как у бульдога. Я стукнул лопатой по воде. Рыбки отпрянули, вильнув хвостами, но через минуту любопытство, видно, пересилило, и одна из стаек снова приблизилась к нам.

— Смотрите, Мануэл, — закричал я, — какие глупые рыбешки! Сами просят, чтобы мы зажарили их. Тащите сюда вашу таррафу, и мы поймаем сразу всю стаю.

Мануэл бросил промывку очередной порции грунта и вошел в воду.

— Нет, эту породу таррафой не поймаешь. Легче рыбу-быка поймать таррафой, чем такую рыбешку, — заявил он. — Это же пиранья.

До этого мне очень часто приходилось видеть засушенных пираний. В большинстве магазинчиков Рио-де-Жанейро

продаются для иностранных туристов пираньи чучела с раскрытой пастью, где виднеются два ряда острых зубов. Однако стадо пираний, разгуливающих на свободе, наблюдать не приходилось. Естественно, что моментально пришли на память кадры из документальных кинофильмов, в которых стадо пираний шутя расправлялось за пять минут с большим быком и после такого завтрака готово было съесть еще дюжину. Произведя в уме несложный арифметический расчет, я понял, что со мной пираньи смогут расправиться за каких-нибудь девять с половиной секунд. Придя к такому выводу, я стал с достоинством, но быстро двигаться к берегу.

— Вы что, устали? — удивленно спросил Мануэл. — Давайте поработаем еще час, а потом перейдем на новое место.

— Но ведь здесь пираньи. Не успеешь оглянуться, как слопают в два счета.

Мануэл весело расхохотался.

— Никто нас не станет кусать и есть. Пираньи бросаются, как правило, на запах крови. Можем работать без опаски.

Почему-то на этот раз объяснения гаримпейро звучали для меня не очень убедительно. Под конец было решено искать новое место.

Не стоит здесь рассказывать о том, как Мануэл нашел другой участок и как работали на нем почти до захода солнца. Алмазы не появлялись. Видимо, Мануэлу оказывалась неквалифицированная помощь. Усвоив традицию, я, прежде чем воткнуть лопату в грунт и насыпать первое сито, тщательно плевал на рабочее место, однако без каких-либо положительных результатов.

Наступление сумерек застало нас недалеко от впадающей в Арагуаю реки Бандейро. Вдали виднелось несколько домиков — видимо, какой-то поселок гаримпейрос. Решено было там заночевать. Когда лодка подошла ближе, стали отчетливо слышны звуки самбы, раздававшиеся из одной хижины.

— О, здесь народ гуляет! Наверное, кому-то улыбнулось счастье. Вы слышите, у коррупте́лос играет музыка! — воскликнул Мануэл. — Мы сегодня потрудились на славу. Так что и нам не грешно будет заглянуть в фешанунка. В обычные дни здесь тихо и спокойно.

Мануэл не ошибался. В тех местах реки Арагуаи, где скапливается несколько хижин гаримпейрос, появляются, как правило, и торговые центры. Лавки, склады снабжают гаримпейрос продуктами и оборудованием или, что бывает чаще, поставляют продукты и оборудование владельцам участков, которые, в свою очередь, выдают их в кредит и аренду гаримпейрос, работающим на их землях. Лавочников

гаримпейрос зовут «корруптелос», что в переводе должно звучать как «обиратели» или «лихоимцы». Иногда лавочка выполняет роль своего рода увеселительного заведения, которому гаримпейрос дали оригинальное название «фешанунка», что означает: «Закрывается? Никогда!» Если какому-нибудь гаримпейро улыбается счастье и он находит приличный алмаз, то по старательно поддерживающейся традиции гаримпейро-удачник обязан угощать в фешанунка всех знакомых и незнакомых. Правда, не все гаримпейрос с охотой следуют этой традиции.

Мы привязали лодку к колышку, торчавшему недалеко от двух досок, выполнявших роль пристани, и подошли к фешанунка. Коптящие язычки пламени от полудюжины светильников освещали небольшой сарай, в одном из углов которого была поставлена стойка. Около нее было врыто в землю несколько столиков и деревянных скамеек, на которых в беспорядке громоздились пустые бутылки и грязные граненые стаканы. Синий дым не успевал улетучиваться сквозь большие щели крыши, крытой пальмовыми листьями, потому что все новые и новые клубы дыма от чрезвычайно вонючих сигар поднимались над столиками, за которыми сидели гаримпейрос. С первого взгляда было видно отсутствие среди них членов общества трезвенников. На стойке стоял граммофон с колоссальной трубой. Такая конструкция музыкального инструмента, вероятно, встречалась лишь в трактире, где останавливался Хлестаков. Из чрева трубы с трудом вырывались звуки развеселой самбы, бывшей в моде до рождения наших дедушек. Но, вероятно, у хозяина лавки-феша-нунка коллекция пластинок не отличалась большим разнообразием, и одни и те же произведения игрались в течение многих лет при проведении подобных культурных мероприятий. Во всяком случае, мотив самбы был хорошо знаком гаримпейрос, и они пытались довольно нестройным хором подпевать, причем от усердия опережали граммофон примерно на два куплета.

Не успели мы войти в проем двери, как сидевший в одних полотняных брюках гаримпейро вскочил, выхватил из кармана револьвер, что-то лихорадочно всунул в дуло и выстрелил, как показалось, в направлении Мануэла.

— О-ля, Негру, я вижу, к тебе пришло бамборро! — без тени волнения произнес Мануэл и, расставив руки, пошел к стрелявшему.

— Мануэл! — закричал тот. — Карамба! Это же Мануэл! Ты прав, дружище, ко мне пришло бамборро, бамборро в пять каратов. Сейчас здесь все гуляют. Ты тоже будешь гулять. Твой друг — мой друг, он тоже будет гулять.

«Ну и ну! — подумал я. — Кажется, мы попали в интересную историю. Сейчас начнут стрелять и в меня». Предположения, однако, не оправдались: пистолет уже спокойно был водворен на прежнее место, и только рукоятка его торчала из рваного кармана брюк.

— Кашаса, батида, пинга, а может быть, п-п-пива? — в восторге от щедрости своей натуры произнес с пафосом друг Мануэла.

— Кашаса! — был ответ.

Этот местный самогон в несколько раз дешевле, чем бутылка пива, привозимого издалека.

— Бутылку кашаса сеньору! — закричал гаримпейро, обращаясь к владельцу бара — худощавому мужчине, стоявшему за стойкой.

— Эх, Мануэл, — говорил гаримпейро, и белки его глаз сверкали на черном лице. — Полгода ждал я этого дня. А ты же знаешь, вся моя жизнь здесь, на реке. Я же не новичок, не курао. Вообще я родился под Южным Крестом. У других могут пройти два или три года, и ничего не найдут, кроме разве «рисовых семечек» (маленький алмаз овальной формы). Ну, в лучшем случае пускай им попадется «бала» (алмаз округлой формы называют «бала» — «пуля»), А мне вчера попался «шапеу до падре» (алмазы более трех каратов называются «шапеу до падре» — «шляпа священника». И это второй раз за год. Как раз на прошлой неделе я дал обет святой деве Марии: если найду алмаз больше трех каратов, сразу же устрою тройной салют, а то мы что-то обмельчали. Другие, какой бы алмаз ни нашли, пальнут раз, и баста салют. А я сказал — три, и будет три. Еще один остался.

Негру трясущимися руками опять вытащил из кармана брюк револьвер и комок измятых бумажных денег в пятьсот и тысячу крузейро. С трудом отделив от общей кучки пятисоткрузейровую бумажку, он старательно затолкал ее в дуло револьвера и выстрелил. Пуля ушла в том же направлении, что и предыдущая в момент нашего прихода. Это тоже традиция — отмечать таким образом очередную удачу.

Мы с Мануэлом ради приличия выпили немного из поставленной перед нами бутылки. Потом, незаметно выйдя из помещения, нашли место для наших гамаков в соседней хижине и улеглись спать. А из фешанунка до поздней ночи звучала хриплая музыка и слышался громкий голос Негру, еще и еще раз рассказывавшего о своей удаче: о том, как к нему пришло бамборро.

Встали, когда уже солнце стояло высоко над горизонтом.

Было часов восемь утра. Ничто вокруг не напоминало о ночном пиршестве, кроме нескольких разбитых бутылок, валявшихся около закрытой на засов двери в фешанунка. На вопрос, обращенный к Мануэлу, где же его приятель Негру, гаримпейро пожал плечами.

— Все! Праздник кончился. Пошел, конечно, опять работать. А может быть, еще не проспался и спит где-нибудь. Выспится — придется опять идти на участок. Он же работает на хозяина.

Vануэл пояснил, что каждый из искателей алмазов надеется на счастье и живет в ожидании его — рассчитывает найти алмаз большой величины. А до наступления этого дня он или промывает речной грунт, или работает в карьерах, добывая мелкие алмазы, так называемые шибиоз, размером меньше одного карата. Сдавая мелкие алмазы хозяину, он поддерживает свое существование в ожидании удачи. Каждый гаримпейро надеется, что придет день, когда он одержит победу, когда к нему придет счастье, большая удача — бамборро. Вот вчера мы как раз и столкнулись с таким человеком, к которому «пришло счастье».

Около места, где была оставлена лодка, стояли двое мужчин.

— Ваша лодка, друзья? — спросили они Мануэла.

— Да. В чем дело?

— Не прихватите нас до Арагарсаса? — спросил один из них, здоровенного роста и с усиками на полном хитром лице.

— Так вы знаете, — нерешительно начал Мануэл, — мы не прямо пойдем в Арагарсас. Мы будем еще мыть алмазы.

— Так и нам не к спеху, — прервал его усач. — Кстати сказать, нам не в Арагарсас нужно, а просто добраться до Касанунга. Знаете, недалеко от города есть такой приток? Там у нас свое дело, свой участок. С попутной лодкой мы приехали на праздник, а вот обратно как добраться? Надежда на вас. Не хочется терять несколько дней.

Было непонятно нежелание Мануэла взять попутчиков, и я, не подумав, спросил:

— А почему бы нам не поехать вчетвером? Все-таки веселее будет.

— Я не против, — ответил Мануэл, — давайте поедем. Правда, двигаться будем очень медленно.

Сбегав в лавку, Мануэл принес канистру бензина, залил в бачок, и лодка тронулась снова вниз по реке. Через некоторое время пришлось проходить один из участков, сплошь покрытый водорослями. Чтобы винт мотора не запутался в них, решили идти немного на веслах. Здоровяк вызвался сесть на корму и выполнять роль рулевого. Он был очень колоритен в своей белой распахнутой ка груди рубашке и в таких же белых холстяных

брюках, с сигареткой, прилепившейся в одном из углов толстого, мясистого рта. Было трудно удержаться от искушения и не потратить на него несколько кадров пленки. Мануэлу, видимо, не очень понравилось мое стремление сфотографировать попутчика. Вообще он в этот день был в каком-то неважном расположении духа, не похожий на самого себя, на обычно жизнерадостного и веселого Мануэла. В полдень решили пристать у очередного островка и посмотреть, нельзя ли найти на нем удобный участок для промывки алмазов.

— Посмотрите, — сказал Мануэл нашим пассажирам, — может, и подберете хорошее местечко. А я приготовлю что-нибудь перекусить.

Оба пассажира спрыгнули на островок и, раздвигая кусты, зашагали на его противоположную сторону. Не успели они скрыться из виду, как Мануэл резким движением руки завел мотор, отошел от берега на середину реки и, выключив его, стал дрейфовать по течению, всматриваясь в чащу, где скрылись два попутчика.

Вероятно, они услышали звук работающего мотора, потому что тотчас же показались на краю обрывистого берега.

— Эй, приятель! Что с тобой? Куда ты отправился? — донеслось с островка.

Мануэл встал во весь рост и, потрясая кулаком, начал кричать:

— Что, думаете, я не узнал вас, бандидос (бандиты)? На этот раз твои штучки не пройдут, старый, толстый, большой поросенок! — Видимо, эти слова были обращены непосредственно к усатому джентльмену. — Ты думаешь, я забыл, как ты меня обчистил недалеко от Анта? Вот сейчас добирайтесь вплавь, а потом топайте пешком, но не в Арагарсас, если не хотите, чтобы вас повесили гаримпейрос, а в обратную сторону, — Свой монолог Мануэл завершил длинной серией португальских слов, не подлежащих письменному переводу. Затем завел мотор, и мы, уже вдвоем, стали продолжать путь по направлению к Арагарсасу.

Мануэл рассказал, что люди, попросившие довезти их до притока Касанунга, были самыми обыкновенными жуликами, ворами, один из которых несколько лет назад обчистил Мануэла, в то время как тот спал недалеко от своей лодки.

— Вы знаете, мы говорим, что воры — это самые последние люди на земле.

Как ни удивительно, но в Гоясе и Мату-Гросу очень редко можно услышать о случаях воровства. Воровство считается здесь самым большим преступлением, чего никак нельзя сказать в отношении убийства.

Мануэл заявил о своем намерении еще раз попытать счастье недалеко от места, где высадили жуликов, ночь провести у знакомого гаримпейро и завтра к полудню прийти в Арагарсас. Все равно спешить было некуда, так как до прилета самолета оставалось более двух суток.

— Слушайте, — сказал Мануэл, — разложите костер, приготовьте обед, а я пойду немножко помою рядом.

Он отошел метров на двадцать от привала и лопаткой начал выбрасывать грунт на берег. Затем опустился на песок и, не прибегая к помощи сита, руками стал перебирать вынутую породу.

— Ох, сеньор, смотрите! — вдруг послышался его радостный голос.

Бросив на землю банку с консервированным горохом, я подскочил к Мануэлу. Он что-то держал осторожно двумя пальцами. Потом положил в рот и начал изощренно ругаться. Казалось, компаньон мой сошёл с ума. Через минуту Мануэл, видимо, отвел душу и вынул изо рта крошечный камешек.

— Полтора карата! Все-таки большая удача. Я уж думал, пустыми придем в Арагарсас. Нам попадались все время бажере — бедные месторождения. И тут нате-ка, полтора карата!

Было неудобно спрашивать, почему ругался Мануэл, и только потом я узнал об обряде «крещения», который совершает над найденным алмазом гаримпейро.

Искатель берет алмаз в рот и начинает произносить самые страшные ругательства. Существует поверье, что если алмаз вынуть из гнезда и после этого крепко не выругаться, то алмаз может упасть обратно в реку или в пустую породу, и тогда вернуть его будет нельзя.

Можно было предположить, что Мануэл останется здесь, по крайней мере, до вечера, если только ему не захочется перекопать все речное дно рядом со счастливым местом. Но, выбросив на берег еще несколько лопат грунта и не найдя в них ничего похожего на алмазы, старатель предложил продолжить путешествие. По всей вероятности, он чувствовал, что на этом месте вряд ли можно найти еще какой-нибудь, пусть самый захудалый, алмазик.

Безусловно, алмаз в полтора карата был не бог знает какой крупной находкой. Найденный камень даже нельзя было назвать бала — пуля. Скорее всего он подходил ближе к типу «москитного глаза» — «ольо до москито». Правда, в нем не было никаких вкраплений хлорида и железа и цвет был довольно прозрачный. Как вы знаете, мутные алмазы недорого ценятся.

Мануэл, с аппетитом уплетая сваренную из бразильских рыб

двойную русскую уху, рассказывал, что самый большой алмаз, найденный когда-либо на реке Арагуае, назывался «жалмейдо», по имени скупщика. Тот приобрел его у какого-то возницы, направлявшегося в один из поселков с грузом товаров. Как-то в пути извозчик обнаружил, что оставил дома спички. Тогда, решив сделать кресало, он слез с телеги и стал искать подходящий камень. А в этих районах каждый человек, пусть даже не гаримпейро, понимает толк в алмазах. Около самой дороги возница вместо кремня вдруг наткнулся на гигантский алмаз. Камень у него приобрел скупщик Жоаким де Алмейдо. Алмаз же стали называть «жалмейдо». После Алмейды камень побывал во многих руках, но никому не принес счастья: все владельцы этого камня или умерли, или живут в полнейшей нищете.

Алмаз «жалмейдо» весит 109 каратов. Если бы он был чистой воды, то цены бы ему не было. Однако «жалмейдо» имеет большой дефект: часть алмаза желтоватого цвета. На вопрос, встречались ли на реке Арагауе еще большей величины алмазы, Мануэл ответил, что, вероятно, да, но ему не приходилось об этом слышать.

Без сомнения, в штате Гояс, в штате Мату-Гросу и вообще по реке Арагуае было найдено очень много больших камней, о которых мы не имеем ни малейшего представления, потому что они сразу же были вывезены из страны и сейчас, вероятно, находятся на прилавках или в сейфах скупщиков алмазов в Амстердаме или Лондоне. Например, алмаз «Южный Крест» в 250 каратов, по мнению специалистов, был найден в Мату-Гросу, но официально эта находка не была зарегистрирована, и никто не знает происхождения камня, хотя в наш век алмазов большей величины не было найдено. По крайней мере, так утверждают бразильцы.

Когда мы добрались до притока Касанунга, солнце уже клонилось к горизонту и стал накрапывать дождик. Метрах в пятистах вверх по течению притока виднелась небольшая хижинка — конечный пункт сегодняшнего маршрута. Здесь жил приятель Мануэла с двумя своими братьями.

— Много лет назад, — сказал Мануэл, — здесь работал мой отец на одного богатого хозяина, и в этих местах происходили настоящие битвы между двумя крупными владельцами земельных участков. Один из них назывался Морбек, а другой — Карвалиньо, первый был выходцем из штата Байя, а второй — из Пернамбуко. Между двумя деятелями, которые, как и наш знакомый Матос, занимались в то время политикой, развернулась в полном смысле этого слова война, с убитыми и ранеными с обеих сторон. Битва за господство на этом участке привела к

поражению Морбека, и Карвалиньо стал полновластным хозяином большой территории, где жили и работали гаримпейрос. Сейчас мой приятель работает на старшего сына Карвалиньо.

Мануэл рассказывал эту историю, непрерывно работая веслами. Каждый метр давался с большим трудом. Мотор поставить было невозможно, потому что все устье притока Касанунга было забито жасинто акуатико, или, как их называют местные жители, водяной фиолетовой чумой. Это очень любопытные цветы, встречающиеся но всей Амазонке. Корни у них не прикреплены к грунту, и поэтому цветы могут совершать дальние путешествия по рекам. Размножаются они быстро, и бывали случаи, когда навигация прекращалась из-за необычайного скопления цветов. Хорошо еще, что нас цветы остановить не могли — до хижины оставались считанные метры. Дождик между тем перешел в ливень. Это был первый ливень за все дни путешествия с Мануэлом, что было очень необычно, так как шел декабрь — месяц сильных ливней.

Жилище гаримпейро стояло около самой воды на высоких трехметровых столбах. Между полом хижины и поверхностью реки было пустое пространство, куда Мануэл загнал лодку. Там же стояли две другие, видимо принадлежащие владельцу дома.

— О, Сурдо! — закричал Мануэл. — Ты дома? Это я, Мануэл.

Скрипнула дверь, и на мостки, почесываясь и почему-то согнувшись, медленно вышел пожилой мужчина с всклокоченными волосами.

— Здравствуй, бродяга, — радостно произнес он и спустил к воде лесенку, по которой можно было забраться на площадку дома.

— А где ребята? — спросил Мануэл.

— Да пошли на соседнюю фазенду разведать, не нужны ли там рабочие. Сейчас же начался сезон дождей. Хозяин уже свернул все работы на гаримпос. И нам нужно подумывать, что делать в мертвый сезон. Хотелось бы найти работу недалеко от дома, а то, если придется, как в прошлый год, двигаться черт знает куда, наниматься на бойни, то хорошего в этом мало. К тому же я стал совсем прескверно чувствовать себя. Видно, недолго осталось ждать до конца.

— А что? — с любопытством спросил Мануэл. — Опять кости ломит?

Сурдо досадливо махнул рукой. Без всякого вопроса было видно, что человека скрутил ревматизм. Это, можно сказать, профессиональная болезнь гаримпейрос, занимающихся добычей алмазов мокрым способом. Многочасовое ежедневное стояние в воде не проходит даром.

В доме была всего одна комната. Вернее, одно большое помещение. Меблировка его состояла из широких полатей во всю ширину стены, длинного, сколоченного из грубо отесанных досок стола и нескольких табуреток. В одном из углов была сложена примитивная печурка с наваленными около нее ящиками, коробками и банками, в которых, видимо, хранились продукты. Не успели мы расположиться, как где-то невдалеке раздался громкий крик мужчины и сразу же вслед за ним два выстрела. Сурдо заковылял к выходу, решив посмотреть, что происходит в его владениях. Пользуясь моментом, я задал Мануэлу вопрос, почему он зовет своего знакомого Сурдо — Глухой, в то время как тот прекрасно слышит.

— Да нет, вы присмотритесь, он на одно ухо совершенно глухой. А когда он не хочет что-нибудь слышать, то глухота моментально распространяется на второе ухо, — смеясь, пояснил Мануэл.

В это время еще раз послышался крик, но уже не тревожный, как первый. Просто кто-то кричал: «Э-ге-гей!» На предложение пойти посмотреть, что там происходит, Мануэл с неохотой согласился.

— Надо будет, нас позовут, — сказал он, но все же встал и направился к выходу.

Метрах в двадцати Сурдо разговаривал на берегу с двумя мужчинами, один из них сидел на поваленном дереве.

— Эй, Мануэл, эй, сеньор! — закричал Сурдо. — Идите-ка сюда. Вот какая беда приключилась.

Двое мужчин оказались братьями Сурдо. Возвращаясь с фазенды и подходя уже к своему дому, тот, что сидел сейчас на стволе дерева, решил сойти с тропинки, чтобы проверить установленный в чаще самострел. Не успел он сделать и нескольких шагов, как был схвачен колоссальной змеей. По всей вероятности, он наступил на нее, и змея бросилась на человека. Когда она пыталась обвить жертву своими кольцами, второй брат не растерялся и выпустил в голову змеи заряды из обоих стволов ружья. К счастью, патроны были начинены очень крупной дробью. Но вряд ли даже такой заряд мог убить змею, он лишь серьезно ранил ее. Она ослабила кольцо, которым охватила ногу человека, и тот, вынув из-за пояса факон — большой нож, размозжил змее голову. Змея только чуть-чуть помяла его. Скорее парень был больше испуган, чем получил какие-либо повреждения.

— Я никогда, — говорил он хриплым от волнения голосом, — никогда не видел такой большой кобры.

Происшествие случилось недалеко от дома, и скоро змея была притащена к порогу хижины. Конечно, как и следовало

ожидать, это была не кобра, а змея жибойя громадных размеров. Вероятно, она достигала девяти метров, потому что Мануэл сделал девять крупных шагов, пока дошел от головы змеи до кончика хвоста.

— Ну вот, — заметил я, — сейчас у нас будет хороший ужин из жареной змеи.

Но тут Мануэл так посмотрел на меня, что было ясно: сказана какая-то глупость. Оказывается, местные охотники и вообще жители штата Гояс ни за что не соглашаются отведать мяса змеи, считая его поганым. Шкура была слишком толстой для выделки различных вещей, но Сурдо все же решил, что кожу следует снять, так как, может быть, найдется в Арагарсасе какой-нибудь любитель, который даст тысячу крузейро за такой экземпляр. Ведь не каждый день в Гоясе убивают колоссальных змей. Происшествие еще очень долго обсуждалось тремя братьями и Мануэлом, а я жалел, что не смогу быть покупателем, который приобретет великолепный экземпляр змеиной шкуры. Она бы просто не влезла в кабину самолета, который ждет пассажира в Арагарсас. К тому же пройдет день-два, и если шкуру как следует не обработать, от нее начнет исходить очень неприятный запах.

Нежелание гаримпейрос попробовать змеиного мяса, видимо, объяснялось не его непригодностью для еды, а скорее индейским влиянием. Еще когда испанские конкистадоры завоевывали Мексику, то они обратили внимание на изображение змей, видневшееся на многих ацтекских храмах. На языке ацтеков змея называлась «кукулькан» — «бог кукурузы». В мифологии индейцев племени майя также фигурирует этот бог. Знакомясь с древними обычаями народов Востока, можно часто встретить священное изображение змеи.

У меня дома висит на стене чучело питона средней величины. Это память об одной из поездок в Африку к партизанам Анголы. В июле 1970 года группа разведчиков партизанского отряда, в котором я находился, убила автоматной очередью питона метра четыре длиной. Я спросил командира, что ребята будут с ним делать.

— А ничего, бросим здесь, в лесу, — последовал ответ.

— Жалко, такая шкура пропадет, — заметил я.

Примерно через месяц, уже вернувшись в Москву, получаю из Анголы от своих друзей-партизан подарок: свернутую трубкой шкуру убитого тогда питона. Обработана она была очень плохо, чешуйки начали отлетать, и казалось, придется шкуру выбросить. Но на помощь пришла Валентина Мацутони, сотрудница Московского музея имени Дарвина. Не знаю, каким образом это ей удалось, но из шкуры, которую все считали безнадежно

испорченной, она сделала замечательное чучело питона. Он как живой висит на стене московской квартиры. Правда, те, кто впервые его видит, признаются, что испытывают довольно неприятное чувство. Но только в первый момент.

Если товарищи из партизанских отрядов в Анголе или Мозамбике не испытывают никакого уважения к питону и при встрече довольно-таки хладнокровно с ним расправляются, то в глубинных районах Анголы, Мозамбика, Конго и даже в Индии, а также в некоторых других странах еще существует «культ большого питона». Бразилия не является исключением из правила. Бразильские индейцы, в основном живущие в районе реки Амазонки, также создали много легенд, связанных со змеями и с историями, в которых главную роль играет змея. Очень часто, разговаривая с жителями Амазонки, можно слышать от них рассказы о существовании змей длиной до сорока метров. Но вряд ли можно относиться серьезно к подобным утверждениям. Скорее всего это легенды, так как не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь убивал таких больших змей. Столь колоссальных змей видели многие, но, как говорится, у страха глаза велики. На Амазонке действительно есть две змеи очень больших размеров. Это жибойя, или боа-констриктор, и сукурижу, относящаяся к группе анаконд. Жибойя встречается на твердой земле в районе саванн. Говорят, что когда жибойя меняет кожу, то она предпочитает влажные и темные места. Вероятно, этим объясняется тот факт, что сброшенную жибойей кожу можно найти недалеко от берегов рек и болот. Сукурижу считается самой опасной змеей, гораздо опаснее для человека, чем жибойя. Но обычно охотники на этих змей не подвергаются большому риску, потому что, как правило, они ходят группами по три-четыре человека, и в том случае, если на одного из них нападает змея, как это было с братом Сурдо, товарищи моментально смогут освободить его и убить пресмыкающегося.

Чаще охота производится так. Выследив змею, охотники делают ловушку, приманкой к которой служит небольшой козленок. Змея, заметив приманку, бросается на легкую добычу. Позавтракав (или пообедав), змея уползает отдыхать и как бы впадает в летаргический сон. Тут уж она не представляет никакой опасности для охотников. Видимо, змея, напавшая на брата Сурдо, еще не обедала и не ужинала.

Однако утром, когда перед отъездом из гостеприимной хижины Сурдо было высказано предположение, что его брат подвергался очень большой опасности, потому что змея была голодна, все три брата дружно рассмеялись.

— Нет, что вы, никакой опасности никто не подвергался. У

нас у всех есть амулеты, предохраняющие от всяческих бед, особенно от насильственной смерти.

— Что же это за талисман?

— Самый сильный! — ответил Сурдо. — Косточка инумас.

Мне уже второй раз приходилось встречаться в Гоясе с этой приметой. Когда-то птица инумас была очень распространена в районе реки Арагуаи. Сейчас же в этих местах она представляет настоящую редкость, так как нет такого охотника, который не мечтал бы подстрелить инумас. О ней сложено множество легенд и сказаний, с ней связаны многие народные приметы. Местные жители считают, что обладающий любой костью птицы будет на всю жизнь застрахован от укусов ядовитых змей, от объятий жибойи, никогда не утонет в реке, может не бояться дурного глаза и вообще у него немало преимуществ по сравнению с человеком, не имеющим такой косточки. Вера в эту примету особенно распространена на севере штата Гояс. На посту в Токантиниа товарищи убитого солдата с удивлением говорили:

— Как мог наш сослуживец умереть от пули, когда он все время носил на шее кость птицы инумас? Ведь она же предохраняет от случайной смерти!

И когда доктор осматривал тело убитого солдата, то к нему подошел крестьянин, живший неподалеку, и попросил подарить талисман, висевший на шее у убитого.

— Видите ли, в чем дело, — объяснил он, — у меня только что родился сын, и я хочу ему дать этот талисман, потому что он будет предохранять его в течение всей жизни от всех бед, которые только могут случиться с человеком в этом краю.

И нужно было видеть, с какой завистью остальные солдаты наблюдали за тем, как мы передавали крестьянину косточку. Видимо, они сами с большим удовольствием взяли бы себе талисман, считая, что сила его не утрачена, несмотря на смерть солдата…

До Арагарсаса дошли быстро, за каких-нибудь два часа. Наступил момент расставания с Мануэлом, который должен был идти дальше, к острову Бананал.

— В следующий раз, сеньор, — сказал Мануэл, — вам повезет больше, и мы обязательно найдем «шапеу до падре». Вы не расстраивайтесь, что за эти несколько дней не смогли найти больших алмазов.

Он завел мотор, вывел лодку на середину реки и помахал на прощание рукой. «Счастливого пути, Мануэл!» Мое путешествие к гаримпейрос на этом заканчивалось.

Раз уж мы начали рассказ о добыче драгоценных и полудрагоценных камней, то не следует останавливаться на

полдороге, и, видимо, вам будет интересно узнать, как же добываются бразильские самоцветы, к тому же, как вы помните, коммерческий директор фирмы «Х. Штерн» снабдил меня рекомендательным письмом к сеньору Овидио из шахты «Космополитана». Было бы неразумным не воспользоваться такой возможностью.

…Городок Говернадор-Валадарнс оказался расположенным в стороне от основных шоссейных магистралей, и на межгородской автобусной станции Белу-Оризонти посоветовали пересесть на самолет. Хорошим советом пренебрегать нельзя, и вот уже через три часа корреспондент выходил из маленького самолета, приземлившегося в Говернадор-Валадарнсе. Шофер такси, которого я попросил доставить меня прямо на шахту «Космополитана» или, по крайней мере, в управление шахты, с какой-то хитрецой посмотрел и переспросил:

— Так куда же ехать, на шахту или в контору?

Конечно, разумнее всего было сначала заскочить в контору. Таксист показал рукой на полуснесенный остов здания на другой стороне улицы:

— Здесь помещалось до недавнего времени управление шахтой «Космополитана» и другими предприятиями Штерна в Говернадор-Валадарисе. Новое здание будет построено примерно через год на этом же месте.

Положение осложнялось.

— Если же вы хотите проехать на шахту, то давайте договоримся о цене. Это примерно часов шесть езды в одну сторону.

Посещение шахты «Космополитана» отпадало само собой. Между тем водитель, заметив трудное положение, в которое попал пассажир, сжалился и сказал:

— Вам что, именно в эту шахту нужно? А то я знаю в округе много шахт не хуже «Космополитана», и на них можно купить камни по такой же цене.

Ему тут же было разъяснено, что речь идет не о коммерции, а о творческой журналистской командировке и что совершенно безразлично, какая шахта и кому она принадлежит. Важно, чтобы на ней добывали бразильские самоцветы. И второе, очень важное условие — чтобы к ней можно было бы поскорее добраться.

— Знаю такую шахту! — воскликнул шофер. — Если хотите, то завтра утром поедем в фазенду «Горконда». Там находится шахта, где добывают зеленый турмалин. Очень красивый камень.

Так был найден приемлемый выход из создавшегося затруднительного положения.

На другой день рано утром мы уже находились в пути.

«Горконда» действительно оказалась не так далеко, километрах в пятидесяти от Говернадор-Валадариса. Когда до цели оставалось совсем недалеко, Армандо (так звали шофера) остановил машину и показал на видневшийся километрах в двух склон невысокой горы. Он был весь испещрен пятнами. Представьте себе серый склон горы, и на ней ровными рядами заметны желтые пятна.

— Желтые пятна, — сказал Армандо, — это шахты. Там ищут и добывают зеленый турмалин. Разработки принадлежат компаньонам Педро Синта и двум братьям, одного из которых зовут Жозе, а второго не знаю как.

Через минут двадцать мы подъехали к дому шахтовладельцев. На шум мотора вышел из дверей невысокого роста мужчина в застиранной полотняной рубахе, брезентовых брюках и тапочках на босу ногу.

— Добрый день, сеньор Жозе! — приветливо крикнул Армандо.

Тот в ответ лишь хмуро кивнул головой и выжидательно остановился, приготовившись выслушать мотивы нашего визита. Предложение написать о его шахте не вызвало на лице Жозе каких-либо эмоций. Он помолчал немного, а затем невнятно произнес, что шахту можно посмотреть и, мол, за показ денег не просят. Видно было, что популярности здесь не жаждут и рекламы не ищут. В это время из дома вышел паренек лет восемнадцати и с любопытством уставился на нас.

— Это мой племянник. Он может вас проводить к разработкам, — кивнул на паренька Жозе, махнул нам рукой и пошел во двор.

Тропинка вела между низких выжженных кустарников вдоль склона горы. Было довольно жарко, по крайней мере температура поднялась до тридцати пяти градусов. Племянник Жозе (имени его я не запомнил) по дороге рассказал, что разработки зеленого турмалина ведутся на шахтах фазенды «Горконда» уже несколько лет и временами дела идут очень хорошо, когда нападают на хороший участок. Сейчас же работают всего пятнадцать человек. Они пробивают шахты в надежде добраться до породы с турмалином. Когда же натыкаются на такой участок, то для разработки жилы требуется много народа, и тогда на территорию фазенды съезжаются несколько сот человек, примерно триста-четыреста. Едут семьями, с пожитками, роют землянки и ставят палатки, где и живут вместе с женами и детьми по нескольку месяцев, пока не истощится найденная жила и они станут не нужны хозяину. Тогда лишние люди покидают «Горконду» и остаются работать всего несколько человек, которые роют новые шахты. Добытый зеленый турмалин отвозят на машинах в

Говернадор-Валадарис, где и перепродают скупщикам фирмы Штерна, а уж в его мастерских изготовляют различные украшения для прекрасного пола, выставляют для продажи в многочисленных ювелирных магазинах по всей Бразилии и вывозят за границу.

Мы подошли к той самой горе, которую видели, подъезжая к фазенде. При ближайшем рассмотрении желтые пятна оказались глиной, насыпанной на склон. Знаете, бывают такие муравейники в лесу, сооруженные не из хвойных игл, а из глины. Я уже хотел было спросить об их происхождении, как вдруг высоко наверху показалась человеческая фигурка с тачкой. Она как бы вышла из горы на верхней границе одного из глиняных пятен. Постояв над краем обрыва, человек опрокинул тачку, и из нее вывалились желтые куски глины. Это сбрасывали пустую породу, вынутую из шахты. Наш сопровождающий, не обращая внимания на рабочего, пошел дальше по тропинке.

— Слушайте, — обратился я к нему, — может, мы поднимемся и посмотрим, как там сооружают шахту?

Племянник Жозе отрицательно покачал головой.

— На гору совершенно незачем лезть. Шахты везде одинаковые, и есть одна у самого подножия. Вы можете ее облазить и будете иметь представление о всех сразу.

Действительно, за поворотом в склоне чернело отверстие почти полтора метра высотой и около метра шириной. Вход в шахту. Сбоку, прикрытый какой-то тряпкой, стоял глиняный кувшин с водой. Метрах в пятнадцати виднелся шалашик и глиняная печурка в нем, на которой кипело какое-то варево, как потом оказалось, фасоль. Кругом было пустынно.

— Сейчас подождем немного, когда придут ребята, и тогда уже войдем в шахту, — предложил племянник Жозе и уселся у входа, подложив под себя чурбак.

Минуты через три в глубине отверстия послышался неясный шум, затем можно было разобрать прерывистое дыхание человека, и вскоре из шахты показался паренек лет шестнадцати, толкавший впереди себя тачку с глиной. Выйдя на солнечный свет, он сощурился, выпрямился и вытер с лица обильно струившийся пот. Вся одежда его состояла из довольно потрепанных трусов. Паренек отошел в сторону, взял кувшин и с жадностью выпил несколько глотков воды, затем снова ухватился за рукоятки тачки, подтащил ее к краю насыпи и перевернул содержимое. В это время в проеме входа показался еще один парень, тащивший такую же тачку.

— Эй, ребята, — закричал наш сопровождающий, — где у вас тут лампа? Дайте сеньорам. Они хотят посмотреть шахту.

Первый рабочий вытащил из кустов карбидную лампочку и протянул мне. Запалив слабый огонек, племянник Жозе первым исчез в темном чреве. Мы последовали его примеру. Под ногами хлюпало глиняное месиво. Мерцающая точка светильника освещала небольшое пространство под ногами впереди идущего. Двигаться приходилось все время в полусогнутом состоянии — высота не превышала одного метра семидесяти сантиметров. Так мы передвигались примерно минут десять. Тоннель изобиловал боковыми ходами и небольшими ответвлениями, кончавшимися через несколько метров тупиком. В одном месте пришлось согнуться в три погибели и почти ползти метров десять. Наконец впереди послышался мерный стук, как будто кто-то рубил дерево, и стало заметно еще одно тусклое пятно от другого коптящего светильника. Теперь можно было разглядеть работающего человека. Полуголый парень, стоя на коленях, киркой отбивал куски глины и затем руками отбрасывал их за себя. Стояла страшная духота. Если снаружи было тридцать пять градусов тепла, то здесь термометр показал бы не меньше сорока с лишним, причем воздуха как такового практически не было. Дышали смесью копоти, глиняной пыли и духоты. Почувствовав наше приближение, парень оставил кирку и прислонился спиной к глиняной куче.

— Я так думаю, что придется бросать этот ход и попробовать копать метрах в тридцати справа, а то тут все без толку, да и порода стала суше, может опять обвалиться.

Разглядев незнакомых людей, он приподнялся и протянул руку.

— Мане. Очень приятно.

Мы тоже представились. Мане очень удивился, узнав о приезде журналиста специально, чтобы посмотреть, как добывают зеленый турмалин.

— И охота было вам тащиться в такую даль из-за этой ерунды, да еще лезть в эту дыру?! А может быть, попробуете, нагрузите пару тачечек? — с оттенком явного превосходства спросил он и засмеялся. — Хозяин оплатит вам работу сполна.

Подвернулся самый удобный момент разузнать, сколько платит им Жозе за такой нечеловеческий труд. Оказывается, «забойщик» получал 500 крузейро в день (копеек восемьдесят), а «откатчики» — по 400. Поговорив с Мане пару минут, мы повернули обратно. Проделать эту операцию оказалось не так-то просто. Сзади стояли две тачки, притащенные откатчиками, и чтобы разминуться, пришлось буквально ползти по тачкам.

Как же хорошо было, выкарабкавшись из норы, увидеть снова солнце и горы. К машине возвращались молча. Только уже

подходя к дому, я спросил племянника Жозе, почему в «шахте» нет никаких креплений и не быстрее пошла бы работа, если арендовать механизмы — бульдозеры и небольшой экскаватор, которым гораздо удобнее вскрывать пласты с залежами зеленого турмалина.

— Так мы вылетим в трубу, — был ответ молодого дельца. — Несчастные случаи у нас редки и всегда по вине рабочих, которые невнимательно следят за породой. А стойки, знаете, как дорого обходятся! Экскаватор же арендовать не имеет смысла. Мы с дядюшкой и сеньором Спитой подсчитывали. Вручную и дешевле, и как-то сподручнее.

Весь обратный путь шофер Армандо возмущался и клял на чем свет стоит «кровопийц-эксплуататоров» — Жозе и Педро Спиту.

— Хотя, впрочем, — заметил он под конец меланхоличным тоном, — на этих шахтах везде одинаковые порядки. На «Космополитана», куда вы хотели добираться, точно так же, только народу побольше. И вы знаете, — добавил Армандо, — этот Жозе считает себя очень набожным человеком. Он старший в местной секте «свидетели Иеговы». Жаднее его в округе нет.

* * *

Когда на другой день самолет приземлился на аэродроме в Рио-де-Жанейро, то я невольно остановился, проходя в аэропорту мимо киоска фирмы «Х. Штерн», где продавались драгоценные изделия из бразильских самоцветов. Как раз в этот момент какая-то иностранка рассматривала на ладони колье из камней зеленого турмалина, а ее спутник, по всей вероятности супруг, брюзжащим тоном выговаривал:

— Неважно, дорогая, что эти камешки выглядят привлекательно. Ты посмотри, сколько они стоят. Дешево. Не будешь же ты носить дешевую вещь. Эти стекляшки не имеют здесь никакой цены, они на каждом углу валяются.

Я подумал: «Вот было бы здорово взять этого туриста, доставить на «Горконду» и заставить поработать хотя бы два часа».

А зеленый турмалин все же очень красив.

Самые красивые бабочки на свете История Ганса Вульфа • Как ловят «морфео менелаос» • Неудача с Мирандой • Что такое акири • Центр континента • Городок воловьих шкур • Самолет ждет черепах • Корова донны Терезы • Английский скандал • Мы нанимаем транспорт

В Бразилии, как утверждают специалисты, самые красивые бабочки из всех, которые летают на нашем земном шаре. Каждый приезжающий в Бразилию обращает внимание на продающиеся в магазинчиках, табачных киосках и лавках тарелки, подносы, пепельницы, отделанные материалом, отливающим голубой лазурью. Если вы подойдете к ним с одной стороны, то покажется, что это бледно-голубой цвет, но стоит посмотреть на них под другим углом, как на ваших глазах пропадает голубизна и появляется темно-синий оттенок. Поверхность предметов выложена крыльями бразильских бабочек. У меня дома есть коллекция бабочек из разных стран земного шара, но специалисты, безусловно, правы — красивее и эффектнее бразильских на нашей планете, признаться, нет. Естественно, меня поймет каждый коллекционер. Захотелось узнать, как ловят и где ловят бразильских бабочек. Прежде чем удалось получить нужные сведения, каким путем поступают все эти коллекции и изделия на прилавки городских магазинов Рио-де-Жанейро, пришлось потратить довольно порядочно времени. Хозяин табачной лавки дал адрес оптового магазина в центре города. Владелец его, предварительно убедившись, что перед ним стоит журналист, а не опасный конкурент, вручил адрес фабрички, где обрабатывались бабочки. Там сообщили, из какого штата и от кого получают они необычное первичное сырье. Так мне стало ясно, что нужно ехать на юг, в селение Тромбуду Алто, искать там некоего Ганса Вульфа.

О всех перипетиях этой поездки рассказывать я не буду, так как они не имеют прямого отношения к Амазонке; скажу только, что через двое суток, выехав из Рио-де-Жанейро, я подъезжал к городку Рио-ду-Сул.

Недалеко от Рио-ду-Сул поезд, суетливо подергавшись, выполз на равнину. Я прильнул к окну, и мое внимание

привлекли ребята. Каждый второй по меньшей мере обязательно имел при себе сачок и жестянку: они занимались ловлей бабочек. Обычно бабочки предпочитают летать по утрам или, во всяком случае, до полудня, конечно, за исключением тех, кто ведет ненормальный ночной образ жизни, а тут столько охотников в сумерки! Вот маленький паренек осторожно подкрадывается к небольшому кустику, и, пока вагон проезжал мимо, он успел накрыть свою добычу сеткой и, всунув руку, вынул пленницу и положил ее в банку. Судя по ухваткам, у малолетнего натуралиста был солидный опыт в подобных делах. Оставшиеся километры пути проползли незаметно за такими наблюдениями.

«Рио-ду-Сул», — было написано на небольшом здании вокзала. Ночевать здесь не хотелось, к тому же, как выяснилось, автобус уходил не утром, а во второй половине дня. Пришлось искать другой вид транспорта, и через час тряски в полной темноте по проселочной дороге арендованная машина въехала наконец в Тромбуду Алто. Отель разыскать оказалось совсем просто, потому что только у его двери горел электрический свет. Признаться, отелем это помещение можно было назвать лишь при очень большом воображении. Просто над пивной находились три или четыре комнаты, где стояли кровати с видавшими виды одеялами, а ка столе красовался эмалированный тазик и глиняный кувшин с водой для умывания. Отсутствие удобств, правда, возмещалось приветливостью хозяев — старой четы немцев. Засунув рюкзак под койку, я спустился вниз, где около стойки несколько мужчин степенно обсуждали на немецком языке виды на урожай маниоки. Увидев незнакомого человека, они первым делом поинтересовались: «Шпрехен зи дойч?»[1] «Дойч» я немножко говорил, но предусмотрительно ответил, что предпочитаю изъясняться по-португальски, и тут же спросил у них, не знакомы ли они с Гансом Вульфом, а если да, то как к нему можно пройти. Ганс Вульф был тем человеком, ради которого мне пришлось сделать крюк в триста километров. Все хором ответили, что, конечно, знакомы с Гансом и что он живет на другой стороне улицы, только домов шесть ниже от кабака. Они напрасно ожидали, что последует объяснение, зачем вдруг приезжему человеку потребовался их знакомый Ганс Вульф. Я, поблагодарив, немедля двинулся в указанном направлении. Во всех домах при моем приближении лаяли собаки, на всем пути немилосердно трещали ночные цикады (которые в других местах редко встречаются, а больше существует цикад, поющих преимущественно перед заходом солнца). Все дома выглядели покинутыми и необитаемыми. Шел десятый час. Для Тромбуду это была глубокая ночь. Пришлось возвращаться не солоно

хлебавши в гостиницу и терпеливо ждать утра.

Та же группа мужчин стояла у той же стойки, держа в руках те же кружки, в которых за истекшие пятнадцать минут чуть-чуть поубавилось пива. Только сейчас разговор шел уже о ценах на молоко. Пожелав кутилам спокойной ночи, я отправился в свои апартаменты. Главное, что Ганс Вульф существует. Остальное должно было проясниться завтра.

Чуть свет я стоял у калитки небольшого домика. Навстречу вышел мужчина лет сорока восьми — пятидесяти, с симпатичным лицом и спокойным взглядом.

— Вы ко мне? Я Ганс Вульф, и соседи говорили, что кто-то вчера искал меня.

— Если вы Ганс Вульф, то я к вам. Я журналист, мне сообщил ваш адрес сеньор Пауло Сантос, владелец фабрики в Рио. Хотелось бы поподробнее расспросить вас обо всем связанном с вашим занятием.

Вульф любезно пригласил меня войти и повел к небольшой пристройке, у которой все окна были наглухо закрыты ставнями. Сначала Ганс Вульф снял ставни, затем открыл дверь и дал знать, что теперь можно переступать порог. Никакими словами невозможно описать ту картину, которая открывалась перед глазами человека, входившего в пристройку дома Ганса Вульфа из Тромбуду Алто.

Вы попадали в царство бабочек. Тысячи и тысячи бабочек были разложены на столах, лежали в папках, хранились в коробках, переложенные листами бумаги и пересыпанные нафталином, покоились в прямоугольных ящиках. Ганс Вульф был обладателем самого большого в мире количества бабочек. Он жил доходами от продажи бабочек.

Ганс освободил два стула, на которых стояли коробки из-под шляп, наполненные бабочками, предложил сесть, уселся сам и начал рассказывать. Оказывается, именно он положил начало «бабочкиной промышленности» в Бразилии. Много лет назад он обратил внимание на то, что в штате Санта-Катарина беззаботно и без всякой пользы летают тысячи бабочек. Кое-где натуралисты ловили их сачками и составляли коллекции, получая своего рода эстетическое наслаждение, без извлечения каких-либо материальных прибылей. Вульф решил покончить с подобной анархией. Он договорился с несколькими людьми в Рио-де-Жанейро и взялся поставлять им бабочек. Затем стал разъезжать по району Рио-ду-Сул и Тайо, проводя в каждом местечке «производственные совещания» с мальчишками и девчонками. После его отъезда юное поколение местных жителей, как правило, вооружалось сачками, банками и превращалось в

охотников за бабочками. Через несколько месяцев у дверей дома Ганса Вульфа каждую субботу и воскресенье можно было видеть с утра длинную очередь мальчишек и девчонок, терпеливо ждавших, когда хозяин придет в пристройку и станет принимать у них товар. За маленькую бабочку из семейства папильо Ганс платил пять сентаво, за большую морфео — в шесть раз дороже.

Как раз в этот момент кто-то тихонько постучал в дверь пристройки, потом нетерпеливо подергал за ручку, и в образовавшуюся щель просунулась лукавая рожица девочки лет восьми.

— Можно войти? — пропищала она и, не дожидаясь ответа, проскользнула в комнату. — Вот здесь двадцать штук первой и шесть другой.

На краешек стола была аккуратно поставлена коробочка. Ганс открыл ее и перевернул содержимое на ладонь. Конечно, это были бабочки. Взяв пинцет, Вульф стал пересчитывать товар.

— По моим подсчетам, здесь девятнадцать первой, три — второй и остальные брак. Вот тебе тридцать восемь крузейро за первую, три за вторую. До свидания, и закрывай за собой дверь. Вот видите, — обратился он ко мне. — Когда-то я платил по пять сентаво за одну бабочку из семейства папильо, а теперь приходится отдавать в сорок раз дороже — два крузейро.

Пожаловавшись еще немного на дороговизну жизни, Ганс продолжал свой рассказ.

Крестьянские ребята сначала не знали, как ловить бабочек, и большая часть добычи пропадала в результате неосторожного обращения. Со временем появился солидный опыт, и масштабы предприятия все больше и больше расширялись Появились связи с коллекционерами в других странах и иностранные оптовые покупатели. Шли годы, ребята, первыми начинавшие ловить бабочек для Вульфа, выросли и передали своим детям по наследству умение обращаться с сачком и коробочкой. Сейчас ловлей бабочек занимаются уже два поколения жителей этих мест. Правда, взрослые не гоняются с сачком за какой-нибудь папильо. Голубой морфео — другой разговор, причем, конечно, только морфео менелаос — громадная бабочка лазурноголубого цвета. Охотятся за ними в основном взрослые. Цена ее наиболее крупных экземпляров раз в десять выше, чем на другие бабочки, но и достать морфео менелаос не так-то просто. Летает она в труднодоступных местах и притом на большой высоте, так метров десять-пятнадцать. Однако человек, безусловно, хитрее любой бабочки, и у ловцов морфео менелаос существует два способа охоты, которые действуют безотказно. В среднем один ловец за два часа добывает до двадцати морфео менелаос. Вы спросите:

почему за два часа, а не за три или четыре? Дело в том, что этот вид бабочек летает ежедневно, с девяти часов утра до одиннадцати. И встретить их в этом районе можно не всегда, а лишь около двадцати дней в году. С 15 февраля по 5 марта производится снятие урожая морфео менелаос (Вульф так и сказал «сафра» — уборка урожая). В среднем за год Ганс Вульф продает только в Рио-де-Жанейро до 150 тысяч бабочек! Прибыль получается довольно солидная, так как если он платит ребятам по одному крузейро, то перепродает уже за два, а тех бабочек, что покупает за два крузейро, перепродает за четыре, и так далее.

Все это было, без всякого сомнения, очень интересно, но мне хотелось увидеть сам процесс ловли, и я стал усиленно просить Ганса, чтобы тот свел меня с каким-нибудь опытным охотником за бабочками, хотя конец января не был удачным временем для ловли морфео менелаос, но вдруг, на мое счастье, найдется пара экземпляров, появившихся на свет ранее положенного времени. Ганс долго отказывался, но потом дал мне два совета. Совет первый. Вернувшись в Рио-де-Жанейро, попытаться организовать поездку в штат Акре, где можно увидеть десятки тысяч бабочек морфео менелаос и собрать невиданной красоты коллекцию. Сам он несколько раз был в Акре, сделал неплохой бизнес и получил колоссальное эстетическое удовольствие. Бизнесом я заниматься не собирался, но совет Ганса был дельный.

Второе. Ганс порекомендовал мне добраться до соседнего селения и попытаться связаться там с работающими на него местными ловцами.

И вот я стою в хижине Жозе Севериано Рамоса и смотрю, как он укладывает в небольшой мешочек приспособления для ловли больших морфео. Севериано сначала было отказался идти на охоту, но предложенные 500 крузейро (около рубля) сделали его уступчивым. Ведь от ловли каждой такой бабочки он получает примерно 20 крузейро, а вообще за свою работу он никогда не зарабатывал 500 крузейро. Здесь же за два часа предлагается полтысячи с одним лишь условием: поймать по одной штуке каждым способом, причем бабочек можно оставить себе. Часам к девяти мы с Жозе приходим на место, по его словам наиболее удачливое. Это небольшая лощинка, примерно километрах в двух от дороги, по одному из склонов которой стекает вниз миниатюрным водопадиком небольшой родничок. Жозе велел мне отойти на несколько шагов, сесть на землю и поменьше шевелиться, чтобы не пугать «зверя». Сам он встал рядом с ручейком, вынул из сумки марлевый сачок и ярко-голубого цвета треугольный кусочек шелковой материи примерно в ладонь величиной. Взяв в одну руку сачок, а в другую шелковую

тряпочку, Жозе стал пристально смотреть вверх. Так прошло минут двадцать, если не больше. Стало казаться, что наша затея окончится блистательным провалом, как вдруг по выражению лица Рамоса стало видно, что добыча приближается. Действительно, над нами метрах в пятнадцати порхала большая голубая бабочка, настоящая морфео менелаос. Жозе вытянул левую руку с голубым лоскутком, разложенным на ладони, и стал не спеша поворачивать ее под разными углами. По всей вероятности, бабочка заметила блеск шелковой материи, но, вместо того чтобы подпорхнуть к незнакомому предмету, зачем-то поднялась еще выше. Видимо, так было нужно, потому что Жозе поведение бабочки нимало не смутило, а, наоборот, он стал усерднее ворочать ладонью левой руки и одновременно начал тихонько подводить под нее сачок. Откровенно говоря, трудно было наблюдать все детали событий, развернувшихся в последующую секунду. Что-то маленькое промелькнуло в воздухе, почти одновременно последовало не менее быстрое движение сачка Жозе, и… ловля была окончена. Жозе, не вынимая бабочки из сачка, осторожно взял ее за тельце и тихонько придавил двумя пальцами.

Развернув крылья пойманной бабочки и накрыв их сухими листьями, Жозе решил сделать перекур и заодно рассказать, почему вдруг морфео ринулся на лоскуток. Оказывается, морфео менелаос отличается страшно драчливым характером и половину своей короткой жизни тратит на изыскание возможности с кем-нибудь начать сражение, вернее, не с кем-нибудь, а, конечно, с такой же ему подобной морфео менелаос. Увидя голубой кусочек материи, трепыхающийся на солнце, бабочка не вдается в детали и всегда принимает одноединственное решение — драться! Сложив крылья, она на большой скорости устремляется вниз, на воображаемого соперника. Тут только остается вовремя подставить сачок и потом не повредить крылья забияке. Закончив пояснения и притушив окурок сигареты голой пяткой, Жозе поднялся с земли и, подойдя к росшему невдалеке деревцу, вырезал прямую палку примерно метра полтора длины. Заострив один конец, он воткнул палку в землю и приколол сверху булавкой пойманную бабочку. Сев рядом на землю, Жозе вытянул ноги и стал пальцами тихонько толкать приспособление. Издали казалось, что бабочка трепещет крыльями над самой землей. Ловушка действовала прекрасно, иллюзия летающей бабочки была полная, по крайней мере для такого неискушенного в этих делах наблюдателя, каким являлся присутствовавший при операции советский журналист. Однако, как вскоре выяснилось, бабочка казалась живой не только мне. Устав сидеть с

вытянутыми ногами, Жозе поднялся и отошел немного в сторону. Тут произошло нечто совершенно непредвиденное: на приколотую к палке бабочку налетела какая-то птаха и, рванув за одно из крыльев, умчалась прочь, оставив нам жалкие остатки того, что не так давно было прекрасной морфео менелаос. Несмотря на внезапность нападения, в разбойнике можно было без труда узнать тангара, одну из красивейших птиц района Санта-Катарина, во множестве летающих стайками по восемь-десять штук в этих местах. Охота была сорвана, но принцип ловли морфео менелаос был предельно ясен, и Жозе честно заработал свои 500 крузейро, о чем ему незамедлительно было заявлено.

Теперь не терпелось как можно быстрее вернуться в Рио-де-Жанейро, с тем чтобы оттуда поехать в Акре. Кстати, командировка в эту провинцию была запланирована у меня давно, но не столько из-за бабочек, сколько из-за добытчиков каучука — серингейрос. Ведь земли штата Акре еще с конца прошлого века славятся своими каучуконосными деревьями.

Вот почему в один из октябрьских дней 1963 года начало рабочего дня застало меня в здании «Сантос Ваалис». Разыскав в полутемном коридоре дверь с табличкой «Постоянный представитель правительства штата Акре», я открыл ее и вошел в комнату, сплошь увешанную картами района Амазонки. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить о предстоящем путешествии в этот самый новый штат Бразилии.

На стук открывшейся двери из-за стола встал молодой человек лет двадцати пяти и вежливо осведомился о цели визита. Узнав, что к ним явился корреспондент, который в ближайшем будущем собирается посетить штат Акре и ознакомиться с его достопримечательностями, а потом описать путешествие в книге, молодой человек, который оказался секретарем представительства, попросил посетителя присесть, а сам удалился в соседнюю комнату. Через минуту он вышел и сказал, что лучше всего по этому вопросу поговорить с самим губернатором. Как раз губернатор приехал из Акре в Рио и находился здесь. Он, как уверил секретарь, примет меня.

Иностранным журналистам, проживающим в Рио, уже приходилось однажды встречаться с этим высшим представителем бразильской власти в штате Акре. Когда в 1962 году Акре из территории была преобразована в штат, то первым избранным губернатором был тридцатилетний Жозе Аугусто де Араужо. После своего избрания Жозе Араужо приехал в Рио и устроил пресс-конференцию, на которой сказал корреспондентам, что одним из первых шагов его правления будет экспроприация серингалов — каучуковых плантаций. Видимо, Араужо еще не

смог близко познакомиться с нравами владельцев серингалов, среди которых, между прочим, очень много американцев. Это заявление было встречено в штыки богатейшими людьми штата. Правда, американцы сами не живут в Акре, но их управляющие аккуратно взимают дань с местных жителей.

Губернатор встретил посетителя очень приветливо и дал немало советов: в какой район Акре поехать, что там посмотреть, и, кроме того, обещал всяческое содействие и помощь. А главное, он сообщил, что через двенадцать дней в Акре на месяц вылетает на специальном самолете группа врачей для медицинского осмотра местного населения и проведения профилактических прививок. Это известие было особенно приятным, так как я хорошо знал руководителя группы врачей доктора Миранду. Примерно год назад мне удалось сопровождать доктора в штат Мату-Гросу и провести дней пятнадцать среди местных индейских племен. Я еще расскажу подробно об этой очень интересной поездке. После беседы с губернатором нужно было, не теряя времени, направиться в министерство здравоохранения, чтобы вступить в контакт с доктором Мирандой.

Бывают такие счастливые моменты, когда удача сама идет в руки. На этот раз именно так и случилось. Доктора Миранду я застал, когда он как раз заканчивал составление списков личного состава группы врачей, отправляющихся в Акре. Всего должно было лететь восемь человек. Мест в самолете было достаточно, и не стоило большого труда уговорить его вписать в список под девятым номером фамилию советского журналиста.

Все устраивалось, казалось, как нельзя лучше. Но в последний момент выяснилось, что группа должна вылететь уже через два дня. Это в корне меняло все мои планы, так как из Москвы поступило несколько редакционных заказов на статьи. Естественно, до тех пор пока статьи не будут написаны и отправлены, думать о выезде из Рио-де-Жанейро не приходилось. Что ж, последнюю фамилию в списке пассажиров самолета можно было вычеркивать.

Заметив мое расстроенное лицо, Миранда сказал:

— Подожди немножко. Я сейчас узнаю наш маршрут по Акре, и тогда, может быть, что-нибудь придумаем. — После консультации с начальством Миранда вернулся, держа в руке небольшой листок бумаги: — Вот смотри. Это наш маршрут. Мы вылетаем из Рио в Бразилиа на обычном самолете и здесь пересаживаемся на специальный военный самолет, который нас доставит в штат Акре. В столице штата мы пробудем всего лишь один день, затем летим в город Сена-Мадурейру. В Сена-Мадурейре остановка четыре дня, дальше летим в город Фейжо. В

Фейжо пробудем неделю. Потом перебазируемся в город Крузейро-до-Сул. После восьми дней возвращаемся в столицу — город Рио-Бранко. Из Рио-Бранко делаем небольшой прыжок в Шапури и далее в конечный пункт маршрута — город Бразилейа на границе с Боливией. В последних двух пунктах мы пробудем всего по четыре дня. И наконец возвращаемся в столицу штата, там обрабатываем материал и через пять дней — обратный перелет в Рио-де-Жанейро. Давай сделаем таким образом, — продолжал Миранда. — Когда ты освободишься от своей текучки, садись на обычный рейсовый самолет и прилетай в столицу Рио-Бранко. Зная наше расписание, ты можешь подгадать таким образом, что прибудешь в Рио-Бранко за день или два до нашего возвращения из Крузейро-до-Сул. Потом мы вместе вылетаем до Шапури, и ты высаживаешься в этом городке, потому что лететь в Бразилейа неинтересно. Ничего нового по сравнению с Шапури там нет. Гораздо любопытнее для тебя будет путешествие из Шапури до города Рио-Бранко, которое можно совершить на небольшой лодке вместе со скупщиками каучука.

На этом и порешили.

Дней через двадцать после приведенного выше разговора я уже летел на самолете из Рио, имея в кармане билет до Рио-Бранко — столицы штата Акре. Сам перелет обещал быть довольно занятным. Компания «Крузейро-до-Сул», на самолетах которой мы летели, предупредила, что на пути к Рио-Бранко предстоят две пересадки и одна ночевка в городе Куйябе — столице штата Мату-Гросу, а затем путь лежит через Гуажара-Мирин и Порто-Вельо в Рио-Бранко. Расположившись в удобном кресле «Кометы», я еще раз просматривал свои записи об Акре, сделанные перед отлетом, — заметки о территории, населении, хозяйстве, флоре и фауне. И в нашей и в бразильской печати очень редко можно встретить упоминание об этом штате, и поэтому, мне кажется, для читателя будет представлять некоторый интерес предварительное знакомство с историей места, куда мы сейчас направляемся.

Первым бразильцем, который поселился на территории Акре, был Мануэл Урбано да Энкарнасао — выходец из штата Сеара. Дотошные историки даже установили, что этот человек поселился в Акре в 1861 году. Тогда еще территорию не называли Акре. Рассказывают, что она получила свое название следующим образом. Мануэл Урбано однажды наткнулся на индейское племя, которое, готовясь к своему празднику, делало запасы водки, приготовленной из кукурузы. Напиток они называли акири. На языке индейцев племени акири означало «горько». Погостив у индейцев, Мануэл Урбано вернулся домой и через некоторое

время решил вывезти из штата Сеара свою семью. Вместе с семьей приехали его друзья, его знакомые, так как до них дошли слухи, что в районе, где поселился Мануэл, встречается очень много каучуконосных деревьев. Добравшись до места, они стали спрашивать Мануэла Урбано, как называется этот район, а тот, не зная наречия племени, с которым когда-то встретился, рассказал, что местность называется Акре и река, протекающая через эту местность, тоже называется Акре. Так и пошло — Акре.

Штат Акре занимает территорию в 152 тысячи 589 квадратных километров. Это больше, чем, скажем, территория Португалии вместе с Азорскими островами и островом Мадейра. Население штата составляло 160 тысяч 280 человек.

Произведя несложные расчеты, можно выяснить, что на каждый квадратный километр территории приходится всего немногим больше одного человека. Мы не будем здесь рассказывать историю Акре. Нужно просто упомянуть, что из-за Акре были войны между Бразилией, Боливией и Перу. Случались и маленькие революции как антибразильские, так и антиболивийские. В конце концов после длительных дипломатических переговоров и подписания ряда международных договоров Акре с 1928 года стал официально принадлежать Бразилии. С этого времени вплоть до 1962 года Акре входила в состав Бразилии как одна из ее территорий. А в 1962 году ей был присвоен ранг штата со всеми вытекающими последствиями: правом иметь своего губернатора, местное правительство, своих депутатов в конгрессе (как в федеральном парламенте, так и в сенате).

Акреане — горячие приверженцы и патриоты своего штата. Они утверждают, что недра Акре богаты газом, нефтью и другими полезными ископаемыми. Но, к сожалению, здесь никогда не производились геологические исследования. И до сих пор Акре знаменит в основном своим лучшим каучуком. Я говорю — в основном, потому что, помимо каучука, акреанам есть чем гордиться. Например, в Акре растет самая красивая пальма Бразилии. Она называется жарина, и увидеть заросли ее можно только в Акре. Плоды жарина напоминают по своему цвету слоновую кость, и поэтому пальма известна еще как «пальма кокосовых орехов слоновой кости». Знаменитые по всей Южной Америке чилийские шляпы отнюдь не чилийского происхождения. Они изготавливаются в Акре. То же можно сказать и о каштанах пара, или бразильских каштанах. В штате Пара действительно есть очень много каштанов, но лучшие сорта их все-таки растут в штате Акре, и правильнее их называть каштаны акре. Из Акре ежегодно вывозится 11 тысяч тонн

каштановых семян.

По территории Акре проходили всего-навсего две дороги, предназначенные для автомобильного и гужевого транспорта: одна — от столицы города Рио-Бранко до реки Абуны и вторая — от Рио-Бранко до Порто-Акре.

Первой столицей Акре был город Сена-Мадурейра. Город знаменит тем, что в нем находится единственная в штате трамвайная линия с двумя трамваями. Однако во время разговоров с жителями столицы — города Рио-Бранко мне неоднократно приходилось слышать их заверения в том, что они тоже будут скоро иметь свою трамвайную линию, потому что «нехорошо столице отставать от провинциальных городов».

Вообще, желание жителей маленьких городишек Акре не отставать от городов других штатов страны выглядит часто довольно комичным. Например, в городе Крузейро-до-Сул проживает всего около 10 тысяч жителей. Однако в справочнике, изданном местной типографией, — его я приобрел на центральной Авениде — единственном на весь город писчебумажном магазинчике, — утверждалось, что в Крузейро-до-Сул обитает 32 тысячи жителей. Так вот, в Крузейро-до-Сул нет ни одной улицы, а только проспекты, даже самый маленький переулочек носит звучное название «авенида» — проспект. Раньше территория, где находится город, принадлежала индейцам племени науас. 102 года назад сюда проникли искатели каучука, большую часть индейцев истребили, а оставшихся в живых изгнали из этих мест. В 1904 году поселенцы основали самый западный город на территории Бразилии и назвали его «Южный Крест» — Крузейро-до-Сул.

В последние 20 лет было очень много разговоров о строительстве дороги Рио-Бранко — город Бразилиа. Но долгие годы строительство так и оставалось на нулевом километре. Дальше планов и прожектов дело не шло. Сейчас, кажется, оно сдвинулось с мертвой точки. В Бразилии с большим размахом ведется строительство трансамазонской дороги — одно из ее ответвлений проходит из города Бразилиа до столицы штата Акре. Кроме того, уже сейчас начато строительство дороги от Крузейро-до-Сул до перуанского города Пукалпа. Когда ее закончат, то Бразилия получит выход к Тихому океану через перуанскую территорию. Но это все в будущем, а во времена моего путешествия по Акре почти единственное средство передвижения между различными пунктами страны были реки и авиационный транспорт.

Как и следовало ожидать, полет до Кампо-Гранде был очень быстрым и спокойным. Приключения же начались, когда

пассажиров пересадили на старенькие двухмоторные винтовые самолеты. Естественно, что любые происшествия в воздухе нежелательны, и наши злоключения произошли, к счастью, на земле. Перед отлетом из Кампо-Гранде самолет предварительно пришлось четыре часа ремонтировать. Это отнюдь не способствовало укреплению хорошего настроения. Но все-таки до столицы штата Мату-Гросу — города Куйябы перелет прошел без приключений. За счет компании пассажиров довезли до отеля «Президенте», сказав, что за ними заедут на другой день в четыре часа утра. Заполнив карточку, в которой спрашивалось имя, фамилия и постоянный адрес вновь поступившего жильца, я отдал ее портье и собирался подняться наверх в номер, как вдруг портье обратился ко мне почти на чистом русском языке:

— Вы откуда, господин? Давно ли вы живете в Бразилии?

Согласитесь, что услышать русскую речь в центре Южноамериканского континента, в далеком, глухом городишке Куйябе, было довольно странно. Но куда не забрасывает судьба русских людей! Естественно, что вначале, не имея ни малейшего представления, что за человек мой собеседник, я разговаривал сухо, повторив в основном ответы на вопросы, заданные в полицейской карточке отеля. Портье тут же сообщил, что он сын старой, еще «дореволюционной русской эмигрантки» и бразильского немца, родился в Бразилии, в России никогда не жил и уже лет пятнадцать, как работает в Куйябе. Оказывается, он был не портье, а владельцем гостиницы. Узнав, что я советский журналист, этот русско-немецкий бразилец тут же вызвался показать мне город. Конечно, было бы неразумным отказываться от такого предложения.

Оставив вещи в номере, я прихватил на всякий случай фотоаппарат и спустился вниз. Господин Эуженио Майер, как представился мне хозяин отеля, уже сидел около входа за маленьким столиком, а у тротуара виднелась старенькая машина.

— С вашего разрешения, — сказал Эуженио, а по-нашему просто Евгений, — мы сейчас подождем несколько минут моего дядю. Дядя очень любит русских. Он выехал из России в 1917 году маленьким мальчишкой, вместе со своей матерью. Он очень большой патриот и во время последней войны участвовал в различных кампаниях помощи Советскому Союзу. Он много бедствовал, но потом стал владельцем мастерской — ремонтировал машины. Потом разорился. Это случалось с ним неоднократно. Сейчас он занимается хозяйством — служит у меня в отеле. Но это отнимает у него немного времени, основная профессия — скупка крокодиловых кож и продажа их владельцам кортуме — кожевенных предприятий. — Поговорить с человеком,

имеющим непосредственный контакт с охотниками на крокодилов, у меня было большое желание. Пока мы не спеша расправились с бутылкой холодного пива, что было особенно приятно при вечерней тридцатиградусной жаре, стоявшей в Куйябе, подошел и сам дядя, господин Семенов.

Это был высокий худощавый мужчина лет пятидесяти пяти, с длинным, вытянутым лицом, на котором выделялись глубоко запавшие, грустные большие глаза. Как выяснилось, он считался самым большим специалистом по крокодиловым шкурам в штате Мату-Гросу. Он рассказал много интересного о том, как определяется качество крокодиловых шкур, когда крокодилов лучше всего ловить: в весенний или в летний период, какого размера крокодиловые шкуры больше всего ценятся и что выгоднее покупать — шкуры самок или самцов. Однако он не знал самого главного для меня: как ловят крокодилов и каким образом связаться с охотниками, чтобы с ними уйти в экспедицию и своими глазами посмотреть, как уничтожают этих опасных хищников. Дядя признался, что это не его область. Его функция заключалась в том, что в определенное время, по определенному маршруту он совершал поездки по штату Мату-Гросу. К его приезду местные скупщики уже подбирали партию крокодиловых шкур, и господину Семенову оставалось только осмотреть товар, договориться о цене и переправить закупленную партию в Куйябу. Однако мы порешили, что если я возвращусь из Акре примерно через пятнадцать дней и смогу сделать остановку в Куйябе, то совершу вместе с ним поездку. На месте, в любом из городков штата, можно будет заключить соглашение с одним из охотников за крокодилами и своими глазами увидеть всю процедуру ловли хищников.

Через пять минут после отъезда от гостиницы я убедился, что зря Эуженио взял машину, так как городок был настолько мал, что никакого труда не стоило обойти его пешком, затратив не более тридцати минут. Я попросил своего любезного гида показать все основные достопримечательности города Куйябы. Эта просьба поставила его в довольно затруднительное положение, потому что Куйяба никаких особых достопримечательностей не имел, кроме одной: оказывается, Куйяба расположен в географическом центре Южной Америки и на главной площади возведен монумент в честь этого факта. Главная площадь оказалась за углом отеля, но монумент пришлось искать довольно долго. Сеньор Майер был в явном смущении, пока наконец общими усилиями не обнаружили груду досок, под которыми возвышался какой-то небольшой столбик.

— Ах, вы знаете, вот где, оказывается, монумент! — сказал

Эужению, и мы вышли из машины, чтобы подойти и осмотреть поближе. — К сожалению, сеньор Хосе, владелец лавки, что расположена рядом, собирается строить здесь киоск и свалил доски прямо на монумент, — объяснил Майер. — Но мы сейчас раскидаем их, и вы сможете сделать один снимок. — Пришлось заняться перемещением пары кубометров досок. Но, право, стоило потрудиться для того, чтобы иметь на память фотографию географического центра всей Южной Америки.

Перед возвращением в отель Майер не поленился заехать в местную газету. Главный редактор (он же владелец газеты) принял гостей очень радушно и тут же, распространяясь о планах своей политической карьеры, откровенно признался, что уже три раза менял политические партии «в связи со сложностью обстановки». А затем с обескураживающей непосредственностью заявил, что несколько раз менял и свои убеждения в зависимости от политической ситуации.

Вернувшись в отель, нужно было подумать и о сне, потому что завтра подъем был назначен, как вы уже знаете, в четыре часа утра. Но до позднего вечера под окном слышался густой баритон дяди сеньора Майера, который, подкрепляя свой португальский язык крепкими русскими выражениями, препирался с грузчиками, доставившими в ресторан отеля партию льда. Можно было понять, что работа по совместительству русского специалиста по закупкам крокодиловых кож была не такая уж легкая, как пытался уверить племянник.

Разбудили всех действительно в четыре часа утра. К великому изумлению пассажиров, внизу, в ресторане, уже был накрыт завтрак. Правда, он состоял из чашечки черного кофе и нескольких сухих галет, но все были рады и этому, так как еще в Рио-де-Жанейро предупредили, что этот полет называется воо ду фоми — голодный полет, потому что в дороге до самой столицы Акре кормить пассажиров не будут. Все встали, позавтракали, доехали до аэродрома, но вот вылететь вовремя не смогли, самолет поднялся в воздух только в восемь часов утра. Какая там была неисправность, никто не знал. Не знали, вероятно, и летчики, потому что через полтора часа полета они объявили, что приходится возвращаться из-за технической неисправности, но только не в Куйябу, а в ближайший городок — Касерес, как пояснила нам стюардесса. В небольшом помещении аэродрома Касереса не было никакого оборудования и мебели, кроме трех обшарпанных скамеек, на которых и разместились пассажиры. После полуторачасового ожидания выяснилось, что часть, поломавшуюся в самолете, исправить невозможно и придется одному из летчиков с ближайшим рейсом вернуться в Куйябу и

там достать необходимую деталь. Только когда он прибудет обратно в Касерес, все смогут продолжать путь. Естественно, пассажиры стали возмущаться порядками, царящими в компании «Круйзеро-до-Сул».

Пожалуй, только для журналиста эта остановка представляла какой-то интерес. По крайней мере, можно было посмотреть еще одно место, в которое при других обстоятельствах его вряд ли занесла бы судьба. Как и следовало предполагать, Касерес оказался небольшим городком, лежащим на левом берегу реки Парагвай. В нем в отличие от Куйябы не было вообще никаких достопримечательностей, если не считать за достопримечательность ряд складов и закупочных пунктов, куда окрестные фазендейрос свозили воловьи и коровьи шкуры. Между прочим, здесь можно было встретить многих парагвайцев, которые, пользуясь отсутствием пограничного контроля, поднимались из Асунсьона и близлежащих местечек по реке Парагвай, пересекали границу с Бразилией и добирались до Касереса, где продавали привозимые партии шкур. Оказалось, что в Парагвае цены на шкуры немного дешевле и парагвайцы, занимаясь такой полуконтрабандой, выгадывают несколько сот крузейро на каждой шкуре. Парагвайское влияние в Касересе чувствовалось во многом, даже в языке. Местные жители говорили на какой-то смеси двух языков — португальского и испанского.

Компания «Крузейро-до-Сул» поместила пассажиров в местном отеле, хотя это скорее всего был не отель, а самый заурядный постоялый двор. Некоторые из спутников отправились в номера: одни — чтобы просто убить время, другие — пытаясь отдохнуть перед продолжением полета. Но не прошло и часа, как все собрались в баре. Спать днем в отеле было невозможно — в комнатах кишмя кишели большие черные тараканы. Владелец бара — он же буфетчик и он же судомойка — несколько успокоил всех, сказав, что по вечерам тараканы исчезают.

Он оказался прав. Но все-таки ночью почти никто не смог заснуть: жара и духота стояли страшные. С наступлением темноты невдалеке заработал движок и небольшая площадка перед отелем осветилась электрическими фонарями. Из репродуктора, который висел на высоком столбе посередине площадки, сначала послышался какой-то хрип, шип, и потом наконец стало ясно, что заработала местная радиостанция. Видимо, составитель радиопередач не обладал большой фантазией, и из чрева репродуктора раздавалась одна и та же мелодия. Пластинку крутили раз пятнадцать, даже не переворачивая на другую сторону. Почти во всех провинциальных

городах многих стран Латинской Америки мне приходилось наблюдать схожую картину. По вечерам на центральной городской площади собирается молодежь. Девушки ходят парами по тротуару, а по внутренней орбите двигается навстречу им поток юношей. Такого рода гуляние продолжается обычно часа два-три. Потом молодые люди приглашают представительниц прекрасного пола выпить бутылку лимонаду. И часов в десять все отправляются в кинотеатр, если таковой, конечно, имеется в городе. Если нет, то гуляние на этом кончается, и все чинно расходятся по домам. Касерес не составлял исключения из общего правила.

Не будем утомлять вас подобным описанием дальнейшего полета. Скажу только, что последняя остановка перед Рио-Бранко была в городе Гуажара-Мирин. Она длилась три часа, причем и самолет был в исправности, и погода стояла хорошая, и, как сообщили нам по радио, аэродром в Рио-Бранко тоже соглашался принять самолет.

Однако причина задержки оказалась совершенно неожиданной. Как выяснилось, в прошлом рейсе кто-то из жителей Гуажара-Мирин обещал нашим летчикам поймать несколько черепах. И вот сейчас, после посадки в Гуажара-Мирин, один летчик отправился в городок, чтобы доставить обещанных животных.

Пассажиры понимали, что протестовать совершенно бессмысленно, и, столпившись под крыльями воздушной «телеги», пытались как-то скрыться от палящих лучей тропического солнца, проклиная и летчиков, и несчастных черепах. Наконец черепахи прибыли в большой бельевой корзинке, их погрузили на самолет, и полет продолжался. Правда, с еще меньшими удобствами, чем раньше, потому что бестолковые черепахи, не имея опыта воздушных путешествий, все время вылезали из корзинки и расползались под сиденьями.

Это, конечно, было неприятно, но все пребывали в хорошем расположении духа, потому что, несмотря на мрачные предсказания, экипаж, по-видимому, имел возможность еще засветло добраться до места назначения.

Так оно и случилось. В центр штата Акре самолет прибыл лишь с незначительным запозданием — на 19 часов. О том, что мы прибыли именно в столицу, сомнений ни у кого не возникало, потому что над приземистым зданием столичного аэропорта, который назывался «Аэропорту Салгадо Фильо», висел полинявший от солнца и дождя плакат:

«Добро пожаловать в столицу штата Акре — город

Рио-Бранко».

Голодный полет закончился, вполне оправдав свое название. За все время пути и многочасовых вынужденных остановок нас так ни разу и не покормили. Несколько глотков кофе из термоса, конечно, в счет идти не могли.

Было бы неправильно сказать, что советского журналиста никто не встречал. Не успел я сбежать по лесенке, заменявшей трап, как сразу же оказался в окружении молодой поросли восьми-десятилетних акреан. Они настойчиво требовали у меня самолетной багажной квитанции. На их лицах отразилось явное разочарование, когда они услышали, что все пожитки облюбованного ими пассажира заключаются в стареньком рюкзаке и сумке с фотоаппаратами. Затем юные акреане бросились к моим попутчикам, в надежде заработать, поднеся чемодан до такси.

Полдюжины монашек уселись в присланный за ними из монастыря грузовичок, за стариком фазендейро приехал сын на муле, запряженном в потрепанную таратайку. Летчики остались у самолета накрывать его брезентом, а остальные пассажиры разместились в двух таксомоторах. Другое название к ним трудно подобрать, настолько эти средства передвижения выглядели допотопно, принадлежа, видимо, к модели, вышедшей из моды еще до первой мировой войны.

Запасшись раньше необходимыми сведениями о городе Рио-Бранко, можно было уверенно ответить на вопросительный взгляд: «Отель «Шуи», пожалуйста».

Правда, название говорить было не обязательно, потому что другого отеля в городе практически нет. После губернаторского дворца отель — самое внушительное здание столицы. Двухэтажное, с большим парадным входом. Однако этот самый главный, фактически единственный отель в городе Рио-Бранко имеет очень примитивную канализацию, а электричество и вода включаются вечером на несколько часов. Только одно доказывало высокий класс гостиницы: цены на номер здесь не ниже, чем в лучших отелях Рио-де-Жанейро. Пока наш фаэтон, пробираясь между рытвин и ухабов, направляется в отель «Шуи», можно коротко поведать вам о том, как был основан Рио-Бранко.

Выбор места для столицы штата Акре сделан совершенно случайно. В конце прошлого века здесь основали серингал под названием Эмпреза. На территории серингала было очень много каучуконосных деревьев, и народ сюда все время прибывал. Владел серингалом некий Неутел Невтон Майем. Сейчас Неутела Невтона Майема местные историографы считают основателем

города. В 1904 году серингалу присвоили категорию поселка и имя: Волта-да-Эмпреза, а месяц спустя преобразовали в город Рио-Бранко, и он стал центром административного района Алто-Акре.

Сейчас наше такси ехало левым берегом реки, но, конечно, никакого серингала здесь уже не существовало. На его месте возник административный центр города. Тут расположен дворец губернатора, куда я пошел утром, чтобы договориться с местными властями о дальнейшем маршруте путешествия по штату Акре.

Двухэтажный губернаторский дворец выглядел очень внушительно на фоне хлипких домишек, спускающихся к реке. Это была центральная улица Рио-Бранко — проспект президента Варгаса. Поднявшись по роскошной каменной лестнице, визитеры сразу же попадают к входу во дворец, у дверей которого несут караул ДЕа солдата национальной гвардии. Функции их были, по-видимому, чисто декоративными, потому что любой человек, имеющий на ногах ботинки, а на шее галстук, беспрепятственно может пройти внутрь. После долгого блуждания по комнатам я наконец обнаружил в одной из них живую душу — молодого человека лет двадцати двух, одетого, несмотря на страшную жару, в черный костюм. Он оказался заместителем помощника личного секретаря начальника канцелярии губернатора. Узнав о цели моего визита, чиновник сокрушенно покачал головой.

— Ничем не могу быть вам полезен. К сожалению, губернатор только вчера вылетел в Рио для встречи с президентом республики. Если вы желаете, я завтра смогу связаться с ним по радио и запросить в отношении вас специальные инструкции. Что же касается местонахождения самолета с врачами из Рио, то я тоже ничего не могу сказать определенного. Лучше всего вам обратиться к министру здравоохранения штата, который наверняка в курсе дел.

Поблагодарив его за добрые намерения, я ответил, что губернатора беспокоить не стоит, а лучше мне обратиться к помощи министра здравоохранения, если сеньор объяснит, как добраться до его кабинета.

— Он находится у себя в оффисе, — был ответ. — А оффис расположен недалеко от центрального рынка. Спросите любого жителя, и вам покажут.

Действительно, разыскать министра оказалось не так-то сложно. Все его министерство располагалось в одной комнатке, находившейся на втором этаже ветхого домишка. В этой же комнате министр принимал больных, занимаясь частной практикой. Быть только министром он не мог по двум причинам: во-первых, врачевание больных акреан давало ему лишний

приработок к министерскому жалованью, и, во-вторых, хотя в столице штата жили согласно переписи около 50 тысяч человек, в городе было пять врачей.

Откровенно говоря, Рио-Бранко совсем не походил на столицу. Если у проспекта президента Варгаса еще было какое-то сходство с городской улицей, то остальные районы города совсем не имели столичного вида.

Специальной аудиенции у министра здравоохранения просить не пришлось. Я просто поднялся по крутой лесенке на второй этаж, толкнул дверь, на которой было написано: «Доктор», и очутился в его приемной и кабинете. Около входа сидела молодая женщина и с испугом смотрела на отгороженный занавеской дальний угол. За занавеской слышался плач ребенка и мужской голос, успокаивающий его. Через минуту оттуда вышел мужчина с мальчиком лет двух на руках и, передавая его женщине, сказал:

— Ну вот, все в порядке, я разрезал нарыв, завтра придете на перевязку.

Потом он вопросительно посмотрел на меня, словно спрашивая, с какой болезнью явился к нему новый клиент. Узнав, что перед ним стоит друг доктора Миранды, министр здравоохранения засуетился, попросил меня присесть, а сам побежал за занавеску. Через мгновение он вернулся, неся две чашечки и термос, наполненный горячим кофе.

— Очень приятно, очень приятно, я давно не имел сведений о докторе Миранде. Как он поживает? Скоро ли собирается к нам? Я вот жду, жду его, никак не дождусь, а здесь столько дел накопилось для группы Миранды. Из Сена-Мадурейры запрашивают, из Крузейро-до-Сул запрашивают, из Шапури просят ответить, когда же прилетит самолет доктора Миранды. Нужно сделать несколько срочных операций, а вы сами понимаете, что я и мои коллеги здесь, в Акре, не в состоянии везде успеть, у нас нет ни транспорта, ни средств на перевозку больных.

Будущее окрашивалось для меня в мрачные тона.

— Как, неужели самолет доктора Миранды до сих пор не прилетел в штат Акре? — переспросил я, питая слабую надежду, что министр здравоохранения не в курсе планов доктора Миранды. Или, может быть, самолет с Мирандой давно находится в их штате, а министр просто не знает об этом.

— Доктор Миранда пока находится в Рио, — уверенно повторил министр. — Дней восемнадцать назад он сообщил мне по радиосвязи, что полет откладывается и он прибудет в Рио-Бранко только к концу месяца. Сроки вылета экспедиции

пересмотрены.

Пришлось рассказать министру о надеждах, связанных с самолетом Миранды, и попросить совета, как же быть дальше. Совершив путешествие почти за четыре тысячи километров, возвращаться обратно в Рио было, конечно, неразумно.

Министр озадаченно почесал затылок.

— Единственно, что я могу вам предложить, — сказал он, — это посоветоваться с Биду — нашей местной знаменитостью, он очень хороший охотник и знает здесь все вдоль и поперек.

Министр здравоохранения проводил меня до самого домика, где жил Биду. В его квартире находилась также и радиостанция. В этом доме у любого журналиста сердце забилось бы учащенно: все стены комнаты были увешаны шкурами крокодилов и змей. Над радиопередатчиком в большой рамке висела фотография, на которой был снят хозяин, положивший ногу на тушу убитого ягуара — онса. Сразу стало ясно, что Биду является именно той личностью, о которой может мечтать человек, отправляющийся в далекое путешествие по штату Акре. Приход нежданных гостей оторвал хозяина от ужина. Биду вышел из соседней комнаты, держа миску с горячей фасолью и стакан с водой.

— О, добрый день, доктор, добрый день, сеньор! Чем могу быть полезным? — приветствовал он нас, весело улыбаясь.

— Я хочу, — ответил доктор, — познакомить тебя вот с этим сеньором, который приехал в наш штат по личному приглашению самого губернатора. У него есть к тебе одно деловое предложение, и, по-моему, только ты в состоянии оказать помощь советом и делом.

— С удовольствием, с удовольствием, — сказал Биду, потом посмотрел на часы и добавил: — Вот только если вы смогли бы подождать минут десять, потому что сейчас начинается сеанс, а, как вы знаете, сеанс пропустить невозможно.

Мы понимающе кивнули в ответ, хотя я-то не имел ни малейшего представления, какой должен быть сеанс и почему его ни в коем случае нельзя пропустить. Но тут Биду сел за радиопередатчик, и мы стали свидетелями очень любопытного явления, которое в Бразилии можно встретить, вероятно, только в штате Акре. Биду связался с городом Шапури. Оттуда ему передали сообщение о вылетевшем самолете, о ценах на скот, о дождях, которые там идут, а потом вдруг радист Шапури закричал:

— Алло! Алло! Начинаю сообщение! Начинаю сообщение! Донна Алисиа, ваш племянник Афонсо говорит, что свадьба переносится на три дня. Он ждет вас и дядю Алонсо на свадьбу. Сообщите, прилетите ли вы в срок. Алло! Алло! Донна Тереза,

можете не беспокоиться, ваша корова нашлась. Алло! Алло! Свояченица Родригеса родила мальчика и чувствует себя хорошо.

Такого рода объявления длились не менее пяти минут, а потом Биду, взяв заранее приготовленный текст, сам стал передавать подобные известия.

Все это объяснялось довольно просто. Вы уже знаете о транспорте в самом городе Рио-Бранко. Кроме такси, в Рио-Бранко есть еще несколько десятков автомобилей. Большинство из них было привезено самолетами из Рио-де-Жанейро и из Сан-Паулу, а некоторые (большей частью контрабанда) прибыли водным путем из Белена. Основной способ сообщения между столицей штата и другими городами — по рекам и самолетом. А во время периода дождей водный путь остается единственным. Однако, несмотря на то, что средства сообщения между отдельными городами штата Акре ненадежные и всякое передвижение между отдельными пунктами очень затруднено, власти штата всегда находятся в курсе всех событий. Администрация осуществляется оригинальным способом: с помощью радио. Каждый город и городишко имеет свою коротковолновую радиостанцию и в определенные часы контактируется с Рио-Бранко. По радио передаются приказы и постановления правительства штата, по радио же каждый житель имеет право передать коротенькое сообщение своим родственникам или знакомым, живущим в других районах, в других городах. Потому, что если бы вы захотели вдруг послать простое письмо, скажем, из города Рио-Бранко в город Крузейро-до-Сул, то оно пришло бы к адресату не раньше чем через три месяца, проделав долгий путь по одному из притоков Амазонки до Манауса и от Манауса по другому притоку к городу Крузейро-до-Сул. Самолеты тоже редко используются для перевозки почты, а кроме того, писем посылают мало, потому что большинство жителей штата просто не умеют ни читать, ни писать.

Во время разговора Биду с городом Шапури я и не подозревал об одной особенности передачи. Оказывается, все те сообщения, которые радист Шапури кричал в свой микрофон, передавались по всему городу Рио-Бранко, и из развешанных на столбах репродукторов весь город узнал, что у свояченицы Родригеса родился мальчик, и все поздравляли донну Терезу, у которой нашлась ее пропавшая корова. Как видите, секретов в этом штате не существовало.

Закончив работу, Биду сказал:

— Сейчас я к вашим услугам.

И опять пришлось повторять всю историю сначала, рассказывать о том, как готовилась поездка, как не пришел

самолет, и о том, что сейчас вся надежда на знаменитого охотника Биду. Каждому охотнику приятно, когда утверждают, что он является знаменитостью. Биду не был исключением из правила. Он улыбнулся еще шире и сказал, что с удовольствием попытается помочь в беде.

— С завтрашнего дня, — объявил он, — у меня как раз отпуск, и я смогу совершить с вами недельное путешествие Вы все сможете увидеть.

Договорились о встрече на следующее утро. Биду должен был прийти в гостиницу «Шуи» для выработки подробного плана дальнейших действий.

По счастливой случайности в холле гостиницы я обнаружил полку, на которой лежало несколько книг, покрытых толстым слоем пыли. В основном это были бразильские издания о добыче каучука в штате Акре. За некоторыми из этих книг я безуспешно охотился в Рио-де-Жанейро, и ни один букинист не смог их достать. Между тем они содержали крайне необходимые сведения для каждого человека, который решил познакомиться с историей развития каучуковой промышленности в Бразилии.

Оказывается, в Бразилии насчитывается до двадцати видов каучуконосных деревьев. Самыми распространенными из них являются эвеа бразилиенсис, бентамиана, кунеата, спрусеана, лютеа и гианенсе. По своему экономическому значению наиболее важной разновидностью является эвеа бразилиенсис. Она ценится за самое большое количество сока — латекса, которое дает, и за качество каучука, получаемого из латекса. Эвеа бразилиенсис можно встретить на всей территории бассейна реки Амазонки, но в основном в наиболее увлажненных местах. Это дерево с пирамидальной кроной достигает более двадцати метров высоты и встречается, как правило, в гуще леса. Но можно встретить его также по берегам рек или ручьев.

Первое упоминание о каучуке относится к началу XVIII века. Александре Родригес Феррейра в своих записках «Философское путешествие» рассказывает о поездке по Амазонке. Писал он и о встрече с индейцами племени камбебас: «Другие народы, живущие на бразильской земле, очень многое могут перенять от племени камбебас. Это племя производит знаменитую резину, и они называют ее лейте де серинга — молоко серинги. Из этого молока они мастерят ботинки, одежду, и все это непроницаемо для воды». Другой бразилец, монах Маноэл де Эсперанса, совершив путешествие по внутренним районам Бразилии, представил португальскому королевскому двору отчет, который содержал интересные данные о каучуке и его применении местными жителями. Португальские власти не придали большого

значения полученной информации. Но впоследствии известие о новом продукте распространилось в Бразилии, и охотники, авантюристы, исследователи, проникавшие все дальше и дальше в глубь амазонских лесов, стали обращать пристальное внимание на деревья, дающие каучук. Постепенно каучук стали вывозить в большие города. Начало развития каучуковой промышленности относится к 30-м годам XVIII века.

Индейцы называли каучуконосные деревья «кау-чу», что в переводе на русский язык означает: кау — палка, чу — молоко, то есть палка, дающая молоко. Сначала белые португало-бразильцы дали свое имя этому продукту, они стали называть его «серинга», а само дерево — «серингейра». За добытчиком каучука укрепилось название «серингейро», а место, где росли каучуконосные деревья, — «серингал». Все эти названия укоренились и применяются до наших дней, кроме «серинга». Верх взяло индейское название — каучук. Если посмотреть статистические данные производства каучука в Бразилии, то вы увидите, что в 1827 году была добыта всего лишь 31 тонна каучука, а уже через 25 лет — 1631 тонна.

Любой автор, повествующий о развитии каучуковой промышленности, непременно упомянет о так называемом английском скандале. Я не хочу показаться оригинальным и поэтому тоже расскажу о том, как Бразилия потеряла господствующее положение в мировой добыче каучука.

Основным потребителем бразильского каучука была Англия. И вот однажды директор английского ботанического сада, некий Джозеф Хукер, задумался над тем, нельзя ли перенести семена каучуконосов из Бразилии в другое место, например в английские колонии, расположенные в тропическом климате. Джозеф Хукер направил одного из сотрудников ботанического сада, Роберта Кросса, в Бразилию, с тем чтобы тот изучил бразильские каучуконосы. Кроме того, Хукер законтрактовал тридцатитрехлетнего авантюриста Генри Уикмена. Получив задание Хукера, Уикмен проник в бразильский район Амазонки и обосновался на реке Тапажосе. Там он начал заниматься сбором семян каучуконосных деревьев. Уикмен завязал дружеские отношения с индейцами племени мура и подготовил партию семян для отправки в Англию. В мае 1876 года на Амазонку пришло английское судно «Амазонас». 29 мая этого же года «Амазонас» отошло от бразильского порта Белен и направилось в Англию, в Ливерпуль. Бразильские таможенники, осматривая в Белене судно, не нашли ничего подозрительного и дали разрешение на выход в море. А между тем глубоко в трюмах лежало семьдесят тысяч семян бразильских каучуконосов. В июне

семена каучуконосов поступили в английский ботанический сад. Однако из семидесяти тысяч семян только две тысячи были пригодны для обработки. На другой год саженцы эвеа бразилиенсис были высажены в ботаническом саду Сингапура, на Борнео и еще через некоторое время — на Цейлоне, в ботаническом саду Пирадения.

Прошло еще лет пятнадцать-двадцать, и на мировом рынке появился английский натуральный каучук, причем если в Бразилии каучук добывался в гуще тропического леса, с колоссальными трудностями, то каучук, поступавший из английских колоний, добывался на аккуратно возделанных плантациях каучуконосных деревьев. За каучуконосами внимательно ухаживали, территория была свободна от каких-либо лиан, кустарников и кобр. При добыче каучука применялись самые новейшие методы извлечения латекса, и, конечно, экономический эффект был огромный. Английский каучук обходился значительно дешевле бразильского. Бразильский каучуковый бум кончился. Гегемония Бразилии на каучук окончилась раз и навсегда. Конец расцвета, а значит, и начало упадка бразильской каучуковой промышленности (если можно так назвать примитивное извлечение каучука в лесах Амазонки), начался в 1911 году. Вот и вся история.

На другой день утром я с нетерпением поджидал прихода охотника. Он явился немного позднее назначенного часа, и не один.

— Вот познакомьтесь, — сказал Биду. — Это мой приятель охотник Азеведу. Нам придется несколько изменить план. Я хотел с вами поехать в путешествие по реке на лодке с подвесным мотором. Но за минувшую ночь случилась небольшая неприятность: у меня украли пусковой шнур к мотору, и без него невозможно отправляться в путешествие. А другого нигде во всем Рио-Бранко не найти. Придется мне ждать, пока брат пришлет из Рио запасной шнур. Однако вы не беспокойтесь, поездка все-таки состоится. Правда, может быть, она будет менее интересна, чем та, которую мог бы предложить я. Но все-таки вы увидите то, что хотите: жизнь и работу серингейрос. Я предлагаю вам отправиться в путешествие с моим другом Азеведу. Он недорого возьмет за поездку. А за то, что обе стороны останутся довольны, я ручаюсь.

Биду распрощался и ушел. Когда он уходил, лицо у него было очень расстроенное. Видно было, что человек искренне огорчен потерей возможности поохотиться в джунглях Акре.

С первых же минут нашего знакомства стало ясно, что Азеведу много разговаривать не любит. Он определенно был

человеком дела.

— Через час мы тронемся в путь, — сказал он. — Вы собрали вещи? — Получив утвердительный ответ, Азеведу отправился к выходу. Я остался стоять на месте. Охотник удивленно обернулся: — Пойдемте!

— Куда?

— Нам нужно нанять транспорт, купить продукты. У нас всего час времени, — ответил Азеведу.

Выйдя из отеля, мы направились в торговую часть города. Она находилась на правом берегу реки Акре. Подойдя с Азеведу к берегу, я стал искать глазами мост, но его не оказалось. Как потом объяснили, мост через речку строят уже тридцать лет и конца строительству не видно. Связь же между районами осуществляется с помощью совсем небольших лодочек — капрайас. Около дощатого причала на палке был прикреплен плакат с надписью: «Цена за перевоз с сегодняшнего дня увеличена с 5 до 10 крузейро». В скобках было указано: «В связи с повышением роста стоимости жизни».

Переезжать через реку мы не стали, не из-за дороговизны, а потому, что Азеведу, подумав, сказал:

— Лучше мы купим продукты здесь, на рынке. Они обойдутся дешевле, чем в лавке. На сколько дней будем покупать? — спросил он меня.

— Дней на шесть-семь.

Азеведу, быстро проходя по рядам, приобрел кусок вяленого мяса — жабá, кулечек сахарного песку, пачку кофе и около килограмма маниоковой муки. Накупив все необходимые, по его мнению, продукты, Азеведу сложил их в холщовый мешок.

— Скажите, Азеведу, — спросил я его, — а где мы будем останавливаться на ночевку?

— Мы доберемся до моего знакомого серингейро. Это хорошая, честная семья, и они нас примут с удовольствием.

— Так нам нужно что-нибудь привезти им в подарок, у него есть дети, у этого серингейро?

— У него шестеро детей, хотя, право, не знаю, я уже год там не был. Может быть, и семеро, — ответил Азеведу.

— Давайте тогда купим конфет для ребятишек.

— Нет, — возразил Азеведу, — к конфетам они не привыкли. Может быть, мы купим еще немного сахару и дополнительно три батона хлеба. Они будут очень довольны.

Этих слов было достаточно, чтобы понять, к кому мы идем в гости. Азеведу сделал второй заход между торговыми рядами, и с территории рынка мы вышли только тогда, когда наш холщовый мешок вдвое увеличился в объеме.

— А теперь, — сказал Азеведу, — ответьте, пожалуйста, сколько у вас денег и можем ли мы рассчитывать на наем такси.

Деньги у меня были, но такси… Отправляться в джунгли бассейна Амазонки на такси?! Трудно было представить себе такую ситуацию.

— Ну да, на такси, — повторил Азеведу. — Сейчас сухо, можно проехать по дороге километров двадцать пять, а потом пойдем пешком.

Такое разъяснение несколько успокоило меня. Совсем хорошее расположение духа вернулось, когда подошли к стоянке такси. Недалеко от базара стояли три очень старых, потрепанных «джипа». Три шофера, присев на поваленный ствол дерева, резались в карты. Увидев приближающегося к ним человека с переброшенным через плечо фотоаппаратом, они профессиональным глазом сразу же распознали клиента.

Один шофер встал, подошел к нам и спросил:

— Нужна машина?

Азеведу не удостоил его вниманием, а прошел мимо, к сидящему с краю шоферу. Я решил не вмешиваться в их переговоры.

— Шико! — сказал Азеведу. — Отвезешь нас до Параизо?

— А почему бы и нет? — с готовностью отозвался шофер. — Ты же знаешь, я всегда готов тебе помочь.

— Сколько возьмешь за поездку?

— Пять тысяч крузейро.

Азеведу посмотрел на меня, спрашивая согласия. Я не знал ни расстояния до Параизо, ни местных цен, но с достоинством кивнул головой.

— Хорошо! — сказал Азеведу. — Мы согласны. Можешь отправиться сейчас?

— А почему бы и нет? — ответил шофер. Видимо, он был очень решительным человеком.

Отъехав от базара, мы направились было к гостинице, как вдруг Азеведу попросил остановить машину.

— Я забыл спросить вас, — обратился он ко мне, — о реде — гамаке. У вас есть с собой гамак?

Получив отрицательный ответ, Азеведу сказал шоферу, чтобы тот повернул обратно к торговым рядам. На всякий случай было необходимо приобрести хотя бы один гамак: нельзя быть уверенным, что на серингале найдется два лишних.

Лавка с гамаками сразу же бросалась в глаза: несколько штук гамаков были развешаны прямо на улице для привлечения внимания покупателей. Азеведу при выборе покупки проявил максимум практичности и здравого смысла. Во-первых, он

каждый гамак прикинул на вес и отложил несколько самых легких. Потом осведомился о цене, и, когда продавец стал доказывать ему, что не может скинуть ни одного крузейро, так как борта гамаков отделаны бахромой, Азеведу предложил бахрому срезать. Кончилась торговля тем, что мы приобрели гамак за треть первоначальной цены.

Уложив покупку на сиденье такси, тронулись к отелю «Шуи».

Забрав в гостинице вещи и закрепив за собой номер, разместились в «джипе». Увидев термос, Азеведу попросил наполнить его холодной водой: «Пусть хотя бы сегодня мы будем иметь возможность выпить по глотку холодной воды, а то этого удовольствия лишаемся до тех пор, пока не вернемся в город». Отъехав от гостиницы, шофер направился по авениде президента Варгаса. Проехав от начала до конца всю улицу, он почему-то повернул обратно, и машина снова прошла мимо отеля. Если бы на такси стоял счетчик, то шофера можно было бы понять в этом накручивании километража. Но так как мы договорились о твердой цене, поведение его было по меньшей мере странным. Необходимо было поинтересоваться причиной такого маневра.

— А это у нас обычай, — сказал шофер. — Когда мы выезжаем из города, то прокатываемся по центральной авениде. Это хорошая примета. Видите, какая на авениде президента Варгаса прекрасная дорога? Пусть и остальной путь такой же будет удобный. А кроме того, все должны знать, что человек едет из города в дальнее путешествие.

Ну что ж, традиция есть традиция, хотя, право, трудно было утверждать, что остальная дорога была такая же гладкая и ровная, как авенида президента Варгаса.

— А сколько до Параизо? — был задан вопрос, когда мы отъехали километра четыре и все и вся уже покрылось толстым слоем пыли.

— Да так, километров двенадцать-двадцать, — сказал шофер.

Смотреть на спидометр было бесполезно, потому что на том месте, где ему положено находиться, зияло пустое отверстие.

— Ну, двадцать так двадцать, лишь бы добраться до серингала.

Через час пассажиры смогли убедиться, что если бразилец говорит двадцать километров, то там наверняка будет больше тридцати. Ехали ни быстро, ни медленно, но прошло еще долгих два часа, прежде чем разухабистая проселочная дорога нырнула под темные кроны деревьев. Шико резко убавил скорость, так как под колесами «джипа» зашелестели ветки поваленных деревьев и захрустели сучья кустарников. Не выходя из машины, можно было определить, что качество нашей «автострады» резко ухудшилось.

С этого момента дорогой ее можно было назвать только условно. Дорога кончилась.

Человек идет по джунглям

Летающий бархатный ковер Как поет уирапуру • О чем разговаривают муравьи • Мы шагаем по эстраде • Когда плачет эвва • Так делают болас • Дороги умирают зимой • Неожиданный попутчик • Закон гостеприимства • Души серингейрос • Легенда об индейце татаита • Сделка с контрабандистами • Боец «корпуса мира» • «Дорога смерти» • До свидания, Акре!

Начались джунгли, и в них была просека, во всю ширину которой стелилась буйная молодая поросль. «Джип» передвигался со скоростью не более одного километра в час. Мы вылезли из кабины и пошли впереди «джипа» пешком. Идти было нетрудно, потому что приходилось все время останавливаться, стараясь не отрываться от транспорта, плетущегося сзади.

Сначала, поджидая машину, просто отдыхали, потом стали постепенно помогать ей двигаться вперед. Если колеса «джипа» застревали в какой-нибудь рытвине или яме, нам приходилось слегка подталкивать ее плечами. Дальше — больше. Через каждые десять-пятнадцать метров стали подбрасывать сухой валежник и срубленные деревца. Вскоре это порядком надоело. И после

преодоления очередной колдобины Азеведу, утирая пот со лба, сказал шоферу:

— Слушай, Шико, возвращайся-ка ты со своим автомобилем домой. Отсюда как-нибудь доберемся пешком сами.

Шофер, конечно, не возражал. С нашей помощью он развернул машину и тронулся в обратный путь. Мы же взвалили на плечи снаряжение и двинулись к серингалу. Шли не спеша, времени было достаточно.

И, как утверждал Азеведу, до серингала оставалось не более шести-семи километров. По дороге Азеведу задавались непрерывно вопросы о названиях тех или иных деревьев, о том, голоса каких птиц раздаются в лесу. Каждый раз ответ был точный и определенный, каждый раз Азеведу останавливался, чтобы дать возможность сделать записи. Правда, возникало сомнение, что вряд ли собранные записи пригодятся в дальнейшем, так как Азеведу знал только названия, употребляемые местными жителями. Потом, после возвращения в Рио-де-Жанейро, опасения оправдались: никто не мог перевести местные названия на общепринятый научный латинский язык.

Азеведу шел впереди шагов на двадцать-тридцать, прокладывая путь. Просека становилась все уже, и деревья по обеим сторонам ее уже образовывали сплошной зеленый шатер. Из глубины леса несло сыростью. Но прохлады, как в нашем лесу, не чувствовалось. Жара стояла такая, что рубашки путников были мокрыми насквозь. Вдруг впереди показалось светлое пятно. Мы выходили на небольшую полянку. Азеведу подошел к краю ее, внезапно остановился и сделал знак рукой, приглашая осторожно приблизиться.

Невозможно забыть картину, которая открылась перед глазами. Вся пятидесятиметровая поляна переливалась изумительным голубым светом. Он был то ярким, о перламутровым оттенком, то вдруг, как будто по нему пробегала темная волна, превращался в черный бархатный ковер. Мы стояли как зачарованные, боясь пошевелиться. Я потихоньку потянулся к висевшей на правом плече сумке с фотоаппаратами. И тут поляна словно ожила. Блестящий голубой ковер поднялся в воздух, двинулся на нас, Азеведу закрыл лицо руками. Мгновение — и все исчезло, растворилось в чаще девственного леса. Это была колоссальная стая бабочек, бабочек изумительной красоты и необычайной величины. Я сразу же узнал знаменитую морфео менелаос. За год до поездки в Акре мне пришлось побывать в штате Санта-Катарина, где в муниципалитете Тромбуду-Алто почти все взрослое население занимается охотой на этих бабочек и изготовлением из их крыльев различных сувениров,

продающихся во всех магазинах Рио-де-Жанейро. Но там можно было увидеть единицы, десятки, в лучшем случае сотни бабочек вместе, а здесь вы встретили многие тысячи бабочек Я никогда не слышал, чтобы морфео менелаос летали стаями. Однако мы видели стаю бабочек собственными глазами. Чтобы наблюдать такое зрелище, стоило совершить далекое путешествие.

Уже была пройдена половина пути, и Азеведу заметил, что неплохо было бы перекусить, когда невдалеке послышалось ржание лошади.

— Это кто-то чужой, — сказал Азеведу. — У моего приятеля Жамеса нет лошадей в серингале.

Пройдя еще метров сто, увидели лошадь, привязанную к толстой лиане. Невдалеке стоял, прислонившись к могучей пальме, мужчина в широкополой соломенной шляпе, высоких сапогах и брезентовом костюме. В руках он держал какой-то странного вида металлический диск, похожий на большую плоскую чашку.

— Боа! — сказал Азеведу.

— Боа! — сказал незнакомец.

Я тоже сказал: «Боа!»

— Куда держите путь? — спросил Азеведу. — На серингал?

— Нет, — ответил незнакомец. — Я иду как раз оттуда, направляюсь в Рио-Бранко.

— Охотились? — задал еще один вопрос Азеведу.

Незнакомец засмеялся.

— Да, но моя охота особая. Я добываю голоса всякой живности в этих лесах.

Мне показалось, что я ослышался.

— Вы записываете голоса птиц и зверей?

— Да, — ответил мужчина.

— Простите, вы, случайно, не Джон Далгас Фриш, инженер из Сан-Паулу?

Мужчина улыбнулся.

— Да, я Джон Далгас Фриш.

Это была редкая удача. Я уже долго искал встречи с Джоном Далгасом Фришем и однажды в Сан-Паулу потратил целый день на его розыски, но так и не смог с ним увидеться. Джон Далгас Фриш — очень интересный человек. Вот уже в течение нескольких лет он ездит по тропическим лесам Амазонки, используя все виды транспорта, и терпеливо записывает голоса птиц и животных амазонских джунглей. В Сан-Паулу вышла пластинка с песнями амазонских птиц. Самое удивительное то, что ему удалось записать даже голос птицы уирапуру. Уирапуру — очень редкая птица. Но если вам посчастливится

увидеть уирапуру, то это не значит, что вы сможете услышать ее пение. Она поет всего-навсего десять дней в году, тогда, когда готовит гнездо и собирается обзаводиться семейством. Причем в каждый из этих десяти дней уирапуру поет не больше пяти минут. Рыская по Сан-Паулу в поисках Фриша, я забрел в зоологический музей, с работниками которого Фриша связывает давняя дружба. И там в орнитологическом отделении экспонировался один экземпляр чучела уирапуру. Экземпляр был доставлен в музей Сан-Паулу Джоном Фришем. За семьдесят лет существования музея это был один-единственный приобретенный ими экземпляр.

В Бразилии об уирапуру ходит много легенд. Говорят, что женщина, которая достанет перышко уирапуру, навсегда приобретет верность своего возлюбленного.

Вы представляете, насколько было интересно встретиться с человеком, который записал на пленку голос уирапуру. Узнав о том, что мы направляемся на серингал, Фриш сказал, что до него осталось около двух часов ходу. Было решено сделать совместный привал, и Фриш согласился разделить с нами трапезу.

Воспользовавшись случаем, я попросил Фриша рассказать, как ему удалось записать пение уирапуру.

— Еще в прошлом году, — начал свой рассказ Фриш, — я направился в Белен в очередную экспедицию за голосами животных и птиц. И во всех местах, где мне приходилось бывать, слышал легенды об уирапуру. В течение нескольких месяцев я путешествовал по дороге Белен — Бразилиа. Записал голос птицы бека — одного из наиболее интересных экземпляров птичьего мира Бразилии, записал птицу-полиглота, который имитирует пение двадцати пяти птиц бразильской фауны, но нигде на своем пути так и не встретил уирапуру. После месячного перерыва я снова отправился в путешествие. На этот раз поднялся вверх по реке Мадейре и достиг Акре. Вот здесь после многих и многих трудностей и злоключений мне удалось записать голос этой замечательной птицы. Случилось это в районе серингала Багасо, в сорока километрах от Рио-Бранко. Я даже запомнил число — 9 ноября 1962 года. Накануне прошел сильный ливень, и, как всегда после дождя, лес был полон птичьих голосов. И вот в этом хоре я различил какую-то незнакомую мне мелодию. Проводник схватил меня за руку и приложил палец к губам. «Уирапуру!» — сказал он шепотом. Я поднял к глазам бинокль и на одной из лиан разглядел маленькую птичку с длинным острым клювом. Она сидела невдалеке от своего гнезда. Запустить аппаратуру было делом нескольких секунд. Вы, наверное, знаете, что уирапуру поет только на рассвете и перед наступлением темноты,

в общей сложности пять минут. Встреча наша произошла ранним утром. Записав пение уирапуру, я тут же воспроизвел его, чтобы дать послушать птице. Эффект был исключительным. Уирапуру склонила набок головку, посмотрела в сторону, откуда доносился звук ее пения, и, вероятно, подумала, что вблизи находится соперник. Тогда она стала петь не переставая, нарушив все законы, в течение сорока минут. В экстазе она приблизилась настолько к магнитофону, что я смог поймать ее. К несчастью, птица не выдержала неволи и умерла у меня через несколько дней. Здесь же, в Акре, в этот же день я записал акреанского соловья. Интересно, что цикл каждой трели пения этого соловья длится от тридцати секунд до одной минуты, в то время как цикл пения соловьев, известных в Европе, Соединенных Штатах и других местах, равен пяти-десяти секундам. Я, — закончил, улыбаясь, свой рассказ Фриш, — сейчас убежден, что есть какая-то доля истины во всех легендах, окружающих уирапуру, потому что я женился через несколько дней после того, как вернулся в Сан-Паулу, записав в Акре пение уирапуру и поймав ее.

— Ну а сейчас с какой целью вы путешествуете по Акре? — спросил я Фриша.

— Сейчас, — ответил натуралист, — я готовлю пластинку с записями голосов насекомых.

— Насекомых?

— Да, самых различных бразильских насекомых, в том числе запись голоса бразильских муравьев. Вот эта аппаратура, которую вы видите у меня, позволяет увеличивать до десяти тысяч раз силу звуков. И нет ничего странного, что с ее помощью можно записать голос муравья. Я уже записал любовный клич бразильского паука аранья, который он издает во время свадебного танца. Но это было не так уж трудно сделать. Что же касается муравьев, то каждый из нас наблюдал за хлопотливым трудом этих насекомых, когда они отправляются из своего муравейника куда-то в путь или же возвращаются домой, таща на спине груз, превышающий в несколько раз их собственный вес. Но «говорят» ли муравьи между собой, есть ли у них вообще голос, до последнего времени никто не знал. Встречаются, предположим, на муравьиной тропинке два насекомых. Они останавливаются и секунду стоят, почти прижавшись головами друг к другу. Может быть, они издают какие-нибудь звуки. И вот я записал двадцать пять различных звуков, произносимых муравьями. После исследования записанных сигналов я пришел к выводу, что существуют, по крайней мере, пять из них, различных по своему оттенку и звучанию. Один из них муравей издает, когда несет в гнездо какой-нибудь груз и нуждается в помощи

товарищей. Второй — когда муравей видит, что его добыча может быть украдена другим муравьем. Третий — когда муравьи вылезают из муравейника и, по-видимому, прощаются со своими товарищами. Четвертый звук муравьи издают, заметив опасность. Он наиболее сильный, действительно тревожный. Пятый звук — о нем я уже вам говорил — это когда муравьи встречаются друг с другом на тропинке. Было очень трудно получить желаемый результат, потому что чувствительная аппаратура записывает и шорох листьев, и шум ветра, и шаги птиц по траве. А главное, нужно было действовать так, чтобы муравьи не заподозрили присутствия людей. Причем интересно, что я обратил внимание на муравьев во время охоты на уирапуру. Я выяснил, что уирапуру можно разыскать там, где расположены большие скопления муравьев типа тайока. Этот вид насекомых не живет в муравейниках, а располагается большими колониями на поверхности земли. Когда вы встречаете такую колонию, то вся земля кажется большим открытым муравейником. Диаметр колонии бывает от тридцати до пятисот метров. Уирапуру питается только этим видом муравьев.

Когда мы уже собирались прощаться, Фриш решил продемонстрировать свои записи. Перекинув через плечо магнитофон, он пригласил нас отойти на несколько метров в сторону от дороги. Заметив небольшой муравейник, Джон присел на корточки и включил пленку. Никаких звуков мы не услышали, но эффект был поразительный. Муравьи как будто сошли с ума, бросившись врассыпную из своего убежища. В свою очередь, мы отпрянули назад, опасаясь быть искусанными полчищами бегущих насекомых.

Фриш звонко захохотал.

— Видите, я был совершенно прав. Я воспроизвел записанный мною звук номер четыре муравьиного языка. Сигнал муравьиной тревоги.

Не знаю, существуют ли в какой-либо другой стране мира записи голосов насекомых, подобные тем, которые сделал Фриш, энтузиаст и любитель бразильской природы. Но могу сказать, что пластинки, изданные Фришем в Сан-Паулу, пользуются в стране колоссальной популярностью. Вернувшись в Рио, я приобрел пластинки с этими записями, и сейчас в Москве, когда собираются друзья, всегда достаю, демонстрирую их, и все чувствуют себя как в настоящих амазонских джунглях, джунглях штата Акре.

Распрощавшись с натуралистом, мы пошли своей дорогой, а Фриш, оседлав лошадь, двинулся к Рио-Бранко.

День клонился к вечеру, а нашему пути, казалось, не будет

конца. Все так же непроходимой стеной стоял тропический лес, все так же еле заметная тропинка змейкой извивалась среди стелющихся лиан, ступать по которым было довольно неприятно, потому что многие имели цепкие колючки. Нет-нет да в голову приходила мысль о ночевке в лесу, потому что, вероятно, невозможно продолжать путь в кромешной тьме леса.

Но как раз в этот момент Азеведу обернулся и сказал:

— Серингал!

Ничего, однако, не было видно.

— Серингал, — повторил Азеведу. — Чувствуете запах дыма?

Действительно, к лесным ароматам примешивался специфический острый запах. И тут Азеведу поднял и отложил в сторону со своего пути какую-то палку.

— Хозяин дома, — произнес он.

— Откуда вы знаете, что хозяин дома?

— А просто. Если бы он отправился куда-нибудь на охоту или вообще ушел, то не закрывался бы.

— Как закрывался? — удивленно переспросил я.

— А вот эта жердь, — пояснил Азеведу, — своего рода замок серингала. Когда хозяин уходит из серингала, он откладывает жердь в сторону. Это значит, что его нет дома. Когда же он возвращается обратно, жердь кладется на свое старое место.

Первый этап путешествия окончился.

Мы пришли на серингал.

Теперь остается сказать несколько слов о том, что собой представляет серингал. Вы уже, правда, знаете, что серингал — это место, где добывается каучук. Однако кое-какие более подробные сведения не будут лишними.

Территория серингала может быть всего несколько квадратных километров, а может быть и несколько сотен квадратных километров. Ценность серингала заключается не в количестве земли, а в том, сколько на участке находится каучуконосных деревьев. Обычно эти деревья расположены в чаще на расстоянии в несколько десятков метров друг от друга. Однако встречаются бедные участки, когда одно каучуконосное дерево от другого отстоит на двести и более метров. Как осваивается серингал? Хозяин нетронутого участка нанимает двух или трех человек для прокладки пути. Первопроходец, так называемый матейро, проникает в чащу и, найдя ближайшее каучуконосное дерево, делает на нем зарубку. Потом ищет поблизости второе дерево и также отмечает его. Найдя дерево, матейро очищает ствол на высоте до двух метров от лиан. Так, отметив пять, шесть или семь каучуконосных деревьев, выстрелом из ружья дает знак своим товарищам, и те начинают прорубать тропинку от дерева к

дереву. С течением времени вся территория серингала как бы прочесывается ими, и по прорубленной тропинке можно обойти все до одного деревья участка. Тропинка называется «эстрада» — дорога. Подготовка эстрады средней длины занимает примерно около полутора-двух месяцев, и на каждой эстраде находится от ста до двухсот деревьев-каучуконосов. Если за тропинкой не следить, не ухаживать, то травы и лианы могут за неделю уничтожить всякие ее следы. Поэтому очистка тропинки ведется каждый день, когда серингейро идет на работу. Если представить себе эстраду с высоты птичьего полета, то она показалась бы вам запутанным лабиринтом, вход и выход из которого находятся в одной точке, рядом с хижиной серингейро.

Сбор каучука начинают в мае — июне и продолжают до конца октября. Это так называемый сухой период года. Когда начинается сезон дождей, то работа по добыванию каучука практически прекращается, так как вода, смешиваясь с соком каучуковых деревьев — латексом, портит и ухудшает качество каучука. Небольшой шалашик с принадлежностями для обработки каучукового сока находится рядом с хижиной серингейро. К одной из таких хижин мы и подошли сейчас с Азеведу.

Собственно говоря, слово «хижина» звучало как-то торжественно в применении к сооружению, стоявшему на краю поляны. Скорее всего его можно было назвать халупой, приподнятой на столбах метра на полтора от земли.

Хозяин жилища, Жамес, сидел на большом, кое-как сколоченном крыльце и накладывал заплату на один из предметов своего туалета. Увидев нас, он не выказал ни малейшего удивления. Как будто давно знал, что к нему сейчас должны прийти Азеведу и иностранный журналист.

— Боа! — сказали мы.

— Боа, — спокойно ответил Жамес.

— Мой друг Олеги, — представил меня Азеведу.

— Очень приятно, — произнес Жамес.

Воткнув иголку с ниткой в столб, Жамес поднялся и удалился внутрь хижины. Вернувшись, он поставил на крыльцо помятый жестяной чайник и три чашечки.

— Кофе? — спросил он.

— Хорошо, — ответили мы.

Кофе был горячим, но совершенно без сахара.

— Как погода? — спросил Азеведу.

— Сегодня будет дождь, — ответил Жамес. Начался светский разговор.

Улучив момент, когда Жамес удалился, чтобы долить чайник

свежей порцией кофе, я спросил у Азеведу:

— Может быть, Жамес недоволен нашим приходом?

— Что вы! — горячо возразил Азеведу. — Он очень рад. Сейчас я ему расскажу все новости, объясню, зачем мы пришли, и выложу на стол подарки.

Последующие чашечки кофе мы уже пили с сахаром, извлеченным из нашего мешка.

После ужина Жамес притащил два гамака и прикрепил их по соседству с тремя другими, висевшими там, по-видимому, постоянно. К этому времени ночь опустилась над джунглями, и Жамес зажег маленькую коптилку, прикрепленную в дальнем углу крыльца. Около нее начали сразу же виться москиты, бесчисленные стаи москитов. Не раздеваясь, мы устроились в своих гамаках. Азеведу моментально заснул, а я еще долго прислушивался к ночному голосу джунглей.

Светало, когда хозяин разбудил нас. Сам он, видимо, давно уже был на ногах, потому что в примитивной печурке весело потрескивал огонь и в знакомом чайнике кипела вода, заставляя плясать неплотно прикрытую крышку.

— Сейчас пойдем на эстраду, — сказал Жамес. — Выпьем кофе и пойдем.

Из боковой клетушки, где спала семья хозяина, вышла заспанная женщина и босой ногой столкнула с крыльца забредшую сюда курицу. Следом за ней выскочили четверо ребятишек. Подбежав к стоявшей недалеко от хижины бочке с водой, они ополоснули в ней лицо и руки. Мы с Азеведу тоже, зачерпнув из бочки воды, смогли кое-как побриться. В это время подошел Жамес и налил из этой же самой бочки полную кастрюлю воды. Затем поднялся на крыльцо и поставил кастрюлю на плиту. К нашему возвращению его жена должна была сварить в ней на обед мамалыгу.

— Сколько же у тебя сейчас ребятишек? — видимо вспомнив разговор в Рио-Бранко, спросил Жамеса Азеведу.

— Четверо осталось, — спокойно ответил Жамес, — двое младших померли этой весной от какой-то хвори. Бог дал, бог взял. Пошли иить кофе.

Позавтракав, двинулись в путь.

Впереди шел Жамес, в одной руке держа сумку, полную металлических чашечек, в другой — старенький дробовик. На поясе у него болтался привязанный сыромятным ремнем большой длинный нож — факон. Минут через пять вышли на эстраду. Пройдя метров сто, чодошли к первому каучуконосному дереву. С одной стороны кора его была вся испещрена шрамами. Сосчитав их, можно было бы узнать, сколько дней здесь ведется добыча

каучука. Один надрез — один обход эстрады, один день жизни серингейро. Жамес подошел к дереву, острым металлическим крючком пониже последней зарубки провел параллельно еще одну и на конце прикрепил металлическую конусообразную чашечку. Было заметно, как белый сок наполняет свежую зарубку и постепенно движется по уклону вниз. Часов через пять чашечка будет заполнена доверху соком каучукового дерева. Заставив дерево работать, двинулись дальше, к следующему, потом еще к одному. Так начался обход эстрады.

Под ногами чавкала глинистая почва. Скоро ботинки промокли насквозь, да и не только ботинки — утренняя роса оседала на брюках и рубашках. Несмотря на то, что было не меньше тридцати градусов тепла и от мокрой одежды шел пар, чувствовали мы себя довольно неуютно. Я все время пытался сделать снимки Жамеса, прикрепляющего металлические чашечки к дереву, но свет еле-еле пробивался сквозь густую крону деревьев и лиан, так что пришлось отказаться от этого намерения. Однако Жамес просил не огорчаться, потому что в одном месте группа каучуконосных деревьев стоит на небольшой полянке и там вполне достаточно света, чтобы запечатлеть работу серингейро.

Дойдя до небольшой лощинки, Жамес велел нам подождать. А сам свернул в сторону, ловко орудуя факоном, пробивая путь. Минут через пять он вернулся, держа за задние ноги маленькую косулю — виадо, как ее называют в Бразилии. Естественно, было интересно, каким образом он убил животное, потому что выстрелов никто не слышал.

— А у меня здесь поставлены недалеко от эстрады ловушки, — пояснил Жамес. — Да и на самой эстраде есть несколько. Эстрада удобна не только для меня. Звери также пользуются ею. Часто бывает, что они попадают в мои ловушки. Сегодня к ужину сварим мясо.

Я взял с него обещание, что на осмотр следующей ловушки пойдем вместе. Она была устроена как раз недалеко от полянки, где, как сказал Жамес, можно было сделать несколько снимков. Это был довольно примитивный самострел, спрятанный в чаще. Но стрела из этого самострела обладала большой убойной силой и способна была проткнуть и виадо, и даже дикого кабанчика. Когда мы двинулись дальше, я случайно вышел вперед и пошел по эстраде, чувствуя себя заправским серингейро. Но Жамес попросил не своевольничать и идти вслед за ним. Предупреждение было сделано вовремя. Пройди еще несколько шагов — и гостю угрожала бы большая неприятность. На эстраде была очередная ловушка — яма, закрытая ветками деревьев, на

дне ее торчали острые колья.

— Для кабанов, — пояснил Жамес. — На всякий случай. Они, правда, редко здесь проходят.

Обход всех деревьев занял примерно пять часов. Мы вернулись к тому месту, откуда вошли на эстраду, совершив полный круг. Время близилось к обеду. На дощатом столе крыльца хижины уже дымилась мамалыга, смешанная с маниоковой мукой. Обеденный перерыв длился минут двадцать, после чего Азеведу остался дома, а мы с Жамесом вторично обошли эстраду.

Металлические чашечки уже были доверху заполнены латексом. Размер чашечек, видимо, был изучен заранее, потому что около редких деревьев можно было наблюдать переполненные посудинки. Как будто дерево знало, сколько ему нужно выдать латекса в каждую чашечку. На этот раз Жамес взял с собой также бидон, в который выливал каучуковый сок, а затем бросал пустые чашечки в мешок. Я вызвался помочь нести бидон. Сначала это было довольно легко. Но по мере продвижения по эстраде бидон все больше наполнялся латексом, и под конец вес его стал солидным. Согласитесь, что тащить по джунглям многокилограммовый бидон не так-то удобно. Но необходимо было держать марку. И нужно сказать, что, по всей видимости, честь советского журналиста не была посрамлена.

Когда мы второй раз закончили обход эстрады, уже надвигались сумерки. Выйдя на поляну, Жамес направился не к хижине, а к небольшому шалашу, о котором уже упоминалось ранее. Войдя в шалаш, он вылил латекс в большой металлический чан. Затем разжег огонь в глиняной печурке, от которой отходила конусообразная труба. Жамес не дал пламени разгореться, а стал подбрасывать в него семена пальмы — бабасу и тукума. Из трубы пошел густой желтоватый дым. Взяв длинную палку, Жамес положил ее поперек чана, сев на скамейку и взяв в другую руку жестяную банку. Зачерпнув латекс банкой, он стал медленно лить его на палку, одновременно вращая ее. В это время дым обволакивал льющийся латекс, и он застывал на палке, постепенно образуя нечто вроде вытянутого шара. Жамес работал так часа три с половиной, пока весь латекс из чана не застыл на палке. На вопрос, что он собирается дальше делать с полученным каучуковым шаром, серингейро ответил:

— А вот завтра я опять пойду на эстраду и, когда принесу новую порцию каучука, снова займусь наращиванием шара — бола. Сколько сейчас принесли: килограммов девять-десять, не больше? Часть латекса испарилась, и мы имеем бола весом примерно в семь килограммов. А мне нужно его нарастить до

пятидесяти, а то и до семидесяти килограммов. Иначе хозяин у меня не примет каучук. В общем, для того чтобы сделать один бола, потребуется десять дней работы. За сезон делаю восемнадцать болас, не больше. У меня хороший серингал, хороший участок. Сезон сбора каучука продолжается примерно около ста восьмидесяти дней. Всего я соберу около полутора тонн каучука. Не так-то уж плохо для одного человека. Причем я еще не слишком задолжал хозяину, и, может быть, он даже выдаст кое-что деньгами. По крайней мере, я не теряю надежды.

— А скажите, Жамес, как оплачивается ваша работа?

— Ну как, ничего, хозяин меня не обижает. Примерно каждый месяц зарабатываю до пятнадцати тысяч крузейро. Правда, денег почти никогда нет, потому что хозяин выдает из своей лавки продукты и необходимые мне материалы, а потом подбивает раз в три месяца итог. Кто знает, может быть, он немножко и обманывает меня. Читать и писать я не умею, счета проверить тоже очень трудно. На следующий год думаю перебраться на другой участок. И возьму себе две эстрады. Придется больше работать, но иначе прожить трудно.

— Скажите, а что, если вы возьмете и вместо одной чашечки станете прикреплять ну по шесть-семь на каждое дерево? Это сэкономит вам и время и усилия.

Жамес отрицательно покачал головой.

— Нет, это нельзя. Каждое дерево может дать латекса столько, сколько оно в силах. Дерево как человек. Оно может устать давать латекс. И тогда пропадет. Конечно, мне-то все равно. И очень часто серингейрос поступают именно таким образом. Но хозяева серингала запрещают вешать на дерево больше трех чашечек. И время от времени к нам наведывается инспектор, надсмотрщик, который, обнаружив, что ты стал вешать по четыре и больше чашечек на каждое дерево, оштрафует или вообще ничего не заплатит за каучук, который ты через три месяца привезешь. И тогда можно подохнуть с голоду. А я вешаю только одну чашечку, потому что у меня двести деревьев на эстраде. И если сейчас после обхода я получил девять-десять килограммов сока, то с двух чашечек пришлось бы нести бидон почти в двадцать килограммов. А так долго не вытянешь. Это же большая тяжесть.

Время показывало восемь, когда Жамес потушил печурку и вернулся в хижину. Рабочий день серингейро длился шестнадцать часов. И так каждые сутки — от зари до позднего вечера трудится серингейро.

Ночью разразилась гроза. На небе полыхали зарницы. Дождь, сначала небольшой, лениво барабанил по пальмовой крыше

хижины, и ручейки стекали на землю. Сильные порывы ветра все время тушили маленький язычок пламени коптилки, и мы, устав снова и снова зажигать ее, предпочли коротать остаток вечера в темноте. Азеведу сразу же улегся спать, а Жамес еще часа полтора чинил сбрую своего осла. Деревья стонали в лесу. Глухо ухал филин, хотя кто-то раньше утверждал, что филины не кричат во время дождя. Потом послышался крик, похожий на лай шакалов. Хотелось окликнуть Азеведу и спросить, что за животное издает эти звуки, но приятель уже громко храпел. Дождь усиливался. Вскоре он перешел в тропический ливень.

— Не спите? — окликнул из своего гамака Жамес.

— Нет, Жамес. А вы что не спите, вам завтра рано вставать.

— Да нет, завтра я могу немножко отдохнуть. И вообще скоро конец промысла, если он вообще не окончился, потому что начинается период дождей, а в период дождей мы не собираем каучук. Каучук становится низкого качества. Его никто не берет.

Жамес оказался прав. Дождь шел всю ночь. И когда утром мы проснулись, конца ему не было видно. Это не очень огорчало, потому что задача путешествия была выполнена.

Однако Азеведу был явно чем-то взволнован. Беспокойно поглядывал на небо, вздыхал, и чувствовалось, что он хочет сказать что-то важное. Тогда наконец я сам спросил его, в чем причина такого беспокойства.

— Видите ли, — ответил Азеведу, — дождь идет довольно долго, и мы попали в очень неприятное положение. Придется возвращаться в Рио-Бранко другим маршрутом, потому что по дороге не пройдешь. После такого дождя ее совершенно развезло, и удобнее идти через мате — джунгли. Пробьемся напрямик к реке, а там до Рио-Бранко сядем на попутный баркас или моторную лодку.

Чудак Азеведу. Он и не подозревал, что идти по новому маршруту гораздо интересней.

Часам к двенадцати дождь стих, а затем и совсем прекратился.

Жамес собирался навестить соседей и пригласил пойти вместе с ним.

— Это недалеко, километра полтора по старой заброшенной эстраде. Там сейчас поселилась семья одного серингейро, что приехал из штата Сеара, и мне хочется поговорить с ним о разных наших делах. Его дочка прибегала вчера вечером, когда вы уже спали, и просила зайти. А узнав, что у нас здесь гость из самого Рио-де-Жанейро, попросила привести его с собой. У ее отца есть какое-то дело к вам.

Хижина серингейро казалась точной копией той, в которой

жил Жамес, только была немножко меньше. На веранде висело штук пять-шесть гамаков, а все семейство сидело за столом и, видимо, обедало. Нас пригласили к столу, но Жамес сделал незаметно знак рукой, и я отказался. Только потом, когда пришел старший сын серингейро, стала понятна причина такого странного поведения Жамеса. Лицо этого мужчины лет двадцати пяти — двадцати шести было обезображено какой-то страшной болезнью. Может быть, это была венерическая болезнь, а может быть, и хуже — проказа. Надо думать, что неприятное чувство, которое мы испытывали, не отразилось на наших лицах и не смогло обидеть хозяев дома. Еще задолго до поездки в Акре я вырезал из газеты «Жорнал до Бразил» небольшую заметочку репортера Карлоса Пинту, в которой он рассказывал, что в Акре несколько тысяч человек, больных проказой, свободно разгуливают по городам и селениям, потому что мест в лепрозориях не хватает. Согласно официальным статистическим данным, в целом в районе бассейна реки Амазонки на каждую тысячу жителей приходится пять с лишним человек прокаженных.

Семья серингейро, к которому мы пришли, была очень многочисленной. За столом можно было насчитать восемь человек ребят всех возрастов, начиная от пятилетнего малыша, которому все время не сиделось на месте, и он то и дело бегал в угол крыльца, где за тоненькую цепочку была привязана малюсенькая обезьянка.

— Большая у вас семья, — сказал я серингейро.

— Что вы, большая! У нас у многих такие семьи. У меня несколько ребят померло да один находится в Рио-Бранко. Вот мне и хотелось спросить, нельзя ли, когда пойдете обратно, идти вместе с вами. Старший сын уехал в Рио-Бранко, потому что чем-то заболел, а там обещали положить его бесплатно в больницу. Прошло уже два месяца. Сейчас начинается период дождей, а от него нет никаких вестей. Он у меня грамотный, мог бы передать какую-нибудь весточку. Я бы знал, получив ее, что он жив, хотя читать не умею. Но раз прислал, значит, жив. А сейчас дожди начались, работа кончилась. Волей-неволей сиди дома, занимайся хозяйством. Так я уж лучше схожу в Рио-Бранко и узнаю, что с ним. Одному же мне через джунгли не пройти. А так, глядишь, и вам полезен буду в дороге. Все-таки путь не такой уж легкий.

Нечего и говорить, что предложение серингейро было принято. В гостях побыли недолго, потому что стал опять накрапывать дождик и было видно, что скоро хлынет очередной ливень. Я только решил сделать один снимок маленькой обезьянки и попросил кого-нибудь из ребят взять ее на руки. Один из сыновей серингейро попытался схватить цепь, но

обезьянка ловко укусила его за палец, выразив таким образом свое категорическое нежелание позировать. Что ж, нет так нет.

В это время пострадавший мальчуган робко спросил:

— А сколько стоит сделать снимок?

— Друзей я снимаю бесплатно, — ответил я шуткой и тут же отщелкал несколько кадров.

— Сегодня вечером, — сказал, прощаясь, серингейро, — зайду к Азеведу и узнаю, когда мы отправляемся.

Начался ливень, и в какое-то мгновение на нашей одежде не осталось ни одного сухого места. Азеведу в хижине не застали. Он, несмотря на ливень, решил пойти на охоту. А может быть, двинулся за добычей именно потому, что начался ливень. Как потом объясняли, дикие кабанчики очень любят гулять по лесу в грозовую погоду. В это время их и подстерегают наибольшие опасности, так как их основная защита — обоняние — во время дождя теряет многие свои качества. По крайней мере, так утверждают старожилы Акре, знающие до тонкостей законы джунглей и привычки их обитателей. Азеведу далеко не пошел, так как через какое-то время раздались звуки выстрелов его берданки. Вернулся он уже в полночь и, ни слова не говоря, завалился спать. Охота была неудачной.

На другое утро, как только проснулись, Азеведу сказал:

— Давайте собираться. Мы потратим дня три-четыре на переход к воде.

Видимо, он уже договорился о начале нашего путешествия с серингейро с соседнего участка, и тот появился как раз в тот момент, когда вещи были уложены в мешок и рюкзак. Все продукты аккуратно завернули в большой кусок старой полиэтиленовой пленки. Туда же пошли спички, сигареты, записные книжки и неизрасходованные кассеты. Сумка с фотоаппаратами была непроницаема для воды, и за сохранность фотокамер беспокоиться не приходилось. Поблагодарив Жамеса за гостеприимство, мы оставили ему половину нашего запаса сахара, все батоны и двинулись в путь.

Азеведу утверждал, что до реки нужно пройти около двадцати пяти километров.

Услышав об этом, старик серингейро протестующе взмахнул руками.

— Что вы! Здесь будет все тридцать шесть!

Приходилось брать нечто среднеарифметическое, скажем, тридцать километров. Тридцать километров по джунглям, тридцать километров по бездорожью, если не считать, что часть пути удастся пройти по заброшенным эстрадам. На переход, видимо, придется затратить не менее трех суток. Вы скажете:

черепашьи темпы. Но ведь это не улица Горького в Москве, не шоссе Симферополь — Ялта и даже не Военно-Грузинская дорога. Это влажные бразильские джунгли.

Шли индейской цепочкой. Впереди Азеведу, затем я и сзади старик серингейро. За первые несколько часов пути он успел высказать недовольство непрекращавшимся дождем, поздним выходом в путь, грузом, который ему пришлось тащить за спиной, и, наконец, своим решением отправиться в Рио-Бранко. Такой уж, видимо, у него был характер. Ему все время хотелось о чем-то рассказать, что-то спросить и просто отвести душу в беседе. Он был полной противоположностью Азеведу. Тот молча шел впереди, время от времени обрубая мешавшие ему лианы, и иногда даже умудрялся успевать сворачивать с эстрады на несколько метров в сторону, надеясь обнаружить какую-либо дичь к предстоящему обеду.

Путь был довольно однообразный. Блокноты и фотоаппараты лежали без движения, потому что и записывать было нечего и снимать в таких условиях не имело никакого смысла. Практически шли все время в потемках. Азеведу двигался легко, не торопясь, как бы прогуливаясь. Потом объяснил, что делает это сознательно, стремясь сохранить как можно больше сил для наиболее трудного участка пути. И он оказался прав. Эстрада шла в нужном для нас направлении километра четыре-пять, потом свернула в сторону, а мы продолжали путь на юго-юго-восток. К счастью, в этом месте лес был какой-то редкий, росло немного лиан и кустарников. Старик серингейро высказал предположение, что часть растительности погибла здесь от какой-нибудь болезни. Лавируя среди сгнивших пней н мертвых деревьев, продолжавших стоять, зацепившись сухими ветвями за кроны своих собратьев, мы продвигались все дальше и дальше к реке Акре.

На покинутой эстраде встречалось много каучуконосных деревьев, испещренных шрамами, забытых и покинутых охотниками за каучуком. Все свои жизненные соки они отдали людям, а люди бросили их умирать. И деревья, вытягиваясь вверх, к свету, к солнцу, доживали последние годы.

Бездорожье продолжалось километра три, потом снова мы вышли на эстраду, такую же заброшенную, как и первая. Не успел Азеведу пройти по ней метров сто, как с ним чуть не случилось несчастье. По привычке Азеведу, взмахнув факоном, обрубил какую-то лиану, преграждавшую путь. Лиана с шелестом опустилась на землю, и тут что-то черное промелькнуло мимо его лица и скрылось в чаще. Азеведу отпрянул назад и очень длинно и витиевато выругался на какой-то смеси португальских и испанских слов, с добавлением местного, акреанского жаргона.

— Что такое? — спросил старик серингейро.

— Да старая ловушка! — Азеведу шагнул в сторону и вынес на эстраду самострел. Потом полез туда, куда улетел черный предмет, и вытащил стрелу метра полтора длиной. Он пояснил, что этот самострел был наставлен на кабанов. Хорошо, что упавшая лиана заставила его сработать, иначе неизвестно, какой оборот приняло бы дело.

— Сам я виноват, — лаконично сказал Азеведу. — Идти по незнакомой эстраде — осторожность нужна.

После происшествия темп нашего продвижения еще более снизился.

— Через час примерно дойдем до хижины, там будем обедать, — обернувшись, произнес Азеведу.

Вдруг далеко впереди послышался какой-то треск и затем дикий визг. Азеведу чуть-чуть прибавил шагу.

— Повезло, — сказал он. — Поросенок попал в западню.

Действительно, после нескольких поворотов эстрады мы увидели уже знакомый нам тип западни-ямы. Внизу между вбитыми в грунт острыми кольями метался небольшой поросенок. Падая, он не задел ни за один из кольев и остался совершенно невредим, до поры до времени конечно. Азеведу прицелился и выпустил в него заряд дроби.

— Ну а как же хозяин? — решил задать я вопрос. — Он придет к ловушке и увидит, что она пуста.

— Нет, — ответил Азеведу. — Он не придет к ловушке. Это брошенная эстрада, и ловушка специально подготовлена и налажена для таких путников, охотников вроде нас.

Выкинув поросенка из ямы, Азеведу срубил несколько лиан и снова аккуратно накрыл ловушку.

— Пускай она еще поработает на других. Раз в четыре-пять дней обязательно в нее кто-нибудь попадет — или виадо, или поросенок. В этих местах часто бродят охотники, они и воспользуются добычей.

Я вспомнил об имеющемся в наших местах обычае — в Сибири, на Дальнем Востоке, на Кавказе — думать о тех, кто может прийти после тебя. Хорошие традиции распространены по всему миру. Это и понятно: просто очень много настоящих людей можно встретить на всех континентах.

Хижина, к которой мы подошли, не казалась заброшенной. Около плиты лежали аккуратно сложенные дрова, в тряпочке была завернута соль и даже немного маниоковой муки. Отдельно в плотно закрытой жестяной банке хранился почти целый коробок со спичками.

— Здесь долго задерживаться не будем, — произнес

Азеведу. — Пообедаем — и опять в путь. Мы сегодня очень хорошо шли. Отмерили уже километров двенадцать. Если пройдем еще четыре до темноты, будет замечательно.

— Так завтра сможем добраться до места, — добавил я.

Азеведу скептически улыбнулся.

— Впереди нет дороги, впереди трудно идти.

Сушить одежду было бесполезно. Во-первых, за час она не высохла бы, а во-вторых, надевать сухую рубашку, чтобы она через три минуты снова стала мокрой, было по меньшей мере неразумно. Надежды же на прекращение дождя не было никакой. Видимо, началось настоящее тропическое лето — период тропических ливней.

Обед был замечательным. Все по достоинству оценили качества жареной добычи. Дикий поросенок тоже бывает нежным.

Начался самый трудный участок пути. Мы вступили в нехоженые джунгли — мате. Да, путь по мате не устлан розами. Азеведу приходилось непрерывно пускать в ход свой факон. Прорубать тропинку было бы бесполезным занятием. Поэтому он старался выбирать наиболее удобопроходимые участки, пролезал под деревьями, раскидывал в стороны колючие ветки кустарников, и так, метр за метром, шаг за шагом, группа двигалась вперед. Солнце все время находилось у нас за спиной. Невозможно было подсчитать, на сколько километров удалось продвинуться за оставшиеся до темноты три-четыре часа, но, вероятно, не больше четырех. Это при самом оптимистическом подсчете. Перед наступлением сумерек Азеведу сбросил с плеч мешок и расчистил небольшую площадку.

— Здесь будем ночевать, — сказал он. — На сегодня все.

Повесить гамаки — дело одной минуты, но повесить гамак — это еще не все. Когда устраиваешься на ночлег в джунглях, необходимо тщательно осмотреть стволы деревьев, на которых вешаешь свое ложе, а сам гамак необходимо предварительно несколько раз встряхнуть, потому что очень часты случаи, когда в него забираются так называемые пауки-краболовы, укус которых, говорят, может быть смертельным для человека. Возможно, эти рассказы бывалых людей содержат некоторое преувеличение, но лучше поверить в них, чем подвергать себя ненужной опасности. Дождь начал постепенно стихать. Это не принесло облегчения путникам: вместо дождя появились миллиарды москитов. Москиты — это бич путешествующих по тропическому лесу. Вряд ли природой создано что-либо более неприятное для человека, чем москиты. Они залепляют глаза, залезают в уши, в рот. Кажется, что ты дышишь не воздухом, а заглатываешь какую-то странную смесь, больший процент которой состоит из москитов.

К счастью, у запасливого Азеведу оказался в мешке большой кусок марли, вполне достаточный для того, чтобы обмотать лица.

Место для ночлега было выбрано очень удачно, и вода почти не проникала сквозь толщу листьев могучих деревьев. Мы лежали в гамаках, а кругом лес жил ночной жизнью. Было очень интересно наблюдать за множеством светлячков, носившихся в разных направлениях, и слушать свист, клекот, крики ночных птиц, устроивших бесконечный концерт по случаю прекратившегося дождя. Казалось, присутствуешь на музыкальном представлении, где звуки сопровождаются световыми эффектами, — столь причудливые линии образовывались множеством резвящихся светлячков.

— Это души серингейрос, — раздался вдруг голос старика. — Нашего брата столько погибло в этих лесах! Никто даже и сосчитать не может. На каждой эстраде лежат кости. Одни умерли своей смертью, других убили индейцы. Раньше очень большие сражения происходили между белыми серингейрос и индейцами. Сейчас не те времена.

— Нет, ты не говори, — возразил Азеведу. — Незачем все сваливать на индейцев. Ведь раньше, куда ни кинь, были все их земли. Разве ты бы не сопротивлялся, если бы у тебя была земля, а тебя стали бы сгонять с нее пришлые люди?

— А что, по-твоему, — недовольно ответил старик, — индейцам нужен каучук? Пусть себе ловят рыбу, а нам оставят каучук. Мы же больше в нем понимаем.

— Не знаю, больше или меньше, — резонно заявил Азеведу, — но мне знающие люди рассказывали, что, еще когда здесь не было ни одного белого, индейцы уже добывали каучук и продавали его хозяину-серингалисту.

— Кому они продавали? — ехидно заметил старик.

— Не знаю, — признался Азеведу. — Но индейцы раньше нашли каучук, чем белые, — упрямо повторил он и замолчал.

Вмешиваться в их спор не хотелось. К тому же Азеведу своим последним замечанием как бы поставил точку. Но вспомнилась легенда, услышанная еще во время поездки по реке Тапажосу.

Однажды, говорится в легенде, очень-очень много лет назад один индейский воин, по имени Татаита, раскрыл секрет добывания огня, случайно ударяя одним твердым камнем по другому. Татаита обрадовался и каждый день с наступлением сумерек стал разводить костер и приготовлять на нем пищу. Узнал об этом индейский бог Тупа и пришел в страшное негодование, считая, что, кроме него, добывать огонь никто не имеет права. Все индейцы живут, как известно, по законам бога Тупа, а так как Татаита нарушил один из законов, Тупа решил

наказать своенравного вассала. Призвав к себе Татаита, он сказал ему: «Ты должен за свою провинность доверху наполнить водой чан, стоящий на вершине горы». Чан был колоссальный, и воду Татаита приходилось доставать с самого глубокого места реки Амазонки. Для смелого воина Татаита выполнить задание Тупа не представляло большой трудности, но сложность заключалась в одном: бог приказал Татаита носить воду в сетке, служившей индейцу для хранения стрел. Сетка имела большие ячейки, и донести в ней хотя маленькую толику воды от Амазонки до вершины горы было довольно сложно. Но приказ есть приказ, и Татаита не мог его ослушаться. День и ночь он носил воду, хотя когда добирался до вершины горы, то в сетке удерживалось всего лишь несколько капелек. Страдания юноши возбудили жалость у жены бога — богини Иара, которая решила помочь индейцу. Иара жила на дне большого озера во дворце. Вынырнув из глубины, Иара вручила Татаита большую раковину. «Юноша, — сказала воину Иара, — ты подойди к дереву, растущему на берегу озера, сделай раковиной надрез на коре его н, когда дерево начнет плакать, собери слезы и омочи ими ячейки своей сетки. После этого спокойно выполняй задание бога Тупа». Татаита исполнил все советы богини Иара, и таким образом в несколько дней бочка была до краев наполнена водой. По ходу дела были открыты и замечательные свойства каучука, которым пользуемся мы до наших дней.

Когда на следующий день я рассказал эту легенду старику, он воспринял ее как достоверный факт.

— Да, конечно, — произнес он, — может быть, и так открыли каучук. — И неожиданно добавил: — Вероятно, светлячки — это не только души умерших белых серингейрос. Может быть, среди них есть также и индейские души. Конечно, если они до своей смерти успели принять нашу католическую веру.

Между прочим, замечание старика серингейро о том, что индейские души могут стать светлячками и если они до своей смерти успеют принять католическую веру, имеет свой подтекст. Несмотря на все старания различных миссионеров, индейцы не испытывают никакого желания принимать католическую веру и вообще избегают контакта с «цивилизаторами», особенно индейцы, живущие в юго-западных районах Бразилии, куда вот уже многие десятилетия наблюдается самый большой приток авантюристов, искателей приключений, в том числе охотников, добытчиков каучука и т. д. Встречи индейцев с этими людьми не несут первым ничего хорошего. Примером этому может служить история племени синта-ларга (длинные пояса).

По плану дорога между столицей — городом Бразилиа и

столицей штата Акре должна будет проходить по землям, где живут индейцы этого племени, хотя дорога и не построена, но уже большая часть индейцев синта-ларга погибла от вооруженных нападений на них. Организовала нападения компания, которая имеет подряд на строительстве дороги.

В штате Акре синта-ларга насчитываются лишь немногочисленные группы. В основном это племя живет в муниципалитете Арипуана, в штате Мату-Гросу, от левого берега реки Журуена до левого берега реки Рузвельт, уже на территории Рондонии. В этом районе водится много дичи, земля тут плодородная, растут деревья ценных пород, говорят, что в этом районе много золота и алмазов.

Деревни индейцев племени синта-ларга располагаются в центре полей, которые они возделывают, очищая участки густых джунглей от деревьев и кустарников. Сейчас бразильские власти предпринимают попытки переселить индейцев племени синта-ларга, которых, по неполным данным, насчитывается около 5 тысяч человек, а также 5 тысяч индейцев других трех племен на территорию национального парка Арипуана, занимающую площадь в 32 тысячи квадратных километров. Что выйдет из этой затеи, пока неясно, потому что индейцы не хотят уходить с земель, искони им принадлежащих. В дальнейшем мы еще не раз будем сталкиваться с таким названием — национальный парк. Это значит, что на этой территории запрещено всякое строительство, запрещен свободный въезд на эту территорию, развитие промыслов, золотоискательские работы, сбор каучука, промысловая охота. На территории парков организуется несколько постов, работники которых обязаны наблюдать за соблюдением вышеуказанных правил. Чаше всего эти национальные парки создаются там, где живут индейские племена, с тем, чтобы сохранить их от истребления. Идея хорошая, но, к сожалению, очень часто национальные парки остаются парками лишь на бумаге.

Второй день пути прошел совершенно так же, как и конец первого. Мы пробирались через мате. Вечером, устраиваясь на ночлег, старик почувствовал себя неважно. Действительно, лицо его пылало, а он жаловался на холод. По всей видимости, у старика начинался приступ лихорадки. Это значительно осложняло наше положение, так как никто не мог ответить на вопрос: сколько осталось до реки. Тридцать с лишним часов пробирались мы по джунглям, а конца все не было видно.

Вторая ночевка прошла менее спокойно, чем первая. Не прекращавшийся ни на минуту мелкий дождь постепенно все усиливался, пока не перешел в тропический ливень. Лежать в

гамаках было невозможно. Мы уселись в них и, вероятно, со стороны казались большими ночными птицами, примостившимися на нижних ветвях деревьев. Ливень шел несколько часов. Представьте, что на вас непрерывно опрокидываются ушаты теплой воды. Может быть, первый ушат покажется даже приятным, но проходит пять-десять минут, час, другой, а потоки воды все низвергаются сверху, и вы только плотнее закутываете фотоаппараты и продукты в старый полиэтиленовый мешок и постепенно приходите к мысли, что пусть лучше снова начнут кусать москиты, но только бы прекратилась водяная пытка.

Дождь кончился как-то сразу, будто сверху задвинули нужную заслонку, и лес снова зажил своей обычной ночной жизнью. Несмотря на страшную духоту, старика била лихорадка. Это совсем некстати, потому что скоро наступит рассвет и мы смогли бы, воспользовавшись отсутствием дождя, пройти быстрее оставшиеся до реки километры. Эх, знать бы, сколько осталось идти!

Азеведу берет факон и, как обычно, отправляясь на разведку пути, произносит:

— Пойду посмотрю, что и как.

На этот раз он вернулся необычно быстро и сказал только: «Мы выходим на свежую эстраду». Лучшего известия Азеведу не мог принести. Выход на эстраду означал конец нашим мытарствам потому, что, без сомнения, эстрада должна была привести к большой воде, должна была привести к реке Акре. Собрать нехитрый багаж — дело одной минуты. Старик с трудом встал на ноги. Однако самостоятельно идти он не мог. Пришлось разделить поклажу серингейро на две части и добавить к нашему грузу. Азеведу по-прежнему шел впереди, старик, еле передвигая ноги и тяжело опираясь на мое плечо, медленно тащился вслед. Подобным образом нам предстояло пройти минимум пять-шесть километров. Практически преодолеть такое расстояние можно было только за целый день. Через каждые несколько сот метров приходилось останавливаться и делать привал.

После очередной остановки Азеведу сказал:

— Давайте я пойду вперед, посмотрю, что и как. Может, быстро доберусь до дома серингейро и приведу мула для старика.

По-видимому, он принял единственно правильное решение. Мы привязали к лианам, обвивавшим толстенные пальмы, гамак, положили в него больного, и только Азеведу собрался тронуться в путь, как на эстраду из леса вышел человек, державший в руках кожаный мешок. Это, без сомнения, был серингейро, потому что такие мешки наряду с железными бидонами употребляют

сборщики каучука для хранения латекса. Увидев нашу группу, незнакомец слегка попятился назад. На лице у него был написан крайний испуг. Конечно, серингейро никак не ожидал встретить в этот ранний час в глубине джунглей трех путников.

— Эй, приятель! — закричал Азеведу. — Мы идем с западного участка Параизо к Акре, чтобы ехать в Рио-Бранко. Не знаешь, сколько до реки осталось километров?

Сборщик каучука, все еще нерешительно поглядывая на нас, приблизился, но, увидев старика, видимо, успокоился и сказал:

— А, это старик Мане. Я его знаю. Опять трясет лихорадка? Сейчас мы доставим его на реку. Река-то здесь, рядом. Пойдемте по эстраде до моей хижины, там я дам вам осла, и мы перевезем Мане ко мне. Только, если хотите быстро попасть в Рио-Бранко, торопитесь, а то через полтора часа должен пройти баркас, который везет туда болас. Может быть, уговорите капитана, и он подбросит вас до города.

Не прошло и часа, как мы сидели на берегу реки, наблюдая за тремя парнями, выкатывавшими из-под небольшого навеса семидесятикилограммовые каучуковые шары — болас.

Мы пришли к большой воде. Она должна была доставить нас в мир цивилизованных людей, где существуют дома с крышами над головой, где под ногами не хлюпает мутная жижа тропических болотец, где можно не опасаться, что тысячи москитов подвергнут вас непрерывной пытке, и где есть более или менее чистая питьевая вода. Вы не можете себе представить, какую воду приходится пить во время путешествия по джунглям.

— Вы знаете, — спросил Азеведу, — куда мы пришли? Это не маржей (центральный барак). Скажи, приятель, — обратился Азеведу к нашему новому знакомому, — сколько отсюда до маржена?

— А зачем вам это нужно? — настороженно ответил серингейро. — У вас есть какие-нибудь дела к хозяину?

— Да нет, — пояснил Азеведу, — мы даже не знаем, кто здесь хозяин, просто желаем знать, сколько километров осталось до Рио-Бранко.

— До центра серингала Параизо примерно три километра. А вы находитесь на участке, который называется Капатара.

— Да ты не бойся, — вступил в разговор наш старик. — Это же не инспектора. Это хорошие люди. Они тебя не подведут.

Кто кого мог подвести, понять было не так-то просто. И только потом Азеведу рассказал, что, оказывается, три арендатора участков в тот момент, когда мы вторглись в их владения, готовились к контрабандной операции. Сложенные на берегу реки болас предназначались не для хозяина-серингалиста,

а для баркаса контрабандистов — «диких» скупщиков каучука, которым можно было продать заготовленный каучук по цене, значительно большей, чем арендаторы-серингейрос могли бы получить у хозяина. Если хозяин накроет серингейрос за продажей каучука контрабандистам или впоследствии узнает о проведенной операции, то серингейрос ждет тяжелое наказание, вплоть до физической расправы.

Баркас подошел ровно через полтора часа. Экипаж его состоял из двух человек: капитана и матроса. Капитан, старик лет пятидесяти пяти, одетый в рваные парусиновые штаны и тапочки на босу ногу, сначала артачился, видимо не доверяя ни нашей честности, ни нашей кредитоспособности. А проезд-то стоил всего-навсего пятьсот крузейро на брата. Это что-то около пятидесяти копеек. Еще одно лишнее подтверждение того факта, что у тех, кто бродит по джунглям — у охотников, серингейрос, — большей частью не водится денег. Дело начинало принимать плохой оборот. И лишь когда арендатор вместе с Азеведу стали доказывать контрабандисту, что мы такие же, как он, честные люди и не подведем его, и когда капитану половину суммы отдали вперед, он разрешил устроиться на борту его шаланды сверху кучи уже погруженных каучуковых болас.

К посудине никак не подходило название «баркас». Это была просто большая лодка с подвесным мотором. Экипаж не стал отходить далеко от берега и заводить мотор.

— Я не заинтересован в рекламе, — заявил, добродушно ухмыляясь, капитан. — Товар весь на борту, и больше никто не должен знать, куда и зачем мы едем.

Течение в этом месте было сильное, и, несмотря на то, что матрос, сидевший на веслах, еле-еле ворочал ими, лодка двигалась быстро. Дождь прекратился, и яркое солнце в полчаса высушило нашу одежду. Старик Мане тоже стал чувствовать себя гораздо лучше. Между прочим, так уж принято в Бразилии — очень часто можно долго прожить с человеком и не знать его имени, а только прозвище. Мы все время звали спутника-серингейро Вельо — Старик и даже не подозревали, что его зовут Мане.

— Часто вас так трясет лихорадка? — спросил я Мане.

— Да как вам сказать? Примерно раз в несколько месяцев обязательно случается такая беда. Но не думал, что она захватит меня в пути. Вероятно, это произошло после вчерашнего купания, — и Мане засмеялся, вспомнив происшествие, случившееся ровно сутки назад.

Идя по джунглям, мы вдруг наткнулись на топкое место. Азеведу и старик были очень опытными людьми в джунглях Акре,

но тут они потратили, наверное, более полутора часов, ища удобный брод. Брода так и не нашли, но зато открыли участочек, где ширина топи не превышала метров пятнадцати. Конечно, можно было попытаться свалить пару деревьев и перебросить их через трясину. Но на это ушло бы в лучшем случае не менее суток, так как факоны для «лесозаготовительных работ» абсолютно не приспособлены. Ими можно рубить лишь лианы и кустарники. Выход был найден довольно оригинальный: между деревьями, росшими по обеим сторонам топи, протянулась масса лиан, от небольших, в палец толщиной, до гигантов, каждая из которых была толще человеческой руки. Азеведу подошел к стволу одной из пальм, обрубил несколько лиан, но не бросил их, а задержал концы трех в руках. Затем, ухватившись за одну лиану, он поджал ноги и, как на трапеции, перелетел на ней на другой берег тони. Мне удалось сделать снимок начала путешествия Азеведу. Старик проделывал операцию последним. Но то ли лиана, на которой он путешествовал, была большей длины, чем наши, то ли он, не удержавшись на гладком стволе, соскользнул с нее немного, но, не долетев двух метров, старик шлепнулся в вязкую темную жижу болотца. Хорошо, что это случилось рядом с берегом и его легко вытащили, правда, в очень плачевном состоянии. Болотная вода имела далеко не приятный запах. Вероятно, после такой грязевой ванны у старика и начался приступ лихорадки.

Наш капитан особой болтливостью не отличался. Но все же к концу пути немного рассказал о себе и о своей работе контрабандиста. Впрочем, контрабандистом он был только с точки зрения владельцев серингалов. А так в его действиях не было ничего противозаконного, и к судебной ответственности привлечь его было никак нельзя. Поэтому-то владельцы серингалов и применяли самосуд, застав нежелательных для них перекупщиков «на месте преступления».

Капитан уже около года промышлял в этом районе. Я спросил его, ходит ли он в другие города штата Акре и существует ли вообще в природе какая-нибудь ассоциация контрабандистов — скупщиков каучука.

— Конечно, организация существует, но я кустарь-одиночка, — был ответ. — Мне много не надо. На мой век хватит. Эй, — крикнул он матросу, — ты что, не видишь, что мы прошли Параизо! Пора заводить мотор.

Действительно, Параизо остался позади. С мотором лодка пошла еще веселее. И вот мы уже проходим мимо Бока-до-Мосо, Иза, Флор-до-Оуро, Амапа и других серингалов. Не доезжая полутора километров до Рио-Бранко, капитан пристал к берегу и

вместе с матросом стал выгружать болас.

— А вы сидите, сидите, — обратился он к нам. — Я довезу вас до самой пристани. Только товар на всякий случай выгружу здесь.

Уже наступил вечер, и на столичной церквушке надрывно звенели колокола, когда мы подошли к Рио-Бранко. Старик Мане отправился домой к Азеведу, я двинулся к гостинице, а капитан с матросом завели мотор лодки и скрылись в том направлении, где оставили свои болас. Все были очень довольны. Пассажиры — тем, что добрались наконец до места назначения, команда — получив от нас сумму, в два раза превышавшую обусловленную.

В гостинице «Шуи» никаких изменений не произошло. Только хозяин, увидев клиента, почему-то смутился и очень любезно стал расспрашивать, как прошло путешествие. Причина его поведения стала ясна сразу же после того, как я направился в номер.

Идя рядом, хозяин говорил:

— Вы, пожалуйста, извините меня. Мы не думали, что вы вернетесь так рано, и осмелились поселить в ваш номер одного постояльца. Видите ли, в чем дело: неожиданно прибыла большая группа посетителей. У нас не хватало места.

Может быть, следовало протестовать. Но настроение было такое хорошее, как будто человек действительно вернулся домой. Хозяину было заявлено, что к нему не только не имеется никаких претензий, а, наоборот, даже будет интересно познакомиться с новым человеком и поделиться с ним своими впечатлениями. В комнате была поставлена вторая койка. На ней лежал молодой человек в роговых очках и читал какую-то книжку. Увидев нас, он встал и представился не то Линстре, не то Лундстем. Я так и не понял названного им имени, но догадался, что передо мной стоит не бразилец, а какой-то иностранец. Хозяин, видимо решив загладить свою вину, поспешил сообщить хорошую новость, сказав, что в душе имеется вода и можно привести себя в порядок, не дожидаясь следующего утра. Безусловно, это было очень кстати. Вы можете себе представить, какой вид имеет человек, вернувшийся после недельного шатания по джунглям.

Ужинать спустились вместе с соседом по комнате. Он очень плохо говорил по-португальски, но, оказавшись словоохотливым человеком, сразу же сообщил, что является членом американского «Корпуса мира». В Акре находится уже около месяца и выполняет задания по изучению жизни серингейрос и экономических факторов, которые могут послужить для дальнейшего увеличения сбора каучука в Бразилии, и в частности в штате Акре.

— Однако, — жаловался американец, — знаете, я не встречаю понимания со стороны местных властей. Кое-какие материалы мне удалось получить. Но необходимо гораздо больше сведений. Срок командировки скоро кончается, я опасаюсь, что когда привезу отчет, то руководство останется мною недовольно. И есть опасность, что больше меня никуда не пошлют. А вы с какой целью приехали сюда? — спросил американец. — Вы кто по национальности, аргентинец или боливиец?

Когда он услышал, что имеет дело с русским, советским журналистом, изумлению его не было предела.

— Первый раз в жизни разговариваю с советским человеком, — почти с испугом произнес он, оглядывая собеседника с ног до головы.

С этого момента его как будто подменили. Разговорчивость куда-то исчезла, и каждое слово приходилось вытаскивать из него клещами. Торопливо проглотив свой ужин, он поднялся наверх. Войдя через час в номер, я не обнаружил американца в комнате. Хозяин на другое утро объяснил, что совершенно неожиданно освободилось одно помещение и «боец» «Корпуса мира» переехал в него.

Впоследствии один из чиновников штата объяснил, почему местные власти отказывались показывать представителю американского «Корпуса мира» документы. связанные с производством каучука в штате Акре. Дело в том, что очень многие участки принадлежат американским предпринимателям, большинство, правда, никогда не появлялось в Акре, а имеет здесь своих представителей, которые действуют от их имени. В последнее время эти эмиссары стали проявлять значительную активность, пытаясь скупить у бразильских владельцев наиболее выгодные в экономическом отношении участки. Когда в Рио-Бранко приехал этот представитель «Корпуса мира», то возникло подозрение, что его специально подослали с целью разузнать, какие из участков производят большее количество каучука. Получив такие сведения, можно было бы впоследствии оказать нажим и скупить лучшие серингалы для американских хозяев.

На другой день после приезда было выяснено, что самолет доктора Миранды застрял в городе Бразилиа и вряд ли в ближайшее время сможет вылететь, так как на днях там произошло восстание сержантов и все рейсы военных самолетов отменены. По правде говоря, помощь Миранды была уже не нужна, срок командировки истекал через два дня. В авиационной компании «Крузейро-до-Сул» я не стал брать сквозной билет на самолет от Рио-Бранко до Рио-де-Жанейро. План был другой: долететь из Рио-Бранко до Порто-Вельо, а там пересесть на поезд,

идущий до Гуажара-Мирин, откуда можно было продолжать путешествие опять на самолете прямо до Рио-де-Жанейро. Дело в том, что эта железная дорога самая знаменитая в Бразилии, и, вероятно, не только в Бразилии, а на всем Южноамериканском континенте. Расстояние между двумя городами небольшое — всего 366 километров, и дорога называется официально Мадейра — Маморе. Она была построена вдоль одного из самых труднопроходимых участков реки Мадейры, там, где очень много водопадов и перекатов. Местные жители называют ее «Дорогой ужасов», «Золотой дорогой», «Дорогой смерти». Говорят, что вдоль дороги больше крестов на могилах погибших здесь строителей, чем шпал под железнодорожным полотном. Это в какой-то степени соответствует истине. Для строительства дороги рабочих набирали во многих странах мира, потому что мало кто хотел ехать в Гуажара-Мирин. Рабочие долго не выдерживали условий жизни на строительстве. Кое-кому удавалось выбираться из этого ада, но очень многие умирали в джунглях от лихорадки, от разных болезней, от укусов змей, от голода, от нечеловеческих условий труда. Точной статистики «текучести рабочей силы» здесь не велось. Но по самым приблизительным подсчетам только за пять первых лет строительства дороги умерло более десяти тысяч человек. Действительно, на отдельных участках возле маленьких зданий полустанков виднеются кладбища с множеством крестов, где похоронены строители дороги.

Поражает та бесхозяйственность, с которой расходовались деньги, отпущенные на сооружение дороги Мадейра — Маморе. Достаточно сказать, что 512 400 шпал, которые потребовались для строительства дороги Мадейра — Маморе, были привезены из… Австралии. Говорили, что было невозможно на месте организовать изготовление шпал. Но разве эти же самые шпалы нельзя было привезти по реке из Белена или же из Манауса, где имелись превосходные лесопильные заводы? Видимо, кто-то очень сильно, как говорят, погрел руки на поставках.

В Порто-Вельо все очень долго дожидались прихода поезда из Гуажара-Мирин, потому что практически никакого твердого расписания на участке не существует. Выехали из Гуажара-Мирин на пять часов позже, чем предполагалось. Состав из трех вагонов вел старенький-старенький локомотив, работавший на дровах. Бразильцы называют такие локомотивы Мариа-фумаса — дымящая Мариа. Запаса дров локомотиву хватало примерно на восемь часов. Во время нашего рейса эти восемь часов закончились под вечер, а потом всех пассажиров — мужчин поезда пригласили в лес рубить дрова и готовить топливо для локомотива. После трехчасовой стоянки двинулись дальше. На

рассвете, когда многие пассажиры дремали, сидя на скамейках, потому что плацкартных мест там не существует, я, открыв глаза, вдруг почувствовал, что поезд стоит. Отодвинув защелку, открыл дверцу купе и выпрыгнул на полотно. Подойдя к локомотиву, спросил у машиниста, почему мы стоим.

— А как же? Сейчас пять часов утра. У нас опять кончились дрова. Пускай пассажиры поспят. Не стану же их будить. Вот часиков в семь, когда все проснутся, мы снова пригласим всех в лес, нарубим еще дров и двинемся дальше. Нам осталось всего четыре-пять часов до Гуажара-Мирин.

На вопрос, приедем ли мы вовремя в Гуажара-Мирин, машинист ответил:

— Конечно, мы никогда не опаздываем, хотя бы потому, что расписания у нас никакого не существует, — и засмеялся, надеясь, что пассажир оценит его юмор.

Когда начиналось строительство дороги в 1908 году, то власти штатов Амазонас и Пара были очень заинтересованы в быстрейшем ее окончании. Дорога облегчила бы доступ из самых далеких районов Бразилии к Атлантическому океану, удешевляя доставку каучука из штата Акре. Но к моменту завершения строительства на мировых рынках уже появился английский каучук. Производство бразильского каучука стало катастрофически падать. Наступил кризис бразильского каучука, и железная дорога Мадейра — Маморе, еще не успев вступить в строй, сразу же потеряла свое значение. В настоящее время экономический эффект от эксплуатации дороги Мадейра — Маморе совершенно ничтожен. Она содержится на бюджет государственных властей и приносит довольно большие убытки, потому что грузовых перевозок практически нет, а от пассажиров какой же доход, если в каждом поезде едет не больше тридцати-сорока человек.

Из Гуажара-Мирин самолет за полутора суток быстро доставил меня в Рио-де-Жанейро. Путешествие в джунгли Акре закончилось.

Уже после того, как были написаны эти строки, я получил из Бразилии письмо от приятеля, в котором он сообщал, что власти ликвидировали железную дорогу Мадейра — Маморе. Таким образом, я оказался первым и единственным советским пассажиром, которому удалось проехать по ней.

От Маражо до Манауса

Жангада уходит в море Мы ловим «золотую рыбку» • Умирающий промысел • «Вер у песо» • Как собирают каштаны • Какой длины река Амазонка? • Барбудо охотится на черепах • Огненный метод • Тайна острова Паковал • Плавучий город • В гостях у прокаженных • Птичий дом • В бывшей деревне тапажос • Коллекция юриста Убиражаро де Соуза

Рассказывали, что в Рио-де-Жанейро имеются две небольшие фабрички, специализирующиеся на выпуске уникальной продукции. Одна из них расположена на улице Бенто Гонсалвес, а вторая — на улице Ана Нери. Здесь занимаются обработкой черепаховых панцирей, изготавливая из них расчески, портсигары, гребни, пуговицы и различные безделушки. Решив увидеть своими глазами, как ловят бразильских черепах, я раздобыл адреса этих фабрик, надеясь, что там знают, в каком месте чаще всего можно встретить охотников на черепах.

Фабрика на улице Ана Нери оказалась, собственно говоря, не фабрикой, а небольшой мастерской, в которой работало человек восемь мастеровых. Хозяин фабрики сидел н маленькой конторке,

просматривая кипу различных счетов, непрерывно вздыхая и поднимая глаза к небу. Узнав о цели прихода посетителя, хозяин несколько оживился и предложил сначала осмотреть его производство. К сожалению, ожидаемых черепаховых панцирей нигде не было видно, а вместо этого один из рабочих электропилой разрезал на тонкие пластинки куски пластмассы. Его напарник на маленькой машине намечал зубцы, а остальные отделывали полученные таким образом гребенки. Все, кроме одного рабочего, сидевшего поодаль от товарищей у шлифовальной допотопного образца машины с ручным приводом.

— Вот посмотрите, — указал на него хозяин. — Единственный рабочий на моей фабрике, занимающийся выпуском черепаховых гребней. Мало кто их сейчас покупает. Моя фабрика целиком перешла на выпуск гребешков и расчесок из пластмасс. А гребни из панцирей черепах — это для туристов, это слишком дорого стоит, это роскошь, и один человек справляется с запросами клиентуры. Поэтому-то я сейчас и не возобновляю покупок черепаховых панцирей. Не оправдывает себя это занятие. Если вы пойдете в «Мануфактуро-де-Тартаруга Примор лимитада» на улице Бенто Гонсалвес, увидите то же самое — все их рабочие перешли на выпуск пластмассовых расчесок. У нас в Бразилии только один человек сейчас не отказался от старой профессии изготовления изделий из черепаховых панцирей. Это Америко Шисто, и живет он в Ресифе. Адрес его у меня есть, и вы, если побываете в этом городе, сможете с ним договориться о встрече с разными охотниками. А я, кстати сказать, да и мой коллега на улице Бенто Гонсалвес даже и не знаем, кто ловит черепах и как их ловят. К нам уже от Америко Шисто поступают готовые панцири — вернее, поступали раньше, а сейчас, я уже сказал, черепаховая коммерция умерла.

Сняв на всякий случай «последнего рабочего, занимающегося изготовлением расчесок из черепаховых панцирей», я поблагодарил хозяина и вышел на улицу. Приходилось искать предлог для поездки в Ресифе. Он возник скоро, когда группу журналистов пригласили в штат Пернамбуко для присутствия на церемонии вступления на пост нового губернатора. Меня, конечно, интересовала больше предстоящая встреча со знаменитым Америко Шисто. В Рио-де-Жанейро мне дали его адрес — улица 7 сентября, дом 18, район Боа Виста. К сожалению, Шисто дома не оказалось, он находился где-то в поездке и должен был вернуться дня через три. Ничего не поделаешь, не возвращаться же с пустыми блокнотами в Рио-де-Жанейро. Три дня так три дня, можно и подождать. Следующим утром я встал рано и отправился побродить по городу. Дорога привела меня к

океану, на пляж Пино. Там, на золотом песке, стояло несколько жангад. Это рыбаки, видимо, только что вернулись с промысла и сейчас толпились около навеса с корзинами, наполненными рыбой, внимательно наблюдая, как сухопарый мужчина с черными усиками взвешивал на небольших весах их добычу и тут же рассчитывался.

«А что, если мне пойти в море на одной из этих жангад, — подумал я, — ведь такого путешествия нигде не совершишь, кроме как в Бразилии. Только в этом районе, около Баии, около Ресифе, в устье Амазонки — в районе Белена существуют жангадейрос — рыбаки, плавающие на жангадах».

— Добрый день, сеньор, — обратился я к одному из рыбаков, пожилому мужчине, стоявшему в стороне и сосредоточенно пересчитывавшему полученные от скупщика деньги.

— Добрый день, сеньор. Скажите, пожалуйста, вы, как я вижу, ходите в океан на жангаде?

— Да.

— И завтра тоже пойдете?

— Конечно, я каждый день должен ходить, если есть погода. Это же моя работа.

— Вы не смогли бы меня взять с собой?

— Мы, правда, не особенно любим ходить с кем-нибудь из чужих, но если мой сынишка не станет возражать, если вы нам немного заплатите, то почему же? Зе, — крикнул старик крепышу, возившемуся около одной из жангад. — Зе, иди-ка сюда.

Парень не спеша вытер о парусиновые штаны запачканные в песке руки и вразвалочку подошел к нам.

— Зе, этот сеньор хочет пойти завтра с нами посмотреть, как мы ловим рыбу. Может, возьмем, а?

— Отчего же не взять. Пойдемте, только нужно прийти сюда пораньше, до рассвета, часа в четыре. Даже нет, приходите в три. Чем раньше выйдем в море, тем скорее вернемся.

На этом и порешили.

В гостинице я попросил портье разбудить меня часа в два ночи и заказать к этому времени такси, потому что до пляжа Пино от гостиницы было не меньше пяти километров.

…Шофер такси пожелал провести мне приятно остаток ночи, развернулся и умчался в темноту. Я остался один у кромки воды пляжа Пино. Ветер дул не порывами, а постоянно и ровно, как будто где-то на многие десятки миль от берега какой-то Нептун включил чудовищный вентилятор. Теплые струи воздуха неслись с океана, насыщенные влагой, наполненные запахами йода, водорослей и чуть-чуть несвежей рыбы. Впрочем, скорее всего

рыбный дух примешивался к ветру уже на берегу, потому что именно там, на песке, около самой воды стояли трудно различимые в темноте восемнадцать рыбацких жангад, на одной из которых я должен был выйти в море с моими новыми знакомыми — Зе и Антонио, пернамбукскими рыбаками пляжа Пино, хотя назвать их просто рыбаками было бы не совсем правильно. Они имели свое собственное, только им присущее имя «жангадейрос» — рыбаки, промышляющие на жангадах.

Прежде всего, что такое жангада? Жангада — это плот под парусом. Плот, сделанный из пяти или шести бревен ипе — прочного дерева, мало впитывающего воду и хорошо сопротивляющегося гниению. В середине плота, ширина которого не превышает полутора метров, прорублена узкая щель для киля, вставляемого после выхода в море. На корме установлена небольшая скамеечка с шестом, на который рыбаки прикрепляют корзинку с наживкой, сумку с едой, бухточку тонкого троса, «самбура» — корзинку для пойманной рыбы, «калабаса» — сосуд из тыквы для пресной воды и, как правило, какой-нибудь амулет. Ближе к носу устанавливается другая скамеечка с круглым отверстием посредине, служащая для большей устойчивости паруса. Парус — треугольный кусок парусины — крепится к четырехметровой мачте и управляется с помощью небольшого линя одним из жангадейрос. На жангаде есть и якорь. Это просто булыжник весом около двадцати килограммов, заключенный в клетку из трех деревянных реек. Вместо якорной цепи — крепкий пеньковый трос. Вот, пожалуй, и все составные части этого необычного для нас судна, столь распространенного на севере атлантического побережья Бразилии, от устья Амазонки до штатов северо-востока. Что еще интересно отметить: кроме болтов, соединяющих бревна, на жангаде нет ни одного гвоздя или скобы. Все держится на шипах, связано лианами, скреплено просмоленными концами. От поколения к поколению передавалось искусство ремесла жангадейрос, и жангада какой была сто или более лет назад, такой и осталась в наши дни, и жизнь жангадейро, какой была сто или более лет назад, такой и осталась. Тяжелой и полной опасностей.

Много лет утекло с тех пор, как классик бразильской литературы Эуклидес да Кунья писал, что жангадейро — это прежде всего сильный человек. Сильный и бедный. Еще не было на свете жангадейро, который жил бы в достатке, не боялся бы надвигающейся старости. А многие ли из них доживают до преклонных лет? Кумир Баии, поэт и композитор Доривал Каимми поет в одной из своих песен: «Как сладко умереть в море…» На самом деле это не так уж прекрасно, как кажется, и у

жангадейро нет времени обращать внимание на романтическую сторону своего труда. Он озабочен одним — поймать рыбу и иметь для семьи кусок хлеба на сегодняшний день. Хотя бы на сегодняшний.

Стрелки часов перевалили за четыре, скоро должны появиться первые лучи солнца, а моих спутников все еще не было. Но вот со стороны поселка послышались голоса, показался мерцающий огонек сигареты, и мимо по направлению к жангадам прошли с корзинками, переброшенными через плечо, двое, мужчина и мальчишка лет десяти. Затем показались еще три человека, затем два и опять три. Начинался трудовой день жангадейрос. Минут через пять явилась команда и нашей жангады: Зе Усо Бранку и Антонио Усо Бранку. Сын и отец. Собственно говоря, полное имя старика было Антонио Патросинио ду Санто, но в Бразилии очень принято давать прозвища. Зачастую большинство и не знает, как фамилия того или иного человека, а все зовут по прозвищу. Так было и у Антонио с сыном. Усо Бранку, и никаких гвоздей. Экипаж жангады состоит из двух, а иногда из трех человек. Один управляет парусом и время от времени плещет на него океанскую воду черпаком, чтобы парус, намокнув, оказывал большее сопротивление ветру. Второй стоит на корме и веслом, выполняющим роль руля, поддерживает нужное направление, а третий готовит к работе снасти, разрезает на куски наживку и выполняет роль впередсмотрящего. Мне доверили роль третьего.

К жангаде подкатили три кругляша и, подкладывая их поочередно под переднюю часть, стали двигать ее навстречу океанскому прибою. Самое главное заключалось в том, чтобы точно рассчитать момент и столкнуть жангаду на отступающую волну, которая должна отнести судно метров на десять от берега. В это время одни из рыбаков быстро вставляет киль, а двое других, стоя в воде, стремятся не позволить следующей волне выбросить жангаду обратно на песчаную отмель. Проведя этот маневр, экипаж забирается на мокрые бревна и, быстро отталкиваясь веслами о грунт, отводит жангаду на более глубокое место. Операция постановки паруса занимает считанные секунды, и вот уже вы держите курс в открытое море. Волны свободно перекатываются через жангаду, и метров с десяти кажется, что три человека каким-то чудом стоят на гребне волны, а рядом с ними виднеется надутый ветром парус, и все — парус и люди стремительно движутся вперед, в океан.

Первое ощущение было именно такое: ты идешь «ни на чем» в противоположную от берега сторону и что долго подобное состояние продолжаться не может, следующая волна обязательно

будет для жангады последней, и хорошо, что вода теплая и доплыть до берега не представляет особого труда. Но девятый вал проходил, и девятнадцатый, и сто девятый, а жангада невозмутимо шла вперед. Остальные члены экипажа не проявляли ни малейших признаков беспокойства, ловко выполняя свои обязанности и в то же время беседуя о самых будничных, земных делах. Зе жаловался на нехорошее поведение какого-то коммерсанта, который сначала назначил одну цену за мешок цемента, а когда паренек пришел забирать покупку, неожиданно повысил цену на целых 400 крузейро, и от цемента пришлось отказаться: 400 крузейро не валяются. Антонио, как видно, слушал, но мысли его были заняты другим, и он все время сворачивал разговор в сторону, негодуя на некоего Педро, требующего немедленной отдачи долга. Из дальнейшего разговора стало ясно, что жангада, на которой мы вышли в море, не принадлежит Антонио и Зе, а арендована ими у третьего лица. Оказывается, большинство рыбаков не имеют своих жангад, а берут их напрокат у коммерсантов, отдавая за это треть улова. Поймал три рыбы жангадейро — выкладывай одну владельцу сразу же после возвращения на берег. Тут же, на пляже, где пристают жангады, установлен шалашик, в котором стоят весы, и около них поджидает хозяин. Сразу же треть улова перекочевывает в его корзины. Новая жангада стоит около 40 тысяч крузейро, и многие не в силах собрать нужную сумму долгие годы. Антонио, например, рыбачит 35 лет, и за все это время он имел всего две собственные жангады, последняя из которых пропала в море года два назад, причем самого Антонио чуть живого подобрали в океане товарищи. Самый хороший лов, рассказывал Антонио, ночью, но он и самый опасный. Большинство жангадейрос гибнет именно во время ночного лова. Антонио еще повезло — у него есть взрослый сын да младший сын двенадцати лет, который тоже год назад начал ходить в море. Ему старость не страшна. Сыновья прокормят. А как быть тем, которых некому поддержать в старости? Просить милостыню? Пенсий никаких для жангадейрос не существует, профсоюзов, каких-либо других организаций тоже. Да и жизнь становится все труднее, потому что рыбы не так много. Появились лодки с подвесными моторами. С ними тяжело конкурировать. Пожарники, работающие в порту Ресифе, имеют свои служебные катера, на которых выходят в море и в два счета очищают от лангусты те места, где совсем недавно промышляли жангадейрос. А на удочку много ли поймаешь! Так жизнь и идет.

За разговорами незаметно прошло полтора часа пути, и вскоре вдали показались прыгающие на волнах черные точки.

Подойдя ближе, увидели четыре жангады, расположившиеся на одной линии. Паруса были убраны и уложены вместе с мачтой вдоль бревен плота. Рыбаки стояли так уверенно на жангадах, как будто под ногами был не раскачивающийся вверх и вниз узенький плотик, беспрерывно заливаемый волнами, а по меньшей мере паркет салона океанского лайнера. Состояние океана было примерно три с небольшим балла. Зе произвел маневр и пристроился с правой стороны. Антонио моментально срубил мачту, и мы вдвоем стали отдавать «якорь», причем было два момента, когда мне казалось, что волна уже смыла меня, но потом, к своему великому удивлению, обнаруживал себя стоящим, как и раньше, на вихляющемся плотике. За годы службы во время войны на Черном море приходилось ходить и на мотоботах, и на торпедных катерах, но ни разу мне не приходилось сталкиваться с ситуацией, подобной пережитой на жангаде: эквилибристика в открытом океане, на двух ногах и пяти бревнышках. Зато когда «якорь» был отдан, вместе с ним стравлено метров двадцать пенькового троса и я пробалансировал на корму, прочно сел на заднюю банку, в душе поднялось чувство самоудовлетворения: мол, не опозорил славное племя советских матросов и свой родной Черноморский флот в частности.

На некоторое время в ряду стало пять жангад, но подходили все новые и новые. Под конец число их возросло до двенадцати. Маленькие рачки шевелились в корзинке для наживки. Антонио нацепил их на пару удочек и, размахнувшись, забросил метров на пятнадцать. Прошел час, когда в нашем распоряжении было уже с десяток маленьких рыбешек. Они должны были выполнять роль живца: подцепив одного за спину солидным крючком, Антонио опустил в океан первую леску, затем вторую и еще две. Те же операции проделывали на соседних жангадах. Воспользовавшись тем, что волнение на океане значительно утихло, я попытался сделать несколько фотографий жангадейрос, причем один из аппаратов залило набежавшей волной.

Прошел час. В корзинке для улова не появилось ни одной рыбы. Прошел еще один час.

Клев начался только около полудня. Сначала на дальней от нас жангаде, затем пришла очередь Антонио, и он вытащил килограмма на три «золотую рыбу». Потом дело пошло значительно веселей, и то на одной, то на другой жангаде вытаскивали снасть и бережно укладывали в корзинку добычу, предварительно стукнув ее чурбаком по голове. Антонио и Зе в этот день не повезло по сравнению с другими. Они, кроме первой рыбы, поймали еще одну такого же размера, как и первую, и на этом их успехи кончились. Когда в два часа дня жангада

вернулась к пляжу Пино, улов ее состоял всего из двух рыб.

— Что ж, — заметил Зе, — бывает, что и с пустыми руками приходим. Раз на раз не приходится.

* * *

Оставшиеся полтора суток до приезда Шисто прошли незаметно, и вот я снова подхожу к дому № 18 на улице 7 сентября. Жена Шисто встречает меня как старого знакомого.

— Здравствуйте, здравствуйте, вы знаете, муж еще вчера вечером вернулся из поездки, но мы не могли сообщить вам, вы же не оставили своего адреса. Сейчас он ушел в магазин, если хотите, можете встретить его там.

Поблагодарив, я пошел по указанному адресу на одну из центральных улиц Ресифе. Улица была солидная, но магазинчик, скажем прямо, меня немного разочаровал, потому что вряд ли можно было назвать магазином крошечный прилавок, примостившийся в подъезде одного из домов на этой центральной улице. Америко Шисто, кругленький мужчина, с мягкими пухлыми ручками и тихим, немножко испуганным голосом, совсем не походил ни на последнего из черепаховых могикан, ни на черепахового короля.

— Так вы желали бы посмотреть, как ловят черепах? — задумчиво сказал он, выслушав мою просьбу. — Такую поездку можно устроить, но не сейчас. Придется подождать примерно полгода. Сейчас не сезон. Черепахи откладывают яйца на берегу только в положенное им время. И что еще могу я вам посоветовать? Придется самому порыскать, походить вдоль берега, скажем, в районе Белена или немножко южнее. Откровенно говоря, у меня никаких адресов нет. Я просто знаю рыбаков, а они меня тоже признают за своего человека, и, когда черепахи выходят на берег откладывать яйца, они ничуть не сомневаются, что через несколько дней к ним пожалую я. К этому времени они всегда готовят черепашьи панцири. Вот в этом и заключается моя работа. Так я ловлю пенте вердадейра. Только этот вид черепах годится для изготовления черепаховых гребней и всех остальных поделок.

— А остальные виды черепах? — решился спросить я. — Мне не обязательно пенте вердадейра. Хотелось бы посмотреть, как ловят любые виды черепах, даже речных.

— В таком случае это проще простого. Летите в Белен, а

оттуда попытайтесь перебраться на остров Маражо. Больше речных черепах, чем на острове Маражо, трудно где-либо встретить. Правда, и годятся-то они лишь разве что для приготовления супа или жаркого.

Так появилось решение лететь на остров Маражо.

Удобный случай совершить такое путешествие скоро представился. Не желая утомлять вас рассказом о длинном и довольно скучном перелете от Рио-де-Жанейро до Белена, расскажу лишь об остановке в Форталезе, столице штата Сеара. Из гостиницы «Саванах», которая принадлежала какой-то вдове сенатора, была видна центральная площадь города Праза-до-Феррейра. Город готовился к карнавалу, и на площади было полным-полно народу. Через несколько часов здесь должна была состояться генеральная репетиция карнавального шествия города Форталезы. До ее начала из репродукторов, установленных на площади, неслись мелодии Первого концерта для фортепьяно с оркестром Чайковского и Танца маленьких лебедей из «Лебединого озера». Затем без всякого перехода, без какого-либо объявления вдруг раздались ритмы самбы, довольно слабо гармонировавшие с предыдущей музыкой. Но, по всей вероятности, это не смущало энтузиастов — устроителей праздника. Когда вдали показалась колонна первой школы самбы с участниками, одетыми в карнавальные наряды, вся площадь пришла в движение. В Форталезе насчитывалось всего три школы самбы, в каждой человек по сорок. Конечно, нельзя сравнивать масштабы карнавального шествия в Форталезе с тем, что происходит во время карнавала в Рио-де-Жанейро. Но все-таки, несмотря на гораздо меньшие масштабы, и здесь народ вкладывал все свое умение, выдумку и энергию в проведение карнавала. Мне запомнилась особенно одна танцовщица, без устали, в течение нескольких часов отплясывавшая самбу. На следующий день я узнал ее на центральном базаре города; с грустным видом сидела вчерашняя плясунья около кучи шлепанцев и сандалет, время от времени произнося несколько хвалебных фраз в адрес своего товара. Но покупателей вокруг не было видно. Наверное, те из жителей, которые имели деньги, предпочитали покупать не шлепанцы, а настоящие ботинки, остальные — их было большинство среди жителей Форталезы — ходили босиком. Такой и осталась в памяти Форталеза: Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром, звуки самбы и продавщица сандалет без покупателей…

Белен — это уже сама Амазонка. Белен — это конечный пункт выхода из устья колоссальной реки. Белен — это начало дороги в амазонские джунгли. Большинство богатств бассейна Амазонки

проходит через порт Белена. Белен — первая остановка для многих воздушных лайнеров, прибывающих в Бразилию из Соединенных Штатов со многими десятками пассажиров на борту. Впрочем, для части их Белен является и конечным пунктом путешествия. По крайней мере, пытаясь найти место в гостиницах Белена, я сначала везде встречал отказ. Все номера были заняты приезжими, в большинстве своем американцами. И только в отеле «Кинг» удалось уговорить портье пустить измотанного путника переночевать в одной из проходных комнат на стареньком диване. В «Кинге» большинство номеров тоже занимали американцы. Причем не просто американцы, а военные американской армии.

Самолет прибыл в Белен поздно, и пообедать в гостинице «Кинг» не удалось. На вопрос, где можно было бы перекусить, портье ответил:

— А вы пойдите в «Малоко». Там очень приличная публика и, говорят, вкусно готовят.

На вопрос, почему говорят, разве он сам никогда там не ужинал, портье поджал губы и ответил:

— Нам это не по карману. В этом ресторане готовят для иностранцев, для американцев. Там за один ужин с вас возьмут три доллара, если вы станете платить долларами. Здесь многие платят американской монетой. А на три доллара я должен прокормить три дня свою семью.

Несмотря на характеристику, данную ресторану, идти в «Малоко» было необходимо, чтобы не ложиться спать голодным. Ресторан оказался зданием, построенным в ультрасовременном стиле. Сделан он был в виде индейского вигвама. Стены, составленные из соломенных циновок, были сплошь завешаны индейскими головными уборами, луками, стрелами и шкурами различных животных. Освещалось помещение толстыми свечами. Кроме обычных блюд, здесь подавали жаркое из черепах, бифштексы из крокодилов и тому подобную экзотическую еду. Около стойки бара висел большой плакат: «Здесь говорят по-английски». Действительно, среди посетителей этого заведения трудно было обнаружить человека, который говорил бы на привычном португальском языке. Посетители все оказались американцами.

Найти обратно дорогу в отель не составляло никакого труда, так как за несколько кварталов в тропическом воздухе Белена разносились песни, раздававшиеся из открытых окон отеля «Кинг». Странно было слышать пьяные мелодии американских военных маршей здесь, в Бразилии.

Утром я направился в порт города в надежде договориться с

каким-нибудь рыбаком и доехать с ним до острова Маражо и обратно. Порт Белена очень колоритный, красочный, такой, как рисуют старые порты на гравюрах XVII–XVIII веков. Около причала стояла масса парусников, шлюпок, каких-то лодок допотопной конструкции и даже сооружения, напоминающие индейские пироги. Но, безусловно, самое интересное место в порту было «Вер у песо». Почему местные жители дали этой части порта такое название, неизвестно. Означает оно «Смотрите на вес». Скорее всего потому, что именно к этому участку порта подходят шлюпки и пароходики со всеми товарами, которые можно встретить только на Амазонке, именно здесь их выгружают и взвешивают. Вероятно, поэтому эта часть порта и называется «Смотрите на вес».

Мне приходилось слышать так много рассказов о «Вер у песо», что, подойдя к этому участку порта, я сразу отыскал уголок, где продавались бразильские крокодилы — жакаре, как их называют бразильцы. В дальнем углу около зеленой кучи какого-то товара стояла группа людей. Подойдя ближе, можно было разглядеть на земле связанных жакаре, даже не жакаре, а их разновидность, которая называется жакаретинга. В Белене считают, что мясо жакаретинги гораздо вкуснее, чем жакаре. Жакаретинга меньше по размеру. Кроме того, — и это немаловажный фактор — мясо жакаретинги стоит дешевле, чем мясо жакаре.

Недалеко от сваленных в кучу жакаретинг были установлены четыре жаровни, на которых жарилось мясо. За каких-нибудь двести крузейро вам подавали на железной тарелке очень вкусный, правда, немного пересоленный кусок крокодильего мяса. Разве можно было сравнить это блюдо с каким-то подобием жаркого, какое подавали минувшим вечером в ресторане «А ля индео» — в «Малоке»?! Правда, около жаровен «Вер у песо» закусывать было не так-то удобно: мухи, стаями перелетавшие между кучами сваленной рыбы, устремлялись потом и на вашу тарелку, стремясь сесть на кусок повкуснее, и несколько мешали сосредоточиться над очень приятной процедурой поедания крокодильего мяса.

Можно сказать, что местные жители используют крокодила на сто процентов. Шкуры, снятые с убитых крокодилов, складывались отдельно. Потом, когда набиралось их штук десять, какой-то грузчик на небольшой тележке отвозил шкуры на склад. Кости тоже не выбрасывались. На установленной недалеко от жаровни оригинальной мельнице кости жакаре перемалывались в мелкую муку. Говорят, что эта мука очень богата витаминами и ее употребляют даже в пищу. Правда, мне муку пробовать не

приходилось и справедливость утверждений о ее прекрасном вкусе остается на совести моих информаторов.

Рядом с крокодильим участком находился участок черепаший. Около края причала стоял высокий худой старик в оборванной одежде, держа в каждой руке по мешку с черепахами.

— Добрый день, Вельо! — обратился я к нему. — Что, ваши черепахи?

— Да, мои. Хотите купить у меня пару?

— Может быть, да, а может быть, нет. Сначала мне хотелось бы спросить, где пойманы эти черепахи?

— Да не все ли равно, где пойманы. Вкус у них везде одинаков, что здесь, что в Манаусе, что на Маражо.

— Видите ли, какая штука. Мне хотелось бы добраться до Маражо и посмотреть, как там охотятся на черепах. У вас есть своя лодка?

— Лодка-то у меня своя, но стоит ли вам терять педелю или по меньшей мере пять дней, чтобы туда добираться, да столько же обратно. Может быть, вы попробуете достать теку-теку.

Теку-теку называют в Бразилии маленькие, одномоторные самолетики, прозванные так за характерный звук мотора.

— А где же можно достать теку-теку?

— Каждый день кто-нибудь летает на Маражо. Большинство крупных фазендейрос имеют теку-теку. Живут они в Белене, а конец недели обязательно проводят на Маражо в фазендах.

Перед отъездом в Белен я набрал различных рекомендательных писем к влиятельным людям штата Пара. Среди них встречались врачи, административные деятели, ученые. После осмотра порта Белена остаток дня ушел на визиты к адресатам рекомендательных писем, с целью найти человека, который имел бы в своем распоряжении теку-теку и фазенду на острове Маражо. К сожалению, ни ученые, ни врачи, ни даже административные деятели фазендами не обладали и вели довольно скромный образ жизни. Только под вечер совершенно случайно состоялось знакомство с неким сеньором Сантосом, подходившим мне по всем статьям: он имел фазенду на Маражо, теку-теку и, главное, свободное место на самолетике, который отлетал на следующий день утром почти в самый центр острова.

Фазендейро звали Нилтон, и в нем сразу можно было угадать делового человека. Деньги за поездку он взять отказался, но прибавил:

— Если вы не имеете ничего против, то можете оплатить половину стоимости бензина.

Теку-теку был не очень прожорлив, и бензина требовалось немного.

Я уже было собирался распрощаться с сеньором Нилтоном Сантосом и идти в гостиницу, как вдруг он предложил направиться вместе с ним в район порта.

— Вы еще не были в нашем порту? Это, по-моему, самое любопытное место в Белене.

— Как же, как же, первым делом сегодня утром совершил паломничество в район «Вер у песо». Там-то и была подана мысль попытаться добраться до острова Маражо на теку-теку.

— А! Тогда вам, вероятно, будет неинтересно. Я хотел пригласить вас посмотреть мой новый баркас. Он должен сегодня уйти в плавание по реке Токантинс за очередной партией каштанов. Я занимаюсь экспортом каштанов и, кроме того, развожу скот на острове Маражо. Признаться, каштаны дают мне больше прибыли, чем скотоводство.

Мне так и не удалось выяснить, да, по правде говоря, я и не интересовался — много ли земли имеет в штате Пара сеньор Нилтон, но вообще-то в этом штате есть латифундисты, которые обладают сотнями тысяч гектаров, например, в муниципалитете Мараба некоего Мотрана называют королем каштанов. Старик Мотран был много лет назад префектом этого муниципалитета и по своему усмотрению делил подведомственные ему земли среди своей семьи. Сейчас у него только зарегистрированных земель 51 969 гектаров, не считая 13 тысяч гектаров в муниципалитете Жакунда. Обратите внимание, это только зарегистрированные официально земли, в действительности же семья Мотрана имеет раз в десять больше.

В том же штате Пара, в муниципалитете Парагоминас семейство Уатт имеет зарегистрированных официально земель 190 347 гектаров.

Фактически латифундисты никогда не дают правильных сведений о том, сколько земли находится в их распоряжении. Известен, например, такой случай: латифундист Сирило де Соуза Кейроз заявил фискальным органам, что он имеет всего-навсего 100 гектаров недалеко от Сантарена. На самом же деле, как было выяснено, он владеет 200 тысячами гектаров земли.

И если, по официальным данным, 10 крупнейших латифундистов штата Пара имеют в своем распоряжении 2 миллиона гектаров, то на самом деле, вероятно, у них в несколько раз больше, и никто не в состоянии призвать их к порядку.

Посмотреть на людей, отправляющихся собирать каштаны, было очень любопытно, и мы пошли вместе в район порта. Он имел совсем другой вид, чем рано утром. Товары, которые не успели продать, снова погрузили на лодки. Не видно было ни

жакаре, ни черепах, и только на месте, где утром стояли жаровни, дымилась куча догорающих углей. К стенке причалов подошли, как видно, новые суда, с одного из них бригада грузчиков выгружала какие-то мешки. У пассажирской пристани стоял готовый к отходу в рейс ватикано. Вы уже знаете, что ватикано — это корабль, который можно встретить в бассейне реки Амазонки.

Нилтон попросил подождать, а сам пошел в контору искать командира баркаса. У трапа ватикано стоял, скучая, матрос, ожидая момента отхода, чтобы помочь столкнуть трап с пристани. Решив все-таки выяснить, почему корабли называются ватикано, я спросил об этом у матроса, который посмотрел на меня как на человека, свалившегося из потустороннего мира.

— Сеньор! — ответил он. — Разве вы не видите, что это за корабль? Вверху — богатство, внизу — нищета. Настоящий Ватикан. Очень просто.

Между прочим, через несколько минут, когда Нилтон возвратился, ему был задан тот же вопрос, и Нилтон ответил буквально теми же словами.

— Пойдемте к соседнему причалу. Там стоит мой баркас. Вон там, рядом с шатиньес.

Шатиньес называются на Амазонке небольшие суденышки, передвигающиеся с помощью лопастей большого колеса, установленного на корме. Вспомните пароход из кинокартины «Волга-Волга». Подобные суда можно очень часто встретить на Амазонке.

На баркасе находилось человек семь рабочих со своими пожитками, связанными в узлы.

— Карлито! — закричал с пирса Нилтон, обращаясь к старику в ярко-красной рубашке, которая была бы, вероятно, еще ярче, если ее отстирать в воде Амазонки. — Карлито, когда вы отходите?

— Я думаю, так часа через полтора.

— Народ у тебя хороший подобрался? Новичков нет?

— Есть один новичок, но мы его быстро сделаем старичком, — пошутил Карлито.

— Смотрите! Не больше недели даю вам сроку. А потом за каждый лишний день стану вычитать.

— Ну что вы, хозяин. Мы же порядок знаем. Ровно через неделю вернемся.

— Но три человека останутся для заготовки?

— Да, трех человек оставляем. Может быть, я сам останусь.

Нилтон рассказал потом, что баркас за три месяца во время периода сбора каштанов делает до пятнадцати рейсов, и в каждый рейс привозит не менее двенадцати тонн знаменитых каштанов

пара.

После того как Англия стала производить натуральный каучук у себя в колониях, добыча каучука, как вы знаете, в Бразилии резко упала, что крайне отрицательно сказалось на финансах штатов Пара и Амазонас. Только благодаря одному продукту эти районы Бразилии избежали полного экономического краха. Пара и Амазонас спасли от разорения знаменитые каштаны. Все внимание стали обращать на сбор плодов каштановых деревьев. Их экспорт в Соединенные Штаты Америки и в Англию увеличился во много раз.

Каштаны пара встречаются почти во всех районах Амазонки. Больше всего их вдоль рек Жакунды и Жари, а также около реки Токантинс. Деревья каштанов достигают пятидесяти метров высоты и двух метров в диаметре. Дерево дает крупные плоды, которые почему-то называются ежами — оурисос, внутри оурисос находятся миндалевидные зерна — амендос. Это и есть каштаны, экспортируемые в различные страны мира. Сбором амендос занимаются с ноября и примерно до конца февраля. При сборе каштанов не требуется большой затраты физического труда и применения техники. Сборщик каштанов просто подбирает плоды, упавшие от ветра на землю. Основная трудность заключается в доставке плодов но порожистым рекам на базы и в порт. Правда, и сбор плодов сопряжен с известным риском, так как каждый оурисо весит до двух килограммов. Естественно, что если сборщику на голову упадет с высоты пятидесяти метров плод весом в два килограмма, то это чревато неприятными последствиями.

Выйдя утром из шалаша, рабочие принимаются раскалывать собранные накануне оурисос и вынимать из них амендос. Каждое дерево в сезон дает не больше двухсот пятидесяти оурисос. За день рабочий, как правило, подбирает до семисот пятидесяти плодов, то есть собирает плоды с трех деревьев. Из зерен каштанов пара получают от пятидесяти до шестидесяти семи процентов масла.

На вопрос, заданный Нилтону, почему нельзя на месте сбора каштанов оставить только одного человека, Нилтон пояснил, что даже в наши дни сборщики каштанов продолжают подвергаться атакам со стороны индейцев племени каяпо.

И опять здесь факты выворачиваются шиворот-навыворот. Не индейцы нападают на сборщиков каштанов, а сборщики каштанов истребляют индейцев. Это доказано многочисленными документами, итогами расследований, которые проводились на земле Бразилии бразильскими же властями. В книге историка Артура Сесара Феррейра Рейса еще давным-давно, когда началось

освоение Бразилии, португальский колонизатор Педро Фавела убил больше 40 тысяч индейцев около устья реки Урубу. С тех пор продолжается систематическое истребление индейского населения, так что утверждения сеньора Нилтона, что в наши дни сборщики каштанов подвергаются нападениям индейцев, абсолютно не соответствуют действительности.

Безусловно, было бы очень интересно совершить по реке Токантинс недельную поездку со сборщиками каштанов. И я уже начал колебаться, не изменить ли планы и не отказаться ли от полета на остров Маражо. Но после некоторой внутренней борьбы черепахи взяли верх над каштанами. И на другой день в десять часов утра теку-теку, вылетев из Белена, пересек водные просторы Амазонки и направился на остров Маражо.

Здесь нужно сразу же оговориться: если подходить строго по правилам, то географы станут утверждать, что мы допустили неточность, перенеся Белен на Амазонку, в то время как на самом деле он стоит на реке Токантинс. Но жители Белена упорно называют свой участок реки Амазонкой и с презрением говорят о части реки Амазонки, омывающей северное побережье острова Маражо.

— Вы знаете, — подчеркивают беленяне, — наш город раньше назывался Санта-Мария-де-Назаре-де Белен-до-Гран-Пара-до-Амазонас! — и при этом многозначительно поднимают указательный палец.

Вообще среди географов уже долгое время ведутся научные споры в отношении Амазонки, ее протяженности, площади, занимаемой бассейном реки. Так, если согласно данным Британской энциклопедии площадь бассейна реки Амазонки составляет 6 985 200 квадратных километров, то согласно статистическим данным географического справочника «Хубнерс» бассейн Амазонки вместе с рекой Токантинс составляет 7050 тысяч квадратных километров.

Где же начинается Амазонка? В Андах есть озеро Лаури. Из него вытекает река Мараньон. Собственно говоря, озеро Лаури питается водой с ледника и из потоков воды, которые образуются от таяния снеговых шапок на вершине горы, высота которой 5717 метров. Потоки воды спускаются вниз, и 100 километров ниже озера Лаури получает название река Мараньон. 1906 километров ниже по течению Мараньон сливается с другой рекой по названию Укайалн. Многие географы считают, что имя Мараньон должна носить река только до пересечения места, где находится перуанский город Икитос. Именно с этого места нужно называть реку уже не Мараньон, а Амазонка. Другая группа географов считает, что Амазонкой нужно называть реку только с места

слияния Мараньон с Укайали. Но пока на многих картах, даже когда река переходит на бразильскую территорию, она обозначена как река Солимоес, которая так и значится до слияния с рекой Негро. Это, безусловно, неправильно. На мой взгляд, Амазонку нужно называть Амазонкой с момента пересечения ею перуано-бразильской границы, а может быть, и еще раньше, с момента образования реки, которая сейчас называется Мараньон.

Теку-теку летел к поселку Анажас. Нилтон обещал забросить меня и к знаменитому озеру Арари. Остров Маражо занимает территорию почти в пятьдесят тысяч квадратных километров. Старик, продавец черепах, оказался прав. Действительно, не будь теку-теку, добраться до центра острова практически было бы немыслимо, так как дорог там, по существу, нет никаких, и скотоводы в основном пользуются услугами конного транспорта. Таким образом, для переезда из одного населенного пункта в другой необходимо иметь много свободного времени. Даже от аэродромчика Анажаса до фазенды Нилтона пришлось ехать верхом на лошадях, и путешествие никак не подходило под разряд комфортабельных. К тому же на острове Маражо не употребляют седел.

Растительность здесь была совсем непохожа на непроходимые тропические джунгли штата Акре или северных районов Гояса. Маражо лежит под самым экватором, по здесь почти не встретишь густых лесов, могучих лиан и зарослей. В основном территория покрыта кустарниками и низкорослыми деревьями. Лишь изредка встречаются островки пальм.

По дороге от аэродрома до фазенды было интересно наблюдать за буффало — так называют здесь буйволов, хотя буффало — это скорее всего бизоны. Вероятно, название буффало взяли по аналогии с североамериканскими бизонами — буффало. На Маражо их многие тысячи. Говорят, их привезли сюда около ста лет назад из Индии, и они очень хорошо акклиматизировались. Из-за недостатка ухода некоторые буффало одичали, и сейчас по острову бродят большие стада диких буффало.

— Вам было бы интересно приехать на Маражо несколько месяцев назад, в сентябре, — говорил Нилтон, трясясь на лошадке в нескольких метрах впереди. — В это время мои пастухи проводят фечасау. Вообще по всему острову в сентябре организуют фечасау.

— А что такое фечасау?

— Так называется охота на диких буффало. Слишком уж быстро они плодятся. И всегда для домашних буффало существует угроза увода дикими буйволами. А мы делаем

наоборот. Организуем охоту на диких буффало. Мясо и шкуру пастухи берут себе, запасаясь на долгие месяцы едой. Но вместо платы хозяину за разрешение охотиться на его территории пастухи обязаны загнать, по крайней мере, половину стада диких буффало в корали или построить специальные загоны, заманить туда буйволов и, конечно, потом заняться приручением их. О, черт возьми! Куда же ты? Стой! — лошадь Нилтона чуть не сбросила седока, внезапно отпрянув в сторону с еле заметной тропинки. Нилтону пришлось даже спрыгнуть с лошади на землю и некоторое время успокаивать ее легким поглаживанием по шее. — По-моему, она испугалась жакаре, — сказал Нилтон, вглядываясь в траву, густо росшую у самой тропинки. — Вы знаете, у нас, на Маражо, существует две беды. Первая — наводнения, которые бывают как раз в этот период, во время разлива Амазонки. Вторая — жакаре. Они небольшого размера, самые крупные около двух метров. Но нрав у жакаре очень злобный. Их так много, что жители не успевают с ними бороться. Время от времени, когда жакаре особенно сильно надоедают, мы организуем коллективную охоту. И посмотрели бы тогда, сколько жакаре можно убить за один день. Сотни! Приходится нанимать специальную бригаду для снятия шкур, а о мясе и костях заботиться в таком случае не приходится. Мы вынуждены все выбрасывать, потому что одна перевозка до Белена обходится очень дорого, и выручка никоим образом не покрывает транспортных расходов. А сейчас мы подъезжаем к моей фазенде.

Кругом не было видно никакой изгороди, и, по всей вероятности, лишь хозяин мог различить границу своего участка.

— Куда же вы продаете, Нилтон, ваш скот? Перегоняете в Белен?

Нилтон засмеялся.

— Вы не имеете никакого отношения к финансовым инспекторам штата, поэтому я могу открыть маленький секрет. Мой скот идет на территорию Гвианы, где цена на него гораздо выше, чем в Бразилии. А в Белен? Зачем отвозить скот в Белен, если в Гвиане мне за него заплатят в английских фунтах стерлингов. Большие деньги в фазенду вкладывать не приходится, а доходы она дает приличные. Безусловно, меньше, чем каштаны пара, по все же приличные.

Когда Нилтон заговорил о доходах, я вспомнил историю, рассказанную мне приятелем, крупным юристом Осип Дуарте Перейра. На Маражо явился с юга страны один бразилец и спросил: «Скажите, пожалуйста, чем нужно заняться на острове Маражо, чтобы получить в короткий срок большой доход?» Ему ответили: «Вы должны организовать фазенду на острове Маражо

и разводить там скот». Приезжий не имел склонностей к скотоводству и стал выпытывать, что стоит на втором месте по доходности на острове Маражо. Ему ответили: «Скотоводческая фазенда, пусть даже она будет не слишком хорошо организована». Не удовлетворенный таким ответом, южанин настаивал: «Нет, сеньорес, все-таки чем бы следовало мне запяться на острове Маражо, если я совершенно не способен разводить скот?» Ответ был следующим: «Вы получите большую прибыль, имея скотоводческую фазенду на острове Маражо, даже совсем не занимаясь ведением ее хозяйства».

При первом взгляде на фазенду сеньора Нилтона складывалось впечатление, что она принадлежит именно к третьей группе скотоводческих фазенд на острове Маражо — той, где нет толковой администрации и отсутствует элементарный порядок. Дом Нилтона стоял на небольшом холме и выглядел довольно заброшенным. Помещение казалось нежилым. Нилтон долго искал на притолоке входной двери ключи, потом пошел разыскивать сторожа фазенды. Через минуту его голос, звавший какого-то Алешандро, раздавался внизу, у подножия противоположного склона холма, где протекала небольшая речушка. Алешандро появился совершенно внезапно с другой стороны. Вид у него был такой, будто человек только что очнулся после глубокого и долгого сна. Увидев на крыльце фазенды незнакомца, он нисколько не удивился, а спросил:

— Приехал хозяин? Давно он меня зовет?

— Да нет, только что.

— Ну, тогда ничего, — флегматично произнес Алешандро и вдруг неожиданно басом закричал во все горло: — Сеньор Нилтон! Я здесь!

Кляня своих служащих, высокий холм, скот, вообще остров Маражо, Нилтон поднялся к дому. Он отчаянно пыхтел и отдувался, счищая с колен десятки прилепившихся к брюкам колючек.

— Слушай, Алешандро! Мой приятель хочет посмотреть, как ловят на пашем острове черепах. Поручаю его твоим заботам, и чтобы у меня все было в порядке, слышишь? Постарайся управиться к завтрашнему дню, потому что часа в три мы должны вылететь обратно в Белен.

Алешандро молча выслушал приказание хозяина, кивнул головой. Но весь вид его без всяких слов говорил о большом нежелании уходить куда-то далеко от фазенды, искать никому не нужных черепах.

— Когда отправляться-то? Если хотите что-нибудь посмотреть, то давайте поедем сейчас. Как раз и буффало есть

пара спокойных, а то ведь вы не привыкли, наверное, ездить на буффало.

Алешандро, без сомнения, обладал проницательным умом. Ездить на буффало мне действительно никогда не приходилось.

Широкая спина буйвола предоставляла чуть-чуть больше комфорта для седока, чем спина лошади. Правда, проехали мы всего километра три от фазенды. За время пути можно было видеть, по крайней мере, около тысячи голов скота. Весь скот принадлежал сеньору Нилтону.

Как-то мне попалась в руки книжка Леандро Токантинса, которая называлась «Река командует жизнью». В ней автор рассказывал, как через полвека после начала развития животноводства на острове командные посты в этом виде сельского хозяйства захватили монахи и члены разных религиозных орденов. Так, иезуиты имели на Маражо около шестидесяти тысяч голов скота. Мерседариос — более восьмидесяти тысяч. Немногим меньше находилось в руках монахов ордена кармелитов. После изгнания иезуитов мерседариос остались почти единоличными владельцами сотен тысяч голов скота. Население же острова жило в нищете. Это было еще в XVIII веке, во времена колониального господства. В то время португальские власти, обеспокоенные ростом влияния монашеских орденов, направили петицию папе Пию VI с просьбой отозвать монахов в метрополию. Пий VI удовлетворил просьбу и отозвал руководство ордена мерседариос в Португалию. Как можно было убедиться, за минувшие полтора-два столетия положение на острове не изменилось. Место иезуитов и мерседариос заняли фазендейрос вроде нашего знакомого сеньора Нилтона, а масса жителей острова Маражо по-прежнему живет в нищете, как и два века назад.

— Куда мы сейчас направляемся, Алешандро? — спросил я проводника.

— К моему приятелю. Осталось недалеко. Его основное занятие — ловля черепах. Сегодня еще до темноты успеете посмотреть, как он бьет черепах из лука, а может быть, сейчас он ловит их на крючок, если место у него приготовлено. А завтра раненько утром сможете принять участие в ловле с помощью загончика.

Действительно, не проехали мы еще и сотни метров, как на берегу речки показалась небольшая хижинка, около которой женщина развешивала на веревке выстиранное белье.

— Здравствуй, Жоана. А где твой Барбудо? — приветствовал ее Алешандро.

Жоана махнула рукой по направлению к реке.

— Известно где: как всегда, бегает за черепахами. Хотя и не сезон сейчас и цена-то на них грошовая, а все же никак не могу оттянуть его от черепах и заставить заняться каким-нибудь более толковым делом. Что и говорить, пропащий он человек.

Было видно, что Жоана спешила использовать редкую возможность отвести душу в разговоре со свежим собеседником. Но Алешандро не стал слушать продолжения монолога женщины и направил своего буйвола по берегу реки. Через сотню-другую метров Алешандро спрыгнул на землю и указал на прибрежные кусты, где стояла небольшая лодочка. На ее корме сидел бородатый мужчина. Над поверхностью воды правая рука его совершала медленные движения взад-вперед. Потом он вдруг резко поднял ее, и стало видно, как из реки на какой-то миг показались голова, часть панциря и две передние ноги довольно крупной черепахи. Алешандро тихонько свистнул. Барбудо поднял голову и предостерегающе замахал свободной рукой: мол, не мешайте. Мы присели на землю рядом с мирно жующими траву буйволами и стали наблюдать за охотником. Впрочем, он скорее напоминал рыболова, а не охотника, потому что этот способ ловли черепах, по существу, ничем не отличается от обычной рыбной ловли.

Сначала предварительно исследуется район реки, где, по мнению охотника-рыбака, находится много черепах. Облюбовав себе место, охотник берет для приманки несколько кусков рыбы и фрукты. Связав их в пучки граммов по двести каждый, он прикрепляет каждый пучок к отдельной палке и опускает на дно в разных участках реки с таким расчетом, чтобы конец палки торчал над водой. Примерно через сутки охотник возвращается на место, где стоят приманки, осторожно вынимает их из воды и внимательно рассматривает, нет ли на них следов зубов черепах. Если таких следов не обнаружено, охотник ищет новое место, повторяя ту же процедуру.

Найдя наконец «район проживания» черепах, охотник подъезжает к этому месту на пироге, соблюдая максимальную осторожность. Насадив на крючок банан или кусочек рыбы, он осторожно опускает его за борт. Черепаха не заставляет себя долго ждать и хватает приманку. Почувствовав, что крючок впился ей в горло, черепаха, стараясь освободиться, не идет в глубь реки, а почему-то, наоборот, поднимается наверх, к поверхности. Охотнику ничего другого не остается, как подтянуть черепаху к борту и втащить в лодку. Если он не думает везти ее для продажи на ближайший базар в город, то чаще всего тут же отрубает черепахе голову. Точно таким образом Барбудо за каких-нибудь сорок минут поймал около десятка черепах, и это

несмотря на не совсем подходящее время для ловли. Говорят, лучше всего ловить черепах между десятью и двенадцатью часами утра (в это время они отправляются на первую кормежку).

Барбудо поднялся на берег, с трудом держа в обеих руках по большой связке живых черепах. Каждая черепаха была привязана веревкой за одну из задних пог. Они смешно шевелили лапами в воздухе и стукались друг о друга панцирями.

Поздоровавшись и услышав о приезде фазендейро, Барбудо сначала решил пойти к сеньору Нилтону и попросить его взять с собой в Белен вместе с черепахами. Потом, поняв, что место пассажира на теку-теку уже занято, он не высказал никакого огорчения, а заявил о своем намерении пустить добычу в «черепаховый кораль».

Вернувшись к хижине, где к этому времени Жоана уже добралась до конца своего монолога, мы увидели около задней стены дома небольшой загончик. В нем копошилось несколько десятков черепах. Пойманную добычу Барбудо пустил в кораль, приподняв маленькую плетеную дверцу.

Говорят, несколько десятков лет назад в Верхней Амазонке у многих семей основным средством существования являлись черепахи. Жители не убивали черепах во время охоты, а ловили их живьем и около своего дома устраивали загоны вроде того, что мы увидели у Барбудо. Но Барбудо держал немногим более трех десятков черепах, а в Верхней Амазонке встречались загоны, где находилось свыше пятисот черепах. Загоны эти назывались каисаро. Больших загонов мне во время поездок по Амазонке так и не удалось встретить.

Поставив в угол комнаты весла и спрятав в картонную коробочку лески с привязанными к ним большими крючками, Барбудо спросил:

— Ну, как будем готовить черепаху? Я предлагаю в панцире. Это лучше всего.

Войдя в загон, Барбудо некоторое время приглядывался к черепахам, как крестьянка, которая выбирает курицу для праздничного супа. Потом схватил одну из них за панцирь и подбросил двумя руками.

— Вот эта хороша будет!

Приготовление ужина заняло около двух часов. Но можете поверить на слово: никогда мне не приходилось есть более приятного блюда. Правда, суп в черепашьем панцире приобретал особый, специфический запах, отдававший довольно сильно жженой костью. Вчетвером быстро расправились и с супом и с вареным черепашьим мясом.

Уже потом, в Манаусе, мне приходилось пробовать черепашьи

яйца. Их едят или сырыми, или вареными. Причем во втором случае употребляют в еду только желтки, потому что после варки белки черепашьих яиц становятся вязкими, тягучими, как резина, и есть их довольно неприятно.

За ужином Алешандро рассказал о плане организации утром охоты в загончике на черепах. Применяя этот способ, участок реки, лагуны или заливчика отгораживают сетями. Перегородив облюбованное место, охотник или несколько охотников с шумом и криками ударами по воде гонят черепах к сети. Сеть устанавливается на довольно мелком месте, с тем чтобы черепахи не могли переплыть ее. Потом остается только поднять сеть вместе с добычей. Правда, метод этот считается довольно опасным: очень часто вместе с черепахами в загон попадают жакаре и водяные змеи. Наибольшую опасность представляет тот момент, когда рыбаки соскакивают с берега в воду и начинают ногами подгонять черепах и остальную живность к входу в мешок сети. Нередки при этом случаи, когда рыбака кусает пиранья, что довольно неприятно, не говоря уже о жакаре и водяной змее. К сожалению, Барбудо не мог сказать ничего утешительного в отношении завтрашнего дня.

— По-моему, — задумчиво произнес он, — мои приятели вчера ходили ставить сеть, но не нашли подходящего места, потому что со старых пастбищ черепах мы согнали еще полмесяца назад. Знаешь, — обратился он к Алешандро, — это в том участке, где было много виктории-регии (оказывается, черепахи очень любят есть клубни знаменитой виктории-регии). Но вот что, можно показать гостю завтра наш способ ловли черепах, который применяется только здесь, на Маражо, — выжигание. Это я обещаю показать. Вы где спать-то будете?

— Если мы вас не стесним, то лучше, конечно, не возвращаться на фазенду.

— Что вы, что вы! — развел руками Барбудо. — Я не о стеснении говорю, а просто, может, здесь непривычно для вас. Здесь никаких удобств нет по сравнению с фазендой.

Однако у Жоаны нашлись два старых гамака, и большего желать было невозможно.

На другое утро, когда солнце уже стояло высоко над головой, мы вышли вдвоем к дороге. Барбудо остался сзади метрах в трехстах, но его мы хорошо видели, потому что на всем протяжении не было ни одного деревца, а только метровая густая трава, сочная и зеленая. Ветер, ровный и сильный, дул в нашу сторону.

— Начинаю! — раздался голос Барбудо. — Он засуетился и стал перебегать с места на место.

Вдруг показались густые клубы дыма. Интересно, подумалось, как он поджег такую сочную, свежую траву? И только потом стало ясно, что Барбудо поджигал старый слой травы, сухой, который как бы нижним ярусом располагался под свежей зеленой порослью. Ветер гнал пламя в нашу сторону, и не успело оно пройти и половину расстояния, как на дорогу, судорожно перебирая лапами, вылезла первая черепаха. Алешандро подбежал и резким движением повернул ее на спину. Та же операция была проделана со второй, третьей и последующими черепахами, спасавшимися от огня. За полчаса было поймано полдюжины черепах. Это был так называемый «метод перевертывания».

Пока добычу донесли до хижины, подошло время возвращения в фазенду. Теперь буйволы, кроме седоков, везли еще каждый по паре черепах — подарок Барбудо.

Фазендейро Нилтон встретил охотников за черепахами со вздохом облегчения.

— Вот и хорошо, что вернулись. Стою и думаю: приедут они к двенадцати часам или не приедут? Перед отъездом из Белена я договорился сегодня после дождя встретиться с одним промышленником. И совсем забыл вас предупредить об этом. Нам необходимо вылетать максимум через час.

— Значит, не удастся слетать на озеро Арари?

— Нет, почему же. Вы можете остаться, добраться с Алешандро до Арари, а ровно через неделю я прилечу сюда опять, сделаю посадку около Арари и заберу вас там.

Риск был довольно велик. Как видно, Нилтон обладал не очень хорошей памятью и часто забывал о своих обещаниях. Безусловно, побывать в центре острова Маражо было бы очень интересно. Там расположено озеро Арари, на котором, в свою очередь, находится остров Паковал. Это известный среди этнографов центр исчезнувшего индейского племени ньеенгаиба. На острове Паковал индейцы племени хоронили своих соплеменников, и до наших дней здесь находят различные предметы индейского обихода: амулеты, чаши, блюда, погребальные урны и идолов. Индейцев ньеенгаиба еще иначе называют индейцы арауанс. В этнографии эти находки известны как керамика Маражо, или искусство маражоаро. В национальном музее Рио-де-Жанейро хранится много прекрасных находок с острова Маражо, и мне было бы чрезвычайно интересно увидеть своими глазами место, где когда-то, как говорят, располагался большой город индейцев этого племени. Сейчас, правда, от города ничего не осталось, и причина этого, по-моему, — отсутствие на острове Маражо строительного материала. Сама

структура острова исключает всякую возможность сохранения на острове Маражо руин индейских городов, строившихся из глины. Остров почти совершенно лишен камней. Если судить по гончарному искусству, по орнаментам на вазах и погребальных урнах, то можно сделать вывод, что индейцы ньеенгаиба не уступали по своему развитию индейцам, проживавшим недалеко от озера Титикака. По крайней мере, рассматривая орнаментальные рисунки на гончарных изделиях — погребальных урнах и других предметах племени ньееигаиба, мы убеждаемся, что они сконцентрировали в себе элементы, свидетельствующие о существовании в прошлом на острове Маражо народа с высокоразвитой культурой.

И вот от посещения этих замечательных мест приходилось отказываться из-за того, что у хозяина фазенды сеньора Нилтона была назначена «после дождя» встреча. «После дождя» на жаргоне жителей Белена означает «после четырех часов дня», потому что, как правило, в Белене в' четыре часа дня идет дождь, и жители, назначая встречу, скажем, на половину пятого или на пять часов вечера, просто указывают: встретимся после дождя.

Привезенных от Барбудо черепах оставили Алешандро, и Нилтон взял с собой только небольшую черепашку, так называемую жаботи.

— Это я для ребятишек, — пояснил он.

В час дня мы погрузились втроем на самолет (третьим пассажиром была черепаха жаботи). Теку-теку разбежался по маленькой площадке и взмыл в воздух, оставив внизу мечтающего о сладком сне Алешандро, Жоану с Барбудо, буйволов, черепах и неразгаданную мной тайну искусства маражоаро.

В Белен прибыли вовремя. Сеньор Нилтон, вероятно, не опоздал на свою встречу, а я, решив на другой день вылететь в Манаус, успел взять в авиационной компании билет Белен — Сантарен — Манаус и обратно.

Покинув Белен, наш самолет все время летел над рекой Амазонкой. Амазонка! Страна амазонок. Легендарная земля сказочного народа, где живут и властвуют одни женщины. Когда Аполлоний Родосский поведал миру о похождениях аргонавтов, отправившихся в поисках «золотого руна», одним из самых интересных приключений, случившихся с ними во время путешествия, была встреча с амазонками. И потом, позже, Юстин, писатель и историк II века нашей эры, рассказывал в своей Трога Помпея, как амазонки, жившие в Каппадокии, избавлялись от детей-мальчиков, а девочек воспитывали воинами. В странах Азии бытуют легенды о народе, состоявшем целиком из женщин,

которые в незапамятные времена двинулись на запад и завоевали там целый континент. Среди арабских народов встречаются рассказы о женском племени, обитавшем в Ливии. И когда испанцы стали завоевывать Южную Америку, отправляя туда одну экспедицию за другой, многие участники их были уверены, что на новых землях они обязательно должны встретить народ, состоящий из одних женщин, народ амазонок. Когда Франсиско де Орельяно, один из ближайших помощников испанского конкистадора Писарро, услышал в Кито от индейца историю о женщинах-воинах, обитавших на берегу большой реки так далеко от Кито, что юноша, отправляющийся навестить это племя, добирается до него зрелым мужчиной, а возвращается домой стариком, де Орельяно ни на минуту не усомнился в достоверности рассказа. Испанцы, спускаясь вниз по течению большой реки, все время с минуты на минуту ждали встречи с племенем женщин. Много раз им приходилось вступать в стычки и вести настоящие сражения с индейскими племенами, нападавшими на непрошеных гостей; и несколько раз испанцы замечали, что рядом с мужчинами находятся женщины, которые, так же как и воины, стреляли в белых пришельцев из луков и даже орудовали палицами. Орельяно и его люди были в сомнении: может быть, действительно им приходилось сражаться с женским племенем, у которого в подчинении находились мужчины? Оставшиеся в живых испанские воины, рассказывая потом о пережитой эпопее, часто даже забывали упомянуть об участии в минувших сражениях индейских мужчин-воинов, концентрируя все свое внимание на женщинах, стрелявших из луков.

В конце концов поход Орельяно и его товарищей по большой реке стал называться походом по реке, где живут амазонки. А сама река — Рио-Амазонас, Река амазонок. Мы же почему-то называем ее просто река Амазонка (одной какой-то амазонки).

Сейчас самолет летел в официальную столицу штата Амазонас, в самый крупный центр бассейна реки Амазонки город Манаус. В 1669 году на том месте, где река Негро сливается с Амазонкой, была построена глиняная крепость, вокруг которой впоследствии стали вырастать постройки будущего Манауса. В наши дни глиняной крепости уже не существует, и на ее месте воздвигнуто общественное здание. Когда путешественник приезжает в Манаус и заходит в здание, ему всегда поясняют: на этом месте столько-то лет назад была заложена крепость, положившая начало созданию нынешнего города Манауса — гордости штата Амазонас.

Среди городов Бразилии Манаус стоит на восьмом месте по

числу жителей. Он самый крупный речной порт страны, через который ежегодно проходит более 1300 кораблей.

Если сейчас вы попадете в Манаус, то заметите, что он во многом отличается от того города, в котором я впервые побывал в начале шестидесятых годов. Сейчас в Манаусе колоссальное количество автомашин, очень бойкая торговля, число жителей увеличилось, может быть, наполовину, если не больше. Но все дело в том, что 28 февраля 1967 года район Манаус был объявлен «зона франка», то есть зоной свободной торговли, свободной от таможенных пошлин. Это было сделано для поощрения экономического развития района Амазонки и, безусловно, дало свои плоды. Так, в 1972 году свободная зона получила 16,2 миллиона тонн товаров, которые поступали из 52 стран (в том числе из Советского Союза поставлялся цемент). В Манаусе ведется большое строительство, сооружено четыре телевизионные станции, но больше всего заметен рост количества магазинов. В настоящее время там открыто около 600 магазинов, где торгуют промышленными товарами из всех стран мира. Туристы здесь не такие, как в других местах Бразилии. Сюда они не приезжают, чтобы полюбоваться природой, совершить прогулки по реке Амазонке, сюда наведываются с корыстной целью — купить промышленные товары, которые продаются в Манаусе вдвое дешевле, чем в других районах Бразилии.

Среди многих десятков тысяч жителей города Манауса меня интересовал практически один человек — владелец торгового дома «Акварио Рио-Негро». Судя по имени, он должен был быть или немцем, или австрийцем. Звали его Ганс Вилли Шварц. С его помощью можно было рассчитывать на организацию экспедиции к Рио-Негро, чтобы своими глазами увидеть, как ловят большого питона.

Торговый дом Ганса Вилли Шварца находился недалеко от портовой улочки. Все заведение располагалось на первом этаже. И пока посетитель проходил небольшое расстояние от входной двери до комнаты, где помещалась контора, ему могло показаться, что фирма занимается оптовой продажей бисквитов, так как в коридоре рядами стояли картонные коробки из-под печенья. Ганс Шварц оказался очень любезным австрийцем лет шестидесяти.

Прочитав адресованное ему рекомендательное письмо, Шварц вздохнул огорченно и сказал:

— Очень жаль, очень жаль, что вы приехали не совсем в подходящее время. Ведь лучший месяц для нашей экспедиции был бы октябрь. Правда, я говорю об идеальном времени. Но уж раз вы здесь, то мы попытаемся добиться успеха и сейчас. Может

быть, это и к лучшему, потому что питоны, — пошутил Шварц, — никогда не ждут к себе в гости охотников в феврале. А мы возьмем и придем. Давненько я не ходил на питонов, а все из-за отсутствия заказов. Перевозка их стоит очень дорого, и перекупщики, поставляя живность в зоологические сады, предпочитают не заниматься питонами, а иметь дело с рыбками. По правде сказать, и мне приятнее и гораздо выгоднее продать несколько тысяч рыбок, чем одного питона. Вы не представляете, сколько с ним мороки.

Торговля рыбами была специализацией фирмы Ганса Шварца. Торговал он в основном даже не взрослыми рыбами, а мальками. Пригласив осмотреть его хозяйство, Шварц подошел к ближайшей картонной коробке и открыл ее. В ней лежал большой пластиковый мешок с несколькими литрами воды, в которой плавало около полутора сотен крошечных рыбешек, каждая примерно в сантиметр длиной.

— Посмотрите, — Шварц показал на стеллажи, сплошь уставленные картонными коробками, — в каждом из таких домиков около ста пятидесяти мальков тропических рыбок. За этими рыбками два раза в месяц я хожу с несколькими рабочими недалеко вверх по течению Рио-Негро. Правда, последние несколько месяцев сам перестал принимать участие в экспедициях, потому что у меня есть очень хороший помощник. За каждую рыбку я плачу рабочим три крузейро. Сегодня ночью мы запакуем коробки. Мешок герметически закрывается, и потом в него накачивается кислород — количество, достаточное для спокойной жизни рыбок, по крайней мере, в течение двух суток. Утром все коробки погрузим на специально зафрахтованный самолет, и через двадцать четыре часа груз прибудет в Соединенные Штаты, сделав всего-навсего одну остановку в Британской Гвиане, потому что без промежуточной посадки не обойтись.

— Скажите, а кто же станет тратить такие колоссальные деньги, нанимая специальный самолет для перевозки подобной мелюзги?

Шварц засмеялся.

— Самолет арендую я. Вы, конечно, понимаете, что я не стал бы делать этого из альтруистических соображений. Филантропия здесь ни при чем, и за мой счет я не стану дарить рыбок тысячам американских детей. У меня трезвый коммерческий расчет. Оптовые покупатели из Соединенных Штатов платят мне за каждую рыбку по полдоллара. Даже арендуя самолет, я имею чистой прибыли почти четверть доллара с каждой рыбки. Эти рыбки не простые, эти рыбки золотые.

Шварц также занимался и ловлей зверей, выполняя специальные заказы различных зоопарков. Он, кроме того, выращивал небольших крокодилов — вернее, он ловил маленьких крокодильчиков, только что вылупившихся из яйца, привозил к себе в «Акварио Рио-Негро» и выдерживал там около трех недель, ожидая, пока крокодильчики немного окрепнут и по состоянию здоровья будут способны перенести длительное воздушное путешествие. Около входа во внутренний дворик стояла небольшая посудина, и в ней плескалось штук двадцать пять небольших крокодильчиков, сантиметров по десять каждый.

Встретиться решили на другой день вечером и обговорить детали предстоящей экспедиции. Ботик, на котором экспедиция должна была отправиться ловить питона, находился еще на реке Тапажосе, и Ганс Шварц рассчитывал на его возвращение в Манаус через три дня.

— На всякий случай зайдите завтра днем, примерно в это время, может быть, я получу какое-нибудь сообщение из Сантарена от помощника. Если у него все в порядке, то он быстро доберется до Манауса, и мы тронемся в путь в гости к питону в конце недели.

Торговый дом Шварца находился недалеко от района порта. Можно было воспользоваться случаем и разыскать адресата имевшегося у меня рекомендательного письма. Прежде всего пришлось пройти мимо знаменитых портовых складов. Их сооружение стоило в свое время колоссальных денег. Склады имеют форму буквы «Т» и расположены на воде с таким расчетом, что любое судно может подойти к ним и разгрузить свой товар.

Склады возвышались на столбах над поверхностью реки примерно на шесть-семь метров. Дело в том, что разница в уровне между периодом дождей и сухим периодом на Амазонке равняется десяти метрам. Наименьший подъем воды в период дождей был в 1926 году и равнялся четырем метрам десяти сантиметрам. А в начале века, в 1907 году, был зарегистрирован самый большой подъем воды в Амазонке — пятнадцать метров пятьдесят сантиметров. Тогда еще склады не были построены, и пострадали жители улиц, расположенных в низине. В Манаусе до сих пор вспоминают и о разливе 22-го года. Тогда вода поднялась очень высоко, и недоставало всего каких-нибудь трех с половиной сантиметров, чтобы перевалить через каменную стену, отгораживающую причалы от города.

Как видно, я выбрал неудачное время. Склады были закрыты, и только около многочисленных дверей там и сям виднелись фигуры сторожей, большинство их спали, разложив около входов мешки из-под сахара. Пройдя до конца портовой улицы, я

очутился на окраине Манауса — вернее, в конце его сухопутной части, потому что дальше над водами Амазонки раскинулся город на сваях, плавучий город. Группа ребятишек, копошившихся на берегу реки в грязном, замусоренном песке, увидев незнакомого человека, подбежала и стала просить монетку.

В Манаусе большая часть населения связана так или иначе с рекой Амазонкой. А у обитателей речных фавел — лачуг — Манауса практически вся жизнь проходит на воде. В плавучем городке живет более пяти тысяч бразильцев. В основном они прибыли в Манаус из окрестных сел и деревень, расположенных в нескольких километрах от столицы штата. Но, давая себе отчет в бесперспективности попыток найти жилище в городе из-за его высокой стоимости, они стали селиться на реке, сколачивая трущобы. Так и возник город на сваях.

Человек, к которому у меня было рекомендательное письмо, жил в районе, примыкавшем к плавучему городу. По профессии врач, он ведал здравоохранением штата Амазонас, и знакомый, снабдивший меня рекомендательным письмом к доктору, отзывался о нем с большим уважением. Вообще врачи в этих районах пользуются очень большим авторитетом. Правда, в районе бассейна реки Амазонки их очень мало. В одном из приложений к газете «Жорнал до Бразил» был однажды помещен репортаж Валтера Фирмо. Автор пробыл сто дней в районе Амазонки, и репортажи так и назывались: «Сто дней в ничейной Амазонке». Опубликовали их в первой неделе января 1964 года. В этих материалах имелись следующие интересные данные. На весь район бассейна реки Амазонки, где проживает более трех с половиной миллионов человек, насчитывается всего-навсего двадцать восемь врачей. Имеется только пять больниц и двадцать два медицинских пункта. Один врач приходится больше чем на сто тысяч жителей. В то же время на Амазонке действуют 1702 католические церкви и капеллы, 854 католические ассоциации и 119 других католических заведений, не считая 433 церквей, принадлежащих протестантским церковникам. Здесь можно встретить даже североамериканских священников-миссионеров. Например, почти на самой границе с Перу, в Сан-Паулу-де-Оливенса, а также в Санто-Аитонио-до-Иса и Санта-Рита-до-Вейл несколько десятков североамериканцев ведут религиозную пропаганду. В их распоряжении находятся два самолета и четыре гидросамолета. И повторяю, на весь бассейн реки Амазонки всего двадцать восемь врачей. Понятно, отчего каждый врач, живущий в амазонских городах и поселках, пользуется большим уважением и авторитетом у местного населения.

Разыскивая указанный на конверте адрес, я долго мучительно

думал, прежде чем вспомнил, о чем должно было говориться в рекомендательном письме. Кажется, автор письма советовал показать мне госпиталь-колонию Антонио Алейшо. Что это был за госпиталь, я не имел ни малейшего представления.

Прочитав рекомендательное письмо и узнав, располагаю ли я временем на следующий день в утренние часы, доктор сказал, что заедет в отель на машине и мы поедем в госпиталь-колонию Антонио Алейшо.

— Это один из наших лепрозориев, — мимоходом сообщил он.

Вероятно, каждый почувствовал бы себя в этот момент довольно неприятно, потому что лепрозорий означает «колония для больных проказой».

…Дорога шла через земли больших поместий. На всем протяжении пути нам не встретилось ни одного прохожего, мы не видели ни одного дома. Как объяснил доктор, земли принадлежали префектуре, и здесь собирались кастаньяс до пара, о которых уже говорилось. У ворот госпиталя-колонии Антонио Алейшо сторожа не стояли, посетителей никто не остановил, не спросил никаких пропусков, и видно было, что вход и выход из колонии прокаженных свободный. В глубине двора в маленьком домике посетителей встретил главный врач, он же администратор, в ведении которого находились больница и все прокаженные. В лепрозории, рассчитанном на шестьсот шестьдесят человек, находилось более тысячи больных. Грязные, оборванные, со страшными ранами на лице, на руках, они производили поистине ужасающее впечатление. Денег на содержание лепрозория отпускалось очень мало, и в основном он существовал на добровольные пожертвования населения. Здесь не хватало самых обыкновенных лекарств. И нет ничего удивительного, что за многие десятки лет существования лепрозория в нем был вылечен от этой ужасной болезни всего-навсего один человек.

В штате Амазонас имелось всего три таких лепрозория на многие, многие тысячи больных. Причем общее число обслуживающего персонала на три лепрозория только двадцать девять человек. По существу, большинство прокаженных предоставлены самим себе.

Врач лепрозория рассказал, что с 1945 года они лишены возможности проводить в штате профилактическую работу. Во внутренних районах штата Амазонка, в городках, расположенных по берегам реки и ее притокам, прокаженные свободно ходят по улицам и живут среди здоровых людей. Только тогда, когда они совершенно лишаются возможности передвигаться и не могут

зарабатывать себе на жизнь, только тогда их принимают в лепрозорий.

В то время министром здравоохранения штата был доктор Николай Акел. Он рассказывал, что на каждые сто человек жителей Амазонки пять больны проказой. В уже упоминавшихся статьях репортера Валтера Фирмо «Сто дней в ничейной Амазонке» рассказывалось, что в городе Бенжамин-Константе на границе с Перу сотни больных проказой живут вместе с другими обитателями городка. Они, так же как и остальные жители, продают рыбу на базаре, посещают бары, приобретают продукты в общих магазинах. А на одном из притоков реки Иса часто попадаются селения, где поголовно все жители поражены этой ужасной болезнью. Мне вспомнился сын старика Мане, встреченный на одном из серингалов штата Акре. Без сомнения, он был болен проказой, и почти с уверенностью можно сказать, что через несколько лет вся семья серингейро заразится этой болезнью.

В лепрозории пробыли около часа, и потом, когда мы возвращались в Манаус, настроение было довольно подавленным.

Доктор, энергично крутя баранку, говорил:

— Мой друг правильно сделал, что дал вам рекомендательное письмо с просьбой показать госпиталь Антонио Алейшо. По крайней мере, будете иметь хоть какое-то представление о реальной жизни здесь, на Амазонке. Ведь что скрывать, большинство иностранцев стремятся попасть к нам, чтобы увидеть романтику, джунгли, и не хотят замечать трех миллионов бразильцев, существующих в этих джунглях. Ей-богу, здесь не так уж много нужно средств для исправления положения. Однако делается очень мало. Лег десять назад у нас было основано управление по реализации плана увеличения экономической ценности бассейна реки Амазонки. Все начальство главного управления находится в Белене. Безусловно, план принят очень хороший, но за десять лет осуществлено так мало, что такими темпами и через девяносто лет положение не изменится. Правда, проложена грунтовая дорога Белен — Бразилиа, которая даст какой-то толчок развитию нашего района. Но все это по сравнению с тем, что требуется, капля в море.

…Часа в четыре я снова пришел на улицу Миранда Леон, где помещался «Акварио Рио-Негро» Ганса Вилли Шварца. У входа в дом стояла грузовая машина, с которой снимали пустые картонные ящики из-под бисквитов.

Служащая Шварца, девушка Мариа, встретила меня как старого знакомого.

— А, сеньор, проходите! Мы сегодня утром отправили партию

рыбок, и сейчас, — она указала рукой на картонки, — готовим домики для новых. Хозяин сказал, что вы можете подождать его здесь, а если хотите, то найти его не так-то трудно: он пошел на базар в порт. Там приехал один баркас и привез ему известие о мотористе нашего ботика, который еще находится в Итаитубе.

Безусловно, незачем было терять случай побывать в торговом порту Манауса, и я направился на розыски Ганса Внллн Шварца.

В Манаусе можно увидеть так называемые плавучие базары, плавучие ярмарки. Жители поселков, расположенных порой в двухстах, двухстах пятидесяти километрах от столицы штата, приезжают в город со своими товарами, в основном фруктами и рыбой. И тут же продают их оптовым покупателям, не слезая с лодок. Лодки эти местные жители называют монтариос. Однако в четыре часа дня плавучий базар уже прекращает свою работу, потому что разгар купли-продажи происходит утром, когда оптовые торговцы закупают товар у владельцев монтариос и распределяют его по различным маленьким лавочкам.

Рынок разделен на три части. В одной продается говядина, в другой — свинина, баранина и черепашье мясо, в третьей продают рыбу, бесконечное количество разных сортов рыб. Между тремя частями расположены столы, на которых горой навалены овощи, фрукты и различная зелень.

Ганс Вилли Шварц был обнаружен в рыбном ряду. Он о чем-то разговаривал с высоченным негром.

— Так вот, я и не знаю, как получится у него с гайолой, — говорил негр Шварцу, попыхивая сигареткой. — До Сантарена — одно дело, а что касается сюда, то в этом случае, мне кажется, нужно проявить терпение. А что вам, сеньор Шварц, рисковать посудиной, куда торопиться-то?

Увидев меня, Ганс Шварц, смущенно улыбаясь, сказал:

— Не везет нам. Сеньор Васко только сейчас приехал из Сантарена, привез партию рыбы и говорит, что мой бот до сих пор находится в Итаитубе, в моторе небольшое повреждение, и моторист отказывается идти на нем в Манаус без ремонта. До Сантарена-то он дойти может вниз по течению, но там необходимо будет, по крайней мере, дней на десять стать на ремонт. Сейчас я, — добавил Шварц, — должен дать мотористу телеграмму с согласием поставить ботик на ремонт в Сантарене. Но как же мы будем с вами, вы же не можете ждать здесь, в Манаусе, две недели?

Безусловно, это совершенно исключалось. После недолгого раздумья Шварцу был предложен следующий вариант. Если он не против, то пусть даст телеграмму в Итаитубу с просьбой мотористу подождать меня там с тем, чтобы затем вместе

совершить переход от Итаитубы до Сантарена, познакомившись, таким образом, хотя бы немного с рекой Тапажосом. А уж в дальнейшем при более благоприятных обстоятельствах можно будет предварительно списаться и совершить экспедицию на Рио-Негро за питоном. Ганс Шварц принял предложение. Было решено вместе зайти на почту и, не теряя времени, направить телеграмму в Итаитубу. Депеша была отправлена, и телеграфист клятвенно уверил Шварца, что адресат в Итаитубе обязательно получит ее, по крайней мере, завтра к вечеру. Правда, зная некоторые особенности бразильской почты и телеграфной связи, мы со Шварцом не разделяли оптимизма телеграфиста.

Выйдя на улицу, Шварц чуть не столкнулся с невысоким худощавым старичком, который стоял посередине тротуара, задрав голову кверху.

— О, Энрике! Рад тебя видеть! Ты чем здесь занимаешься? — воскликнул Шварц, тряся старичка за руку.

— Я шел домой, и вдруг мне показалось, что слышу пение сабиа-азул. А ты куда спешишь, сбивая прохожих с ног?

— Да вот ходил помогать устраивать дела этому сеньору. Познакомьтесь, пожалуйста. Журналист из Рио-де-Жанейро. А это орнитолог, самый известный орнитолог Манауса Энрике Салатиел де Карвальо.

— Очень приятно, — сказал Энрике Салатиел де Карвальо и тут же задал вопрос: — Птицами не интересуетесь? Или, может быть, вы просто любите слушать пение птиц?

Кто решится ответить орнитологу, что он не любит птиц, и потом ответить так значило бы сказать неправду. Безусловно, я очень люблю птиц, хотя и не могу считать себя знатоком амазонских пород.

— Тогда, если вы, журналист, любите птиц и у вас есть полтора часа свободного времени, то мы немедленно идем ко мне домой, я обязан показать мою коллекцию.

Отказаться было бы неразумно.

Горячо поблагодарив Ганса Шварца за помощь и договорившись встретиться в ноябре для поездки в экспедицию за питоном, мы пошли с Энрике де Карвальо к нему домой. Его домик расположен сзади городского муниципального театра. Это роскошное здание было выстроено во времена каучукового бума на Амазонке. По своим размерам и качеству отделки театр Манауса превосходит все бразильские сооружения подобного рода, кроме разве театра в новой столице Бразилиа.

Дом Энрике де Карвальо напоминал птичий вольер, и, хотя на жилом этаже не было никаких клеток с птицами, сюда доносилось разноголосое птичье пенье из нижнего этажа

помещения, где рядами стояли клетки с пернатыми обитателями.

— Вам повезло, — говорил Энрике де Карвальо, быстро передвигаясь от одной клетки к другой. — У меня самая большая коллекция птиц бассейна Амазонки. Каждый год для ловли птиц я хожу в экспедицию до границ с Перу и Колумбией. Правда, делаю все это не из чисто любительских интересов, а потому что нужно на что-то жить. Я поставляю птиц в зоологические сады и магазины, так же как мой друг Ганс Вилли Шварц продает рыб. Правда, доход от птиц гораздо меньший, но зато я получаю гораздо больше, чем он, удовольствия. Посмотрите на эту сабиа-полиглота, как она поет, или эта арара — умнейший попугай.

— А нет ли у вас, — спросил я хозяина, — колибри? Вы не занимаетесь ловлей колибри?

— Нет, это слишком хлопотное дело. И нужно иметь много денег, чтобы коллекционировать колибри.

— А вы знакомы с Ручи?

Энрике де Карвальо снисходительно посмотрел на меня:

— А как же! Ручи мой лучший друг. Вы были у него, видели его коллекцию колибри?

— Нет, но очень бы хотелось получить возможность посмотреть ее. Правда, говорят, Ручи не очень любит посетителей и отказывается давать интервью журналистам.

— Да! Но если я попрошу его дать вам интервью, он, безусловно, не откажет. Это же всемирно известный коллекционер колибри, и другого такого собрания колибри вы не встретите нигде во всем мире.

Тут же Энрике де Карвальо вынул из кармана визитную карточку и написал на ней несколько слов, рекомендуя меня Ручи как одного из крупнейших знатоков птичьего мира среди журналистов. Это абсолютно не соответствовало истине, но в качестве рекомендательного письма, безусловно, могло пригодиться.

Из всех пернатых, находившихся в подвале старика, мне особенно понравилась одна голосистая птица. Причем в то время как большинство птиц пело для собственного удовольствия, эта птица пела от злости. Когда водили перед ее клеткой рукой, птица, разъяренная, начинала петь. И было хорошо видно, что она по-настоящему сердится.

Мимоходом я рассказал Энрике де Карвальо о встрече в Акре с Джоном Далгасом Фришем.

— Как же, как же! — закричал старик. — Джон мой хороший друг. Можно сказать, мой ученик. Перед тем как отправиться на Амазонку в экспедицию за голосами птиц, он часами просиживал здесь, у меня в подвале, изучая пение различных его обитателей.

Он, правда, мог записать голоса птиц у меня в подвале. Но нет, ему хотелось обязательно записать в джунглях, на воле. И вероятно, в этом есть немалая доля правды, потому что на воле птицы и поют-то по-другому.

Часы, проведенные с Энрике де Карвальо, сгладили утреннее впечатление, оставшееся после посещения лепрозория.

Последний день пребывания в Манаусе пролетел незаметно.

…Не знаю, почему, но мне везло на птиц. Приехав в Сантарен, я остановился в отеле «Уирапуру». У входа, как и на другом отеле Сантарена — «Тапажос», висело объявление: «Апартаментос де люшо» — «Роскошные номера», или «Номера высшего класса». На самом деле это были клетушки, отгороженные не до самого потолка, каждая размером примерно в шесть квадратных метров. В каждой клетушке стояли две кровати, без простынь.

Владелец отеля юрист Убиражаро Бентес де Соуза разъяснил:

— Посмотрите, стены комнаты не до самого потолка, и воздух может проникать и вентилировать ее. Таким образом, вы не задохнетесь от жары. Значит, эти комнаты хорошего качества, значит, они роскошные. Кроме того, в вашей комнате есть окно, а другие — темные. Так что я по праву называю номера «Апартаментос де люшо».

Город Сантарен стоит на месте, где в прошлом была деревня индейцев тапажос, и расположен у слияния реки Тапажоса с рекой Амазонкой, на правом берегу Тапажоса. Это один из важнейших городов штата Пара и всего бассейна Амазонки. Несмотря на свое значение, городок до сих пор не имеет собственного порта. Через Сантарен не проходит ни одной железной дороги (их вообще нет на Амазонке), хотя каждый, кто приезжает сюда, убеждается в необходимости постройки железной дороги, которая связала бы штаты Пара и Мату-Гросу и проходила бы от Сантарена до Куйябы. Нетрудно представить себе всю пользу, которую получит район после того, как он станет связан железной дорогой с югом Бразилии.

…Сейчас, просматривая написанные выше строки, я должен признаться, что был не прав. Бразильцы решили строить не железную дорогу между Сантареном и югом страны, а шоссе. Шоссе, идущее от Сантарена до Куйябы. Сама дорога пока еще не построена, но участок, где она будет проходить, освобожден от леса. Дорога называется БР-165. Когда строительство будет завершено, то дорога Сантарен — Куйяба станет одним из участков трансамазонской магистрали.

Хотя это и не имеет прямого отношения к нашему повествованию, нельзя не рассказать о трансамазонской

магистрали. Эта шоссейная дорога протянется на 7400 километров. Движение по ней будет двустороннее, покрытие в большинстве своем асфальтовое, частично шлаковое или из гравия. Магистраль начинается в районе Ресифе и кончается на границе с Перу, у подножия Анд. Шоссе ни разу не пересекает Амазонку, а идет параллельно ей примерно в 320 километрах к югу. Трансамазонская дорога будет как бы хребтом для сети других дорог общей протяженностью в 14 600 километров. Некоторые специалисты говорят, что широкое наступление на джунгли Амазонки, которые, как подсчитано, вырабатывают одну пятую часть всего запаса кислорода на земле, может нарушить экологический баланс нашей планеты, но соблазн построить такую дорогу очень велик. Можно будет переместить из северо-востока страны в глубь территории Бразилии 30 миллионов человек, можно будет использовать обширные естественные ресурсы этого гигантского района Бразилии. Работы ведутся во время сухого периода, всего пять месяцев в году, но все равно дело движется.

В основном все дела отеля вел сын хозяина, девятнадцатилетний толстяк, студент Луис. Луис утверждал, что в отеле «Уирапуру» обычно останавливаются бродячие торговцы и коммивояжеры. Но уже через несколько часов проживания в отеле становилось ясно, что он в основном служит пристанищем для перекупщиков золота. Вечером они собираются в столовой отеля, а часов в одиннадцать-двенадцать ночи начинается торговля. Хозяин отеля приносит в отдаленную комнату миллиграммовые весы, но объем многих сделок, как рассказывал повар отеля, составляет очень значительные суммы. При отдельных операциях покупают больше килограмма золота. Приобретенный металл перекупщики везут в Сан-Паулу, Белен и Рио-де-Жанейро. Безусловно, это нелегальная скупка и продажа золота, но в контрабанде принимают участие также местные власти Сантарена, и поэтому на операции в отеле «Уирапуру» все смотрят сквозь пальцы. Причем владелец отеля сам юрист и влиятельное в городке лицо.

Контрабандисты — это, конечно, очень любопытно и романтично. Однако владелец отеля интересен не столько участием в контрабандных операциях, сколько своим музеем. Как выяснилось, у него в доме находится одна из лучших археологических коллекций Бразилии. Узнав, что его новый постоялец журналист, Убиражаро пригласил меня посмотреть музей. В основном его экспонаты относятся к жизни индейцев племени тапажо.

— Вот, посмотрите, — де Соуза приподнял стекло витрины и

взял в руки небольшой предмет, похожий на сплющенную каменную лепешку. — Догадываетесь, что это такое?

— Нет, не имею ни малейшего представления.

— Это кукурузный хлеб, изготовленный индейцами тапажо. Сверху он покрылся окаменелой коркой, но внутри вполне годен к употреблению, несмотря на то, что хлебу, по подсчетам археологов, более пятисот лет. А вот эти амфоры сделаны для хранения вина. Правда, когда их нашли, то вино в них не сохранилось, и мы лишены сейчас возможности его выпить и закусить этим хлебом. Моя коллекция сейчас насчитывает около 30 тысяч предметов — это вдвое больше того, что имеется в музее имени Эмилио Гоэльди в Белене. Вы знаете, в течение долгого времени пытались утверждать, что индейцы, живущие на территории нашей страны, не имели своей культуры, не имели своих произведений искусств, доказывали, что в Бразилии в былые времена существовала только культура маражоара, а лет 35 назад, точнее, в двадцать третьем году, сюда приехал один немецкий ученый из Боннского музея, и он открыл, что в долине реки Тапажос существовала цивилизация, равная цивилизации в Мексике и в Перу. Этот немец производил раскопки недалеко от Сантарена, во время раскопок произошел любопытный казус: один португалец, увидя, что немец до позднего вечера копается в холмах, окружающих Сантарен, решил, что тот ищет золото, и, дождавшись, когда немец ушел домой, сам начал производить раскопки и очень много археологических объектов, уже почти завершенных, имевших большую историческую ценность, было разрушено этим португальцем. Потом в хронике Батендорфа обнаружили записи об индейцах тапажо. Как вы знаете, эта хроника относится к XVII веку.

— А вы сами тоже производите раскопки?

— Сейчас уже нет, но несколько лет назад занимался этим. Теперь же мне хватает того, что приносят жители города. Во время периода дождей потоки воды размывают склоны соседних холмов, и там очень часто в разных местах находят интересные вещи, представляющие большую ценность. Все знают мою любовь к археологии и несут сюда свою добычу, безусловно получая от меня соответствующее вознаграждение. Сам я стал заниматься сбором экспонатов лет пятнадцать назад, а до этого здесь, в Сантарене, и недалеко от города располагалось много католических и других миссий. Они-то и стали скупать у жителей археологические находки — амфоры, статуэтки, предметы домашней утвари. Часть из них была продана ими в музеи Белена, Сан-Паулу. Большинство же находок сейчас в Соединенных Штатах Америки в университете Иллинойса, а

также вывезены немецкими миссионерами.

Сейчас я занимаюсь классификацией моей коллекции. Нужно отметить, что произведения искусства индейцев тапажо можно разделить на пять разных стилей, каждый из которых соответствует определенной эпохе и в то же время разным племенам. Наиболее примитивные изделия изготовлены из черного камня и необожженной глины, более высокая ступень — изделия из черной глины, желтой и глины раскрашенной. Если вы сравните глиняные фигурки индейцев тапажо, то сразу же сможете отличить их от керамики, изготовленной индейцами маражоара: если керамика тапажо выполнена в реалистичной манере, то керамика с острова Маражо или стилизованная, или же выполнена в абстрактной манере.

— У меня, — де Соуза вздохнул и развел руками, — главная проблема — нехватка помещения, нет места для экспозиции всех предметов, составляющих мою коллекцию. Некоторые ящики я в первый раз совсем недавно раскрыл, чтобы сделать классификацию, а так они лежали без движения больше двадцати лет.

— Видимо, ваша коллекция представляет большую ценность.

— Безусловно, это история нашей страны, если же говорить о деньгах, то и в денежном выражении стоимость коллекции составляет большую сумму. Специалисты из Соединенных Штатов предлагали мне за нее сто тысяч долларов, но я отказался: коллекция принадлежит Бразилии и останется в моей стране. Кроме того, у меня есть еще одно увлечение — я собираю библии, изданные во всех странах мира. Вы, случайно, не увлекаетесь библиями? У меня имеются интересные экземпляры, изданные в Португалии более двухсот пятидесяти лет назад.

Библиями я не увлекался, и, осмотрев внимательно музей, мы вернулись в отель, потому что де Соуза торопился закончить все свои дела, чтобы подготовиться к проведению очередной сделки с контрабандистами золота. Мне же необходимо было как можно скорее выяснить, каким путем лучше всего добраться до Итаитубы.

— Вы хотите лететь в Итаитубу? — переспросила девушка авиационной компании «Крузейро-до-Сул». — Это, может быть, возможно, а может быть, совсем невозможно.

— Как понять ваши слова: «может быть, возможно, а может быть, совсем невозможно»?

— Дело в том, что до Итаитубы самолет ходит раз в неделю, и он должен отправиться через час, если уже не улетел. А если он не улетел, вы можете приобрести на него билет, если там есть место. Но вряд ли там есть место еще для одного пассажира.

— Как же узнать, есть ли место, улетел ли самолет?

— А вы пойдите в соседний бар на другой стороне улицы, и если там сидит мужчина в белой рубашке с черным галстуком, то, значит, самолет еще не улетел, потому что это летчик самолета, который летает до Итаитубы.

К счастью, летчик самолета еще сидел за столиком со стаканом пива в руках.

— Вы командир корабля, который летит в Итаитубу?

— Да! В чем дело?

— Можно к вам присоединиться? У вас есть место в самолете?

— Безусловно! У меня нет ни одного пассажира. Вы будете первым. Я везу пока только один груз, каких-то несчастных несколько мешков с почтой и два никому не нужных жернова.

— Когда же вы отправляетесь?

— Да часа через три, не раньше. Вам нужно быть на аэродроме в два часа дня.

Перед тем как вернуться в отель «Уирапуру» за вещами, я все-таки перешел на другую сторону улицы и сказал служащей компании «Крузейро-до-Сул»:

— Что же вы говорили о перегруженности самолета, об отсутствии мест, о том, что он должен лететь через час? Там нет даже ни одного пассажира, и уйдет самолет через три часа, а не через час.

— Ну вот видите, — невинно произнесла девушка, — как хорошо получилось. Разве для вас оказалось хуже, что некоторая информация была не совсем точной?

Против такой логики было трудно что-либо возразить.

Около отеля «Уирапуру» Убиражаро де Соуза стоял, прислонившись к железной изгороди, и слушал игру бродячего музыканта.

— Ну как дела, сеньор журналист? — воскликнул он, улыбаясь. — Я на всякий случай позвонил на аэродром и узнал, что самолет улетает через три часа, так что вам некуда торопиться и вы сможете немножко послушать нашего Пирата.

— Пират?!

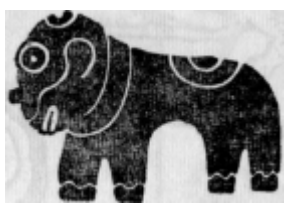
— Ну вот этот, Пират, Мануэл Кавалканти. Мы зовем его Пират, потому что он одним глазом совсем не видит, а вторым только чуть-чуть. Ты играй, играй, Мануэл, — обратился он к музыканту, увидев, что тот, расслышав свое имя, бросил играть.

Мануэл играл на корде — своеобразном бразильском народном музыкальном инструменте, обычно состоящем из полой тыквы, от которой отходит длинный, полутораметровый гриф с натянутой на нем одной-единственной струной. Однако у

Мануэла вместо тыквы была обыкновенная банка из-под бензина. Жил он постоянно в Сантарене и время от времени обходил все улицы города, исполняя на своей корде самые последние новинки, услышанные им по радио, — самбы и марши карнавала. За концерт из трех самб или трех маршей он брал всего-навсего двадцать крузейро — около двух копеек на наши деньги по существовавшему в то время курсу бразильского крузейро.

Через несколько дней, вернувшись из поездки по Тапажосу, я еще раз увидел музыканта. На аэродроме Сантарена Мануэл Кавалканти сидел в здании аэропорта и слушал музыку, доносившуюся из приемника. Передавали записи новых карнавальных песен из Рио-де-Жанейро. Прослушав несколько вещей, Мануэл взял свою корду, лежавшую рядом на лавке, вышел из помещения и стал наигрывать услышанные мелодии. Нужно сказать, что он сумел уловить мельчайшие нюансы всего один раз услышанной музыки, Мануэл Кавалканти обладал абсолютным слухом.

Если судьба путешественника забросит вас в глухой бразильский городишко Сантарен, то не поленитесь, разыщите Пирата и, после того как он сыграет самые новые бразильские самбы, отблагодарите музыканта.



Путешествие на гайоле

Ночь в Итаитубе «Эсперанса» уходит в плавание • Оргия цветов • Охота на крокодила • Трофей тонет в тапажосе • Нашествие пото • Бразильский анчар • Форд и государство в государстве • Конец пути

Перелет до Итаитубы занял примерно три часа. Посадочную дорожку было уже очень плохо видно, но летчик мастерски посадил свой самолетик, который был немного больше теку-теку. Необходимо было срочно разыскивать моториста ботика Ганса Вилли Шварца. В Итаитубе сделать это не представляло больших трудностей. Городишко не отличался солидными размерами. Число жителей вряд ли перевалило за тысячу.

— Лучше всего, — посоветовал летчик, — пойти в префектуру или в магазин сеньора Лопеса на авениде Вианна. Здесь всего один проспект, он называется авенида Вианна. Вам каждый покажет. Там сможете узнать, где искать вашего моториста.

Дорога с аэродрома проходила по берегу реки, и до города было всего метров семьсот, хотя название «город» не совсем

подходило к небольшому поселочку. Около пристани стояло несколько лодочек и шаланд. Рядом с причалом виднелась крохотная будка, где, видимо, продавали билеты на ватикано, совершавшие рейсы между Итаитубой и Сантареном. Спустившись к воде, я окликнул паренька, сидевшего на борту шаланды и время от времени глубокомысленно плевавшего в чистые воды реки Тапажос.

— Эй, приятель, ответь мне на один вопрос: где можно найти механика ботика коммерсанта Ганса Вилли Шварца?

— А зачем он вам нужен?

— Это уже второй вопрос.

— Ну, я механик ботика Ганса Вилли Шварца. Он что, прислал мне свадебный подарок или решил оставить мне в наследство все свое состояние? — парень был из тех, кто за словом в карман не полезет.

— Нет, он только шлет горячий привет и спрашивает, когда ты думаешь направиться в Сантарен. Он очень заинтересован, чтобы я сопровождал тебя в этом путешествии.

Паренек соскочил на берег.

— Вы собираетесь идти со мной до Сантарена?

— А что, разве к тебе не приходила телеграмма от Шварца?

— Нет. Я целый день здесь сижу и не знаю, что делать. До Манауса с таким мотором не доберешься, а разрешения на оплату за ремонт в Сантарене до сих пор от Шварца нет.

— Тогда можешь не беспокоиться. Шварц мне поручил передать, что согласен на ремонт бота в Сантарене. Когда сможем отправиться и как тебя зовут?

— Зовут меня Ассис. Ночью, я думаю, идти нет никакого смысла. Переночуем здесь, в Итаитубе, и утром двинемся в путь.

На этом и порешили.

Отель «Уирапуру» был по сравнению с гостиницей в Итаитубе настоящим дворцом. Но провести ночь можно в любом месте, особенно если нет выбора. В Итаитубе находились гостиница и два постоялых двора. Неплохо для маленького городка, застывшего в своем развитии на уровне 1900 года. В начале века в Итаитубе насчитывалось три улицы, семь переулков, один проспект и две площади, из которых одна — длиной в километр, вероятно предназначавшаяся для парадов и демонстраций. Но нам довелось попасть в Итаитубу в будний день, когда на площади не проводилось парадов, а лишь паслось стадо коз.

Тапажос проникает очень далеко в глубь территории страны. Отсюда ясна вся важность ее для национальной экономики Бразилии — вернее, важность в будущем, потому что сейчас многочисленные водопады и перевалы затрудняют продвижение

по Тапажосу вверх. Некоторые исследователи утверждают, что Тапажос берет свое имя от измененного названия индейского племени тапаюна, или тапаюирапарана, что в переводе на русский язык должно означать «воды темной реки». Однако с этим утверждением согласиться трудно, потому что воды реки Тапажоса, которая течет по каменной и песчаной подушке, очень чистые и даже вполне пригодны для питья. Утверждают также, что индейцы, жившие у места впадения Тапажоса в реку Амазонку, стали называться тапажо по имени реки. Однако вероятнее всего, что река стала называться Тапажос, потому что у ее устья жили индейцы племени тапажо.

В районе реки можно встретить многочисленные фазенды, на которых разводят скот. Отсюда его отправляют на бойни Манауса. На Тапажосе расположена масса католических миссий, обосновавшихся здесь еще более века назад. Придя сюда для обращения в христинство индейцев племени мондурукус, они попутно стали заниматься разведением скота. Но так как скотоводство давало им большие прибыли, то очень скоро они в основном перешли на разведение скота, а обращение в христианство индейцев племени мондурукус отошло на задний план.

Моторист пришел рано утром.

При ярком дневном свете можно было хорошо рассмотреть ботик, на котором предстояло совершить путешествие до Сантарена. Конечно, ему было далеко до ватикано, но все же посудина выглядела довольно солидно. Над средней частью лодки находился деревянный навес, под которым помещался стационарный мотор. Сбоку на носу можно было прочитать название лодки, хотя буквы частично и облезли: «Эсперанса» — «Надежда» называлась гайола Ганса Вилли Шварца. Подобные лодки на Амазонке называются гайолами.

— Каким временем вы располагаете? — спросил Ассис, укладывая на корме рюкзаки с продуктами и сумку с фотоаппаратами.

— Откровенно говоря, спешить мне особенно некуда. Если мы пробудем на реке двое суток, то возражать не стану.

— Вам нужно успеть в Сантарен к определенному сроку?

— Нет, просто хочется посмотреть на реку Тапажос и все то, что можно увидеть на ней интересного.

— Тогда мы полностью используем эти двое суток, — Ассис был явно обрадован возможностью подольше оттянуть момент начала ремонта мотора в Сантарене. — Если бы вы торопились, то мы смогли бы дойти до Сантарена за каких-нибудь двенадцать часов. А так спешить некуда. Первую остановку сделаем в

городишке Бразилиа, а по пути зайдем в один из рукавов Тапажоса. Лучше всего в Кастаньо или в Пиракану. Я думаю, лучше в Кастаньо.

На одном корабле не может быть двух капитанов, и приходилось полагаться на опыт, знания и добрую волю капитана Ассиса.

Проведя несколько манипуляций с мотором, во время которых двигатель чихал, фыркал и испускал вонючие клубы дыма, Ассис наконец завел его, отпихнулся длинным шестом от берега, и путешествие по реке Тапажосу началось. От Итаитубы отошли ровно в восемь часов утра. На небе не было ни облачка. А при хорошей погоде и путешествовать приятнее.

Первые часы плавания прошли довольно однообразно. Шли мы метрах в двухстах от берега, а так как река Тапажос в этом месте уже очень широка, то и увидеть что-либо интересное было довольно трудно. Отрезок Тапажоса от Итаитубы до Бразилиа самый населенный на реке, и то на правом, то на левом ее берегу виднелись хижины, в основном серингейрос, как объяснил Ассис.

— Знаете что, — вдруг предложил Ассис. — Давайте не будем заходить ни в Пиракану, ни в Кастаньо, а попробуем осторожно войти в один из маленьких притоков Тапажоса. Я говорю осторожно, так как там нужно быть очень внимательным, чтобы не запутать винт о фиолетовую чуму. Вот сейчас примерно в километре от того места, где мы находимся, есть такой маленький приток, где обычно бывает много виктории-регии.

Он положил руль на левый борт, и гайола послушно повернула к правому берегу. Безусловно, впервые попавшему сюда путешественнику трудно было бы найти вход в речку — так он был с двух сторон увит густыми лианами.

Любой человек, пусть он даже совсем равнодушен к красотам природы, не остался бы безучастным, увидев картину, которая открывалась перед его глазами, когда гайола вошла в спокойные воды безымянного притока. Невозможно описать словами то впечатление, которое охватывает вас, когда в первый раз вступаете в лес, весь увитый орхидеями. Даже Ассис, видимо очень часто наблюдавший подобную картину, и тот не мог не прищелкнуть языком. Это была настоящая оргия цветов.

— Я знал, — закричал Ассис, — я наверняка знал, что здесь есть много орхидей! Вы видели букашек, которые садились на нашу лодку? Как только вы их обнаружите, знайте — близко находятся заросли орхидей. Дальше мы уже такого не увидим. Сейчас около поселков и хижин серингейрос орхидеи уничтожены, потому что несколько лет назад здесь появились скупщики клубней орхидей, и все, как только узнали об этом,

стали собирать клубни. Правда, никто из нас не знал, как собирать, и говорят, потом клубни у скупщиков погибли. А орхидей вблизи жилищ не стало.

Ассис не преувеличивал. Однажды в штате Пернамбуко мне удалось встретить одного торговца цветами, который только за один год отправил в Соединенные Штаты полторы тысячи клубней орхидей типа каттлейя и лабиата атумналис. Предприимчивый бразилец делал попытки экспортировать орхидеи и в европейские страны. Как он рассказывал, основная трудность при экспорте орхидей заключается в их транспортировке, потому что они очень плохо переносят дальние расстояния. В основном торговец применял корзинки с хорошей вентиляцией.

Вероятно, вы знаете, что орхидеи можно встретить в очень многих странах. Но, безусловно, царство их находится в тропиках, хотя и в Европе насчитывают около двадцати различных разновидностей орхидей. Но это не идет ни в какое сравнение с южноамериканскими орхидеями. В одной Колумбии, например, известно более трехсот их видов. Хотя и это является лишь небольшой частью из всего колоссального семейства цветов. Ботаники утверждают, что наиболее богатые коллекции орхидей можно встретить на Малайских островах. Но надо думать, что большинство орхидей, имеющихся в лесах Амазонки, еще не нашли своих открывателей.

Не преследуя никакой определенной цели, мы нарвали уйму этих прекрасных цветов и совсем загрузили нос лодки. Он буквально утопал в орхидеях. Правда, к концу дня они завяли и потеряли все свое очарование. Вечером мы выкинули их в Тапажос.

Деревья джунглей, все увитые орхидеями и нависшие над притоком, куда вошла гайола, были настолько хороши, что не было никакого желания уходить из этого райского места. Однако все наше хорошее настроение улетучилось, когда через несколько минут после пребывания в зеленом раю оба путешественника начали все чаще и чаще ожесточенно шлепать себя по спине, рукам, шее. Оказывается, кроме орхидей, здесь было превеликое множество москитов.

После очередного самоизбиения Ассис не выдержал и сказал:

— Давайте-ка поворачивать быстрей отсюда, иначе нас съедят заживо.

Ассис с трудом развернул гайолу, после чего выбраться на Тапажос было пустяковым делом.

Когда до Бразилиа осталась, по утверждению Ассиса, одна легуа (около пяти километров), гайола проплывала мимо одного

из домиков, стоявших совсем у реки на высоких, почти двухметровых сваях. Около него на помосте играли трое детей — мальчик и две девочки. Вдруг одна из девочек, указывая пальцем на тростники, росшие неподалеку, крикнула:

— Жакаре! Жакаре!

Из хижины вышел мужчина, держа на длинной веревке большой крючок. Он снял сушившуюся на палке рыбу такунаре. Отрезав кусок, он насадил его на крюк, похожий на гигантский рыболовный крючок, и, раскрутив над головой, бросил в камыши. Затем сел на краю помоста и стал тихонько дергать за веревку.

— Хотите посмотреть, как ловят жакаре? — спросил Ассис, приглушив мотор.

Было ясно, что Ассис никогда в жизни не занимался газетной работой и не имел ни малейшего представления, насколько дорога для журналиста возможность наблюдать собственными глазами охоту на жакаре, причем, может быть, это и был тот самый последний крокодил, гибель которого нельзя прозевать, чтобы выполнить задание московского редактора.

Ассис осторожно подгреб к хижине и стал придерживать лодку, держась за одну из свай моста. Прошло минуты три, а мужчина все так же продолжал подергивать веревку. И вдруг паренек закричал:

— Я эста! Я эста! — Уже готово! Уже готово!

Крестьянин выпрямился, резко дернул за веревку и потом быстро обмотал конец за торчавший невдалеке вбитый в дно реки столб. Жакаре проглотил приманку. Он был пойман.

— Слушай, друг, — спросил его Ассис. — Что ты будешь делать потом с крокодилом?

Крестьянин недоуменно посмотрел на него.

— Как что буду делать? Завтра крокодил подохнет, всплывет наверх, я его вытащу на помост, сниму шкуру, а мясо выброшу в речку. Шкуру продам и буду иметь семьсот лишних крузейро. А дальше куплю на эти деньги килограмма два риса для ребят. Разве это плохо?

— А ты не можешь, — продолжал Ассис, — убить его сейчас? Вот серьезный человек хочет посмотреть, как ловят жакаре. Может быть, он даже купит шкуру.

Шкура мне была совершенно не нужна. Но соблазн посмотреть гибель жакаре был слишком велик, и «серьезному человеку» ничего другого не оставалось, как молча кивнуть головой.

В то время когда проходили переговоры, в камышах творилось нечто невообразимое. Попавшийся на крюк крокодил стал бить изо всех сил по воде хвостом и почти всем корпусом

выпрыгивать на поверхность.

— Только я сейчас сразу не буду его брать. Не можете ли подождать минут пятнадцать, а то и полчаса. Пусть он немножко выбьется из сил. Тогда легче подтянуть его поближе к помосту.

Мы подождали минут пятнадцать. Картина оставалась прежней. Правда, ребятишки, дети хозяина, утверждали, что жакаре уже устал. Вероятнее всего, они просто не хотели, чтобы отец потерял покупателя. Обычно крокодил может бесноваться несколько часов подряд, а только потом выбивается из сил и уходит под воду. Но боль от впившегося в челюсти крючка не дает ему лежать на дне, он поднимается с грунта, опять начинает бесноваться, и так, пока не издыхает от полного истощения сил и нервной системы. Но это может случиться и на вторые, а то и на третьи сутки.

Правда, столько ждать нам не пришлось. Крестьянин сдержал свое обещание. Примерно через полчаса он, не отвязывая веревку от столба, стал тихонько подтягивать жакаре к помосту. Шум в тростниках стоял страшный. Когда крестьянину удалось вытащить жакаре на чистую воду, то оказалось, что на крючок попал довольно обычный экземпляр жакаре размером примерно около полутора метров. Несмотря на свою сравнительно небольшую величину, вид его был устрашающий. Бывает, что крючок во время подобной охоты вонзается в одну из челюстей. Но на этот раз крокодил, по всей вероятности, проглотил приманку вместе с крючком. Может быть, он быть очень голоден и поэтому неразборчив в пище. Во всяком случае, челюсти его свободно двигались, и он хлопал ими довольно громко. Ребята на всякий случай прижались к стенке хижины.

— А ну-ка, друзья, выходите быстро на помост, если не хотите искупаться в Тапажосе.

Предупреждение крестьянина было нелишним. Когда ловлю жакаре ведут с борта шлюпки или небольшой моторной лодки, охотникам приходится все время быть настороже. Поймав жакаре на гарпун или на большой крючок, никогда нельзя быть уверенным в собственной безопасности. Очень часто жакаре притворяется мертвым, и когда к нему подплывает лодка с охотниками, то он прилагает максимум усилий, чтобы перевернуть ее. Если же это ему не удается, то он в слепой ярости бросается вперед, стремясь перепрыгнуть через борт. Несмотря на свой небольшой размер — он достигает максимум двух с половиной метров, — жакаре, бывает, и выполняет свое намерение. Правда, это случается только в том случае, если охотники люди неопытные. Мы вошли на помост и помогли подтянуть жакаре к помосту. Сам же хозяин встал на колени, взяв

в руки довольно увесистую дубинку. Когда жакаре был подтянут к самому помосту, крестьянин размахнулся и ударил хищника дубинкой между глазами. Втащить затем животное наверх для трех мужчин было делом пустяковым, потом крестьянин для большей уверенности еще два раза хватил жакаре дубинкой. Охота увенчалась успехом.

Крестьянин вошел в дом и вынес оттуда факон. Перевернув жакаре на спину, он сделал разрез вдоль от челюсти до кончика хвоста и, ловко орудуя факоном, раскрыл шкуру крокодила. Операция не могла вызвать у зрителей возвышенных эстетических эмоций.

На вопрос, много ли здесь встречается жакаре, крестьянин пожал плечами.

— Ну, раз в неделю, по крайней мере, мы обязательно убиваем одного, а то и двух жакаре. А если специально для охоты на жакаре пойти в ближайший игарапе (рукав реки), то пустым никогда никто не возвращается.

Разговаривая, крестьянин кое-как счищал наиболее крупные куски мяса и сала, приставшие к коже жакаре, потом поднялся с помоста и, вешая ее на протянутую веревку, произнес:

— Ну вот, ваша шкура готова. Пускай она полчасика посохнет на солнышке, и можете ее забирать. Вам — удовольствие, а мне семьсот крузейро. По правде сказать, такой прекрасный жакаре стоит все восемьсот крузейро.

Намек был понят, и крестьянин опустил в широкие карманы брюк четыре бумажки по двести крузейро.

Это была большая удача — увидеть своими глазами весь процесс охоты на жакаре.

Хотя бразильский жакаре и уступает своим африканским собратьям — аллигаторам Нила и других рек, все равно дело с ним иметь опасно. Вернувшись в Рио и перебирая свой архив, я встретил заметку от 18 января 1963 года из газеты «О жорнал». Там было помещено интервью с тремя японскими кинооператорами, которые несколько месяцев провели во внутренних районах Бразилии, снимая фильм о жизни на Амазонке. Один из операторов, Кенхиро Накахара, рассказал, что, когда они находились недалеко от городка Абидаса, который расположен километрах в ста выше по течению реки Амазонки от Сантарена, и приготовились снимать нескольких жакаре, отдыхавших на противоположном берегу небольшого притока Амазонки, они увидели, как сверху по течению несет небольшую лодочку, в которой сидел серингейро. У него, видимо, сломалось весло, и он не смог справиться с сильным течением. Заметив кинооператоров, серингейро привстал в лодке, что-то крикнул, но

вдруг потерял равновесие, пирога опрокинулась, и он оказался в воде. Расстояние от японцев до добытчика каучука было примерно сто пятьдесят метров. И тут кинематографисты заметили, что с берега ринулись три больших жакаре. Они стремительно приближались к барахтавшемуся в воде бразильцу, и через две минуты все было кончено. Эту ужасную сцену японские операторы засияли на пленку.

Положив шкуру на корму, мы двинулись дальше. Но не прошло и часа, как Ассис начал потихоньку чертыхаться, бросая рассерженные взгляды на добычу.

— Слушайте, сеньор, — сказал он, — а не лучше ли нам избавиться от этой шкуры? Все равно нельзя взять ее с собой в Рио-де-Жанейро. Ни один летчик вас не посадит в самолет, если узнает, что вы везете с собой свежевыделанную шкуру. Она же плохо начнет пахнуть на следующий день. А сейчас посмотрите, что у нас творится на корме!

Действительно, над шкурой убитого крокодила вился целый рой каких-то больших мух.

— С этими насекомыми нужно быть особенно осторожными, — продолжал Ассис. — Мой брат целый год болел, когда его укусила одна большая муха здесь, недалеко от Бразилиа.

Я, пройдя на корму, скинул шкуру в воду. Она несколько секунд покачалась на волнах, потом медленно опустилась на дно Тапажоса.

Не успела кожа жакаре опуститься на дно, как за небольшим островком открылся вид на поселочек Бразилиа. Здесь нужно было останавливаться на ночевку, потому что до темноты гайола не могла бы дойти до следующего пункта — поселка Авейрос. Кроме того, мы хотели утром завернуть в приток Тапажоса — на реку Купари.

Оставлять лодку без присмотра у причала Ассис не хотел и решил ночевать на борту «Эсперансы». Ничего не поделаешь, пришлось из чувства солидарности устроиться тут же, расстелив на скамейке жесткий брезент. Ассис примостился на корме. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел на усеянное звездами небо. Речные волны, медленно подгоняемые слабым ветерком, чуть слышно плескались о борт лодки. Было не больше семи часов, и спать не хотелось.

— Скажите, сеньор, — вдруг спросил Ассис, — правда, что в ракете летают вокруг Земли три человека из вашей страны?

— Сейчас не знаю, а вообще летали.

— А мы, бразильцы, еще не летали?

— Пока нет, но наступит день, и бразильцы полетят.

— Интересно, говорят, Луна большая, все равно как наша Земля. Там есть такая река, как Амазонка, или хотя бы как эта, Тапажос?

— Что ты! Там вообще не существует никаких рек.

— Вот, наверное, скукота-то у тамошних местных жителей!

— Жителей там тоже нет.

Ассис больше не стал задавать вопросов, видимо усомнившись в глубине моих знаний о жизни на небесных светилах. Однако потом не выдержал, решив поставить все точки над «и».

— В таком случае трудно придется людям, которые попадут на Луну. Рек нет, людей нет. Вы представьте, если бы у нас не было ни Амазонки, ни жителей на Амазонке! Попробуй тогда продраться сквозь чащи и лианы джунглей! Да, трудно им придется: на каждом шагу опасность.

С выводом моториста о трудностях, подстерегающих первых путешественников на Луну, нельзя было не согласиться. Конечно, не вдаваясь в детали относительно лиан и лунных джунглей, Ассис был явно доволен, что собеседник придерживается такого же мнения о существовании риска для первых путешественников на Луну.

— Кто-нибудь есть на гайоле? — вдруг послышался невдалеке голос.

— Есть! — отозвался Ассис. — А в чем дело?

— Подвиньте ее немножко, метров на десять вперед, потому что вы заняли наше место. — В темноте были видны очертания гайолы, похожей на нашу «Эсперансу».

Ассис нехотя встал, покопался под навесом, вытащил оттуда старый железный фонарь и укрепил его на носу лодки, с тем чтобы осветить место новой стоянки, которую предстояло выбрать. Предосторожность оказалась нелишней, так как при свете фонаря можно было увидеть впереди метрах в семи высовывающийся из воды столб с тремя крючьями, о которые в темноте можно было очень легко распороть обшивку бота. Перехватываясь за доски причала, мы осторожно перевели «Эсперансу» на новое место. Ассис не стал тушить фонарь, а понес его на корму, чтобы устроить при свете более удобную постель. Не успел он дойти до места, как вдруг на нас словно обрушился мелкий град. Туча каких-то крылатых насекомых кружилась вокруг светлого пятна, садилась на наши лица, руки, пыталась пробиться сквозь стекло фонаря, к свету. От неожиданности Ассис выронил из рук фонарь.

— Ой, ой! — закричал он. — Это же пото.

Фонарь при падении не опрокинулся, и керосиновая

коптилка продолжала гореть. Дальнейшие действия Ассиса мне были непонятны. Он схватил упавший фонарь, сильно встряхнул его, так что керосин разлился и загорелся внутри фонаря. Затем Ассис размахнулся и выбросил на берег огненный предмет. Он упал на землю метрах в десяти от борта лодки, и тысячи неизвестных пото моментально покинули «Эсперансу». Видно было, как веселый хоровод черных точечек закружился около пылающего факелом фонаря.

— Вот мы попали в беду! — сокрушенно произнес Ассис.

— А в чем дело? Почему ты так испугался?

— Ничего я не испугался, просто не хочется неделю, а то и больше ходить искусанным. Много пото успели сесть на вас, на лицо, на руки?

— Вероятно, штук десять, а может быть, больше. Разве это так важно?

— Завтра утром посмотрите на себя, тогда скажете, важно это или нет.

Действительно, на другой день, при дневном свете мы увидели красноватые следы примерно в два-три сантиметра величиной на наших шеях, руках, а у Ассиса даже на обеих щеках. Это были укусы пото — летучих муравьев. Рубцы долгое время неприятно зудели и исчезли только на вторые или третьи сутки.

Утром в поселок заходить не стали, а пошли дальше, к реке Купари, которая вливается в Тапажос, несколько километров не доезжая до поселка Авейрос. Ассис хотел здесь показать заросли виктории-регии, которых, как он уверял, массу можно встретить в небольшом заливчике километрах в пяти вверх по Купари. Когда «Эсперанса» проходила мимо небольшой речушки, впадавшей в Купари, у Ассиса что-то забарахлил мотор. От больного мотора можно было ожидать разных каверз: все-таки мы поднимались вверх по течению. Пристав к берегу, Ассис стал продувать свечи. Место, где остановилась «Эсперанса», было изумительно красивым. Хотя орхидеи здесь и не росли, в цветах недостатка не замечалось. Вынув фотоаппарат с заряженной в нем цветной пленкой, я приладил телеобъектив и стал с помощью зухера выбирать объект поинтересней. Внимание привлекло высокое дерево. Его темно-коричневый гладкий ствол был безукоризненно строен. Длинные листья ярко-зеленой расцветки в середине казались из-за прожилок фиолетовыми. Крона дерева была усыпана крупными белыми цветами.

— Посмотри, Ассис, какое интересное дерево! Прошу, когда подлатаешь мотор, подойдем немножко поближе, можно сделать хороший снимок и сорвать несколько цветков. Может быть, удастся один из них довезти до Рио.

Ассис посмотрел, куда я показывал рукой, и удивленно присвистнул.

— Хорошо, что вы предупредили меня, — ответил он испуганным тоном. — Вы знаете, какое это дерево? Это ташезейро! Если случайно наткнетесь на подобное дерево, обходите его далеко стороной, иначе не миновать большой беды.

А мне вспомнились пушкинские строки:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

И дальше:

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет — лишь вихрь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

Замечательное стихотворение об анчаре! Правда, Пушкин немного преувеличивал. Действительно, сок анчара ядовит, но все-таки ветер, набежав на дерево смерти, прочь мчался не тлетворным. А вот бразильское дерево на вид такое безопасное, даже красивое, было гораздо опаснее анчара. Бразильцы называют его ташезейро. Дерево обладает чрезвычайно коварными свойствами — вернее, не само дерево, а его обитатели. Оказывается, ташезейро живет в симбиозе с особыми муравьями, называемыми огненными муравьями, или ташиз. Стоит только приблизиться к дереву и задеть за его ствол, как на вас сверху посыплются мириады необычайно злых насекомых. Когда семена этого дерева созревают, то и ветер, если набежит на ташезеиро, «мчится прочь уже тлетворный», потому что семена разносятся ветром во все стороны, словно на парашютиках. Так летят они далеко от родительского ствола, и если поднять такой парашютик с семенем, то внутри вы уже увидите массу муравьев. Можно сказать, что симбиоз огненных муравьев с ташезейро начинается с момента рождения дерева.

Есть документальные свидетельства, рассказывающие о том, как владельцы серингалов применяли очень простой метод, если хотели избавиться от какого-нибудь работника. Они привязывали серингейро к стволу ташезейро, и муравьи убивали человека.

Не знаю, как относятся звери и птицы к анчару, но на ветви

ташезейро птицы никогда не садятся и под сенью кроны его никогда не отдыхают звери.

Починив кое-как мотор, Ассис снова выбрался на Тапажос. И вот уже осталась справа деревня Авейрос, через несколько часов пути показалась Белтерра — одна из немногих бразильских плантаций культурного каучука. История этой плантации довольно любопытна. Идея организовать посадки каучуконосов на Амазонке принадлежит крупным потребителям каучука — Форду и Файрестону. Желая освободить себя от зависимости английской каучуковой промышленности, эти две американские монополии решили попытаться сами организовать производство натурального каучука. Файрестон обратил свои взоры на Либерию, Гудиер — на Коста-Рику, а Форд, следуя совету консула Бразилии в Нью-Йорке, вошел в контакт с тогдашним губернатором штата Пара — Дионисио Бентесом.

Как раз в это время штат Пара переживал наиболее трудный период своей экономической истории. Бентес решил поправить финансы штата и согласился предоставить Форду концессию. Чтобы иметь о ней ясное представление, а также о тех выгодах, которые должен был получить Форд с этой концессии, можно привести отрывок из книги Алсидеса Жентила, которая называется «Концессия Форда и губернатор Дионисио Бентес».

Правительством штата Пара была предоставлена в концессию территория в миллион гектаров. Концессия предоставлялась бесплатно. Форд был обязан производить посадки каучуконосных деревьев на территории концессии, причем количество деревьев, которое должен был посадить Форд, не оговаривалось в контракте. Там было сказано: «По контракту Форд обязан в первые два года посадить на четырехстах гектарах каучуконосные деревья. В третий год — на следующих четырехстах гектарах». Итак, всего на тысяче двухстах гектарах. Но не забывайте, что концессия была размером в один миллион гектаров.

Согласно контракту Форд мог использовать водопады для постройки электростанций, прокладывать на территории концессии железные дороги, устанавливать радиопередатчики, радиостанции, возводить телеграфную связь, иметь на территории концессии собственную полицию, строить фабрики и банки. Фактически это было бы государство в государстве, похожее на «Юнайтед фрут компани» в Гватемале и других центральноамериканских странах. Но это было еще не все. Правительство штата Пара согласно договору освобождало концессию Форда от налогов на ближайшие пятьдесят лет.

Что же получала Бразилия? Что же получал штат Пара? Согласно контракту после первых двенадцати лет Форд должен

был давать пять процентов от своих прибылей правительству штата — вернее, пять процентов от своих официально зафиксированных доходов. Кроме того, два процента он должен был давать центрам муниципалитетов.

Не могу сказать, по каким причинам, но Форд через несколько лет после получения концессии решил отказаться от нее. Бразильцы вздохнули с облегчением. Если бы американские монополии вздумали в то время укрепиться на Амазонке, то выжить их сейчас оттуда было бы довольно трудно.

Мы потратили два часа на осмотр плантации — вернее, осматривал только я, а Ассис не высказал никакого желания высаживаться на берег и идти смотреть этот прилизанный серингал, как он назвал плантацию.

Узнав, что я советский журналист, служащий сказал:

— А сюда еще до вас приезжали несколько лет назад русские люди. Не помню уже, с какой делегацией, но мне товарищ рассказывал, что среди них было несколько человек советских.

Потом я действительно выяснил, что несколько советских географов, прибывших на один из конгрессов в Бразилию, ездили в туристскую поездку по Амазонке и, кажется, были в Сантарене, откуда их, безусловно, возили на Белтерру, потому что плантация является одним из пунктов туристского бразильского маршрута. Белтерра служит как бы показательным объектом, на который возят иностранных туристов и вообще гостей.

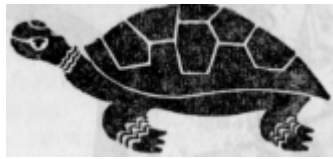
Поблагодарив любезного гида, я вернулся к «Эсперансе», одиноко покачивавшейся у берега. Ассиса нигде что-то не было видно. Наконец минут через десять он появился, держа в руках какие-то камни зеленоватого цвета.

— Я еще в прошлый раз заметил эти зеленоватые камни на берегу Белтерры и все хотел посмотреть, не муиракита ли это. Но, оказывается, это простые камни, ничего не имеющие общего с муиракита.

Муиракита — так называют в Бразилии зеленый минерал, иногда встречающийся в районе Амазонки. Он здесь очень ценится, и иногда даже весь Амазонский бассейн зовут «Страна зеленых камней».

Покинув Белтерру, мы скоро пришли в Сантарен. Ассис остался в Сантарене ремонтировать «Эсперансу». Мне же нужно было возвращаться в Рио.

Путешествие по реке Тапажосу окончилось.



Мои друзья из племени камаюра

Приготовление к экспедиции Ноэл Нутелс — индейский врач • История братьев Вилас-Боас. • Касик дает знак на посадку • Первая ночь в стойбище • Распорядок дня индейцев иолапити • Как готовят вождя • Калапалу танцуют «таубуана» • Путешествие по Туа-Туари • Шаман по совместительству • Праздничные поминки • договор с Такуни • Обряд посвящения • Добывание огня • Обед из муравьев • Охота на такунаре • Нашествие танаангов • Первый читатель «комсомолки» • Главный вождь племени • Изготовление пироги • Ночь в хижине • Избиение капивар • Такуни меняет имя • Индейская свадьба • До свидания, Амазонка!

В полях дозревали ананасы и кукуруза. Владельцы колледжей требовали плату за тринадцатый месяц года. Отели на авениде Атлантика быстро заполнялись старушками янки и прочими туристами. В сводках погоды сообщали о скачках ртутного столбика термометра за тридцатиградусную черту. На календаре висели последние листочки октября. Все в Бразилии говорило о скором приближении лета.

В это время небольшая группа бразильцев занималась деятельными сборами экспедиции. На аэродром в Сан-Паулу свозили ящики с рентгеновским аппаратом, зубоврачебным

креслом, банки с консервами, гамаки, коробочки с рыболовными крючками, ампулы с вакцинами против оспы и дизентерии. Хлопот и дел было много, а времени и рабочих рук — в обрез. Дней до очередного отлета партии бразильских медиков к индейским племенам Центральной Бразилии осталось мало — только-только успеть привести все в порядок.

Приготовления непосредственно касались автора этих строк. Мне уже давно было обещано место в одной из таких экспедиций. За последние месяцы дома на книжной полке появилось много новых материалов, связанных с жизнью бразильских индейцев: книг немецких, английских и бразильских путешественников, ученых и журналистов. Необходимо было создать хотя бы минимальный запас знаний, но еще больше, чем толстые фолианты, помогали беседы с бывалыми людьми, с теми, кто занимается индейской проблемой, и с теми, кто работал с бразильскими индейцами. Конечно, в первую очередь это Ноэл Нутелс. Квартира Ноэла в Рио-де-Жанейро на улице Пирес де Алмейда в доме номер двести два на втором этаже — настоящий этнографический музей. Здесь и музыкальные инструменты, и луки со стрелами, и головные уборы из перьев арара — все сделано руками индейцев, добыто индейцами, подарено индейцами хозяину этого необычного музея-квартиры. Ноэл — врач. Отец его приехал в Бразилию, когда мальчику было всего несколько лет. Они поселились в штате Алагоас, недалеко от реки Каньото, в маленьком городке, который называется Сан-Жосе-да-Лаже. Вокруг здесь расположены сахарные плантации. Потом Ноэл поступил на медицинский факультет, стал врачом и шесть лет прожил с женой Элизой в районе Шавантино. С тех пор вот уже больше 30 лет Ноэл Нутелс считается одним из самых больших специалистов по индейской проблеме в Бразилии, потому что когда Ноэл, его жена и маленький сын вернулись в столицу, то они не забыли своих старых друзей — индейцев. По его инициативе правительство организовало санитарные отряды авиации по обслуживанию индейского населения, скомплектовало группу врачей, снабдило их переносными рентгеновскими аппаратами, медикаментами, и с тех пор врач — частый гость в бразильских джунглях. Ноэл же руководит этими отрядами и сам хотя бы раз в год обязательно выезжает с экспедициями. Вполне естественно, что, когда был формально решен вопрос о моей поездке с одной из таких групп, я старался как можно больше выпытать у Ноэла сведений о жизни индейских племен, а кроме того, я знал, что полетим мы в национальный парк Шингу, занимающий площадь в 26 тысяч квадратных километров, где Ноэл бывал неоднократно.

Здесь я хочу еще раз предупредить читателей, что название парка ничего общего не имеет с нашим представлением о парке. Бразильское правительство издает декрет, по которому определенная территория, скажем заключенная между двумя реками, объявляется национальным парком. Площадь парка Шингу чуть больше половины территории Бельгии или Голландии. Теперь вы можете представить себе, что это за «парк».

Из Ноэла не так-то легко было вытянуть необходимые мне сведения.

— Да вы не торопитесь, увидите все сами, — отвечал Ноэл, посмеиваясь в седые усы, — могу только ручаться, что поездка будет из интересных. Кроме того, вы будете первым советским человеком, посетившим индейцев района Шингу. Впрочем…

Ноэл усаживался поглубже в кресло, закуривал сигарету и рассказывал очередной эпизод из своей жизни на Амазонке.

Однажды на корпункте раздался телефонный звонок. Ноэл просил подъехать к нему, обещая познакомить с интересным человеком, только что прибывшим «оттуда». В комнате сидел коренастый мужчина лет пятидесяти. Черная с проседью бородка, нос с горбинкой, спокойные, глубоко запрятанные под густыми ресницами глаза. «Орландо Вилас-Боас», — представился мужчина и протянул шершавую сильную руку. Имя говорило о многом каждому, кто хотя бы немного интересовался историей индейского населения Бразилии за последние несколько десятилетий. Их было четыре брата Вилас-Боас, и все четверо посвятили свою жизнь улучшению положения бразильских индейцев. Они добились закрепления за индейцами земельных угодий, создали национальный парк на одном из притоков Амазонки, заботятся о материальном обеспечении племен, создают центры помощи индейцам и занимаются массой других таких же важных и нужных для индейцев дел. Орландо Вилае-Боас был начальником того самого района, куда предстояло лететь экспедиции, членом которой я себя уже считал.

Вместо пересказа его биографии я просто приведу запись беседы с ним, сделанную в одну из наших встреч в Рио-де-Жанейро. Вот эти несколько страничек из журналистского блокнота.

«Сегодня в доме у Ноэла Нутелса встретился с Орландо Вилас-Боасом, к которому, вероятно, мы полетим в экспедицию с доктором Ноэлом. Орландо рассказал следующее:

«Сначала нас было четыре брата. Самый старший Клаудио, затем шел я, Орландо, потом Леонардо и младший, Алваро. В джунглях Амазонки работаем уже довольно долго, я и братья. В то время когда мы вышли в первую экспедицию, Алваро был еще

совсем мальчишкой и в ней участия не принимал. Набор в первую экспедицию объявили в 1943 году. Она должна была отправиться в район Шингу, и мы, трое братьев, Клаудио, Леонардо и я, записались, так как хотели узнать внутренние районы Бразилии.

В задачу экспедиции входило проложение трассы для будущей шоссейной дороги Рио — Манаус. Мы вышли из Арагарсаса, чтобы за время экспедиции подготовить в бразильских джунглях восемнадцать посадочных площадок для самолетов. Одна площадка от другой должна была располагаться через каждые сто километров. Недалеко от Серра-де-Ронкадор у нас произошла первая встреча с индейцами шаванти, дикими индейцами, никогда не видевшими в то время белого человека. Встреча эта прошла относительно мирно, потому что ни с нашей стороны, ни со стороны индейцев не было убитых. У нас только оказалось двое раненных индейскими стрелами. Вообще мы, как правило, завязывали самые дружеские отношения с индейцами. За все время экспедиции мы ни разу не стреляли в индейцев.

Экспедиция дошла до реки Кулуэни, и первое племя, с которым мы столкнулись на Кулуэни, было калапалу. Вероятно, и в вашей стране лет двадцать назад публиковали сообщения о том, что в джунглях Амазонки пропала экспедиция английского полковника Фостера.

Это мы его так зовем — «Фостер» для нас привычнее, а английское имя его Фосет, Перси Фосет. Так вот, как потом выяснилось, трех человек, составлявших экспедицию, — самого полковника, его сына и одного паренька, который сопровождал их, — убили индейцы племени калапалу. Мне в 1952 году удалось найти останки англичанина, это было сделать не так трудно, потому что они фактически так и остались лежать на пляже, на берегу реки после случившейся трагедии. Рассказал мне эту историю сын вождя племени калапалу Наймура.

А события развивались таким образом. Англичанин охотился на уток, которых множество в этом районе. Когда раздался выстрел и утка упала в воду, вождь племени калапалу хотел помочь белому человеку с белокурой бородой. Полковник подумал, что индеец хочет украсть утку, и дал ему пощечину. Ночью, когда члены экспедиции улеглись, индейцы размозжили всем троим головы дубинками.

Племя калапалу всегда относилось хорошо к гостям, а Фосет был их гость, но гость должен уважительно относиться к хозяевам, поэтому полковник, нарушив правила гостеприимства, поплатился жизнью. Здесь же, в районе Кулуэни, мы потом встретили племена куикуру, мейнаку, иолапити, камаюра, трумаи, которые составляли ядро индейских племен Верхнего

Шингу. Впоследствии, спустившись по реке Кулуэни вниз по течению, мы дошли до места впадения ее в реку Шингу и там познакомились с племенами других индейцев, в частности с журуна, суйя и шу-каража.

Пока добирались до реки Кулуэни, целыми месяцами приходилось идти пешком. Это рассказывать очень быстро, а экспедиция продолжалась двенадцать лет. С тех пор я остался работать в этом районе и вот уже больше двадцати лет живу среди индейцев района Шингу.

В глубине нашего района существует несколько племен, которые до сих пор не видели белого человека. А вообще в районе Амазонки примерно треть или несколько даже больше индейских племен не имели еще контактов с белыми людьми.

Кроме меня, два брата также остались в Шингу, ведая постами, организованными «Службой охраны индейцев». Алваро в те годы еще учился, но время от времени приезжал к нам и проводил на постах по нескольку месяцев, привыкая к жизни в джунглях. В 1961 году Леонардо умер от разрыва сердца. В то время он работал на посту «Капитан Васконселос». После его смерти пост «Капитан Васконселос» был переименован в пост Леонардо Вилас-Боас, а другой пост, безымянный, сейчас назван именем капитана Васконселоса.

Место, где сейчас находится пост Леонардо Вилас-Боас, индейцы называют Макавуку. Там мое постоянное место жительства. Брат Клаудио живет на посту Диауарум.

Мы считаем, что пост Клаудио — основной пост района Шингу. Всего у нас три поста — Диауарум, «Капитан Васконселос» и Леонардо Вилас-Боас.

За время работы с индейцами мне удалось установить, так же как и моим братьям, очень хорошие отношения со всеми племенами, с которыми приходилось встречаться. В этом также очень большая заслуга доктора Ноэла и его жены Элизы, которые прожили в этом районе долгие годы. Если вам удастся устроиться в одну из экспедиций, которые раз или два в год прилетают к нам в Шингу, то сможете наблюдать жизнь индейцев такой, какая она есть, без всяких прикрас, без всякого туристского обмана. Сейчас в Шингу сохраняются строй, обычаи, привычки индейцев такими же, какими они были сто, а может быть, и двести-триста лет тому назад. Язык индейских племен остался, вероятно, тем же, каким он был, когда Кабрал пришел на землю Бразилии.

Сейчас я пишу книгу об индейцах и надеюсь закончить в 1964 году первую часть. Я пишу об экспедициях, о голоде, о том, как мы строили посадочные площадки, об энтузиастах-исследователях и об их друзьях — индейцах. Вторая часть книги

будет чисто этнографической и, вероятно, представит некоторый интерес для людей, занимающихся изучением индейских племен Бразилии».

Эти странички из блокнота в какой-то мере знакомят вас с замечательными людьми, какими являются Орландо Вилас-Боас и его братья.

Орландо ничуть не удивился, узнав о моем намерении, и в ответ на просьбу подсказать, как лучше подготовиться к поездке, сообщил кучу полезных сведений. Во-первых, необходимо взять минимум вещей, не нужно приобретать никаких пробковых шлемов, охотничьих сапог с высокими голенищами, сеток от москитов и походных радиостанций. Зато желательно закупить продукты на все дни, достать фонарик с запасными батарейками, привезти с собой персональную посуду, и если удастся, то гамак. Кроме того, было бы неплохо захватить с собой запас рыболовных крючков разных размеров и несколько килограммов «конто».

— Может быть, я ослышался: захватить с собой «конто»? — переспросил я. — Скажите, Орландо, зачем нужно брать с собой несколько килограммов «конто»?

— Как зачем? Индейцы будут считать вас своим гостем, и вы должны, по-моему, привезти им какие-нибудь подарки. Рыболовные крючки и «конто» — для них лучший подарок. Я вам дам сейчас адрес магазина в Рио. Вы скажете хозяину, что пришли от меня, и он отпустит «конто» сколько захотите. Ну, — Орландо поднялся и направился к двери, — я пойду в министерство добывать еще кое-что. До скорой встречи в Шингу!

Он давно ушел, а я продолжал пребывать в полном смятении чувств. В наш двадцатый век отправляться в гости и брать с собой для подарка «конто»! Как капитан Кук, как Колумб, как Магеллан. Ведь «конто» означает обычные бусы, вернее бусины. Рыболовные крючки и бусины.

…Самолет идет на небольшой высоте. Сквозь щели иллюминаторов дуют холодные струи воздуха. На полу кабины сложены ящики с рентгеновской аппаратурой и медикаментами. Шесть пассажиров сидят на жестких боковых скамейках и как могут коротают время: четверо играют в карты, доктор Ноэл пытается задремать сидя, а мне не остается ничего другого, как взяться за записную книжку и занести в нее последние события дня, хотя как будто ничего особенного не произошло. Самолет на рассвете вылетел из Рио и взял курс на столицу штата Минас-Жераис город Белу-Оризонти. Здание-модерн аэропорта, витрины с последними номерами газет и журналов, голос диспетчера, объявляющий о прибытии самолетов из Бразилиа, Сан-Паулу, Ресифе, элегантно одетые дамы, ожидающие посадки с букетами

в руках, и стук щеток чистильщика сапог.

Обычная жизнь обычного бразильского аэропорта. Затем посадка в Убераба. Здесь все гораздо скромнее, можно сказать, провинциальнее. И аэропорт, и пассажиры-скотоводы в парусиновых костюмах, в надвинутых на лоб широкополых шляпах, горожане с деревянными чемоданчиками-сундучками, толстый, осоловелый от жары полицейский, лениво попивающий кофе в засиженном мухами станционном буфетике. Потом еще посадка в Арагарсасе. Тут вообще не видно никаких пассажиров и даже не продают в буфете кофе, потому что и буфета-то вообще нет. Перед отправкой из Арагарсаса к командиру нашего самолета подошел какой-то старик и спросил, в каком направлении мы летим.

— Пост Леонардо Вилас-Боас, — ответил командир. — А в чем дело?

— Жаль, — вздохнул старик, — я сам с асьенды «Сети де сетембро». Это километров сто пятьдесят отсюда. Позавчера двое ребят отправились на лошадях в мато (не очень высокий лес, отличается от сельвы, почти непроходимого тропического леса) и до сих пор не вернулись. Я думал, подбросите меня к дому, а заодно и посмотрите сверху, может быть, увидим ребят. Парни в этих местах новенькие. Очень просто могут совсем пропасть.

Посадку в асьенде наш самолет сделать не мог, а внимательно прощупать участок леса летчик обещал. И вот сейчас мы идем на бреющем полете по направлению к посту Леонардо Вилас-Боас, нашему конечному пункту экспедиции.

Внизу ровный ярко-зеленый ковер. Начало чуть-чуть смеркаться, и отдельных деревьев с высоты двухсот метров не видно. Только с уверенностью можно сказать, что внизу нет и признаков человеческого жилья: ни тропинки, ни поля, ни домика. Но вот из кабины экипажа вышел командир и объявил о подходе к посту. Самолет стал делать поворот, и под крылом оказалась небольшая поляна с несколькими странными на вид хижинами… В сторону леса от них быстро передвигались какие-то точки.

— Нас бегут встречать, — сказал Ноэл. — Ну вот и добрались, товарищ корреспондент!

Через минуту самолет резко пошел на посадку, хотя никакой дорожки под нами и в помине не было. Мимо стремительно замелькали деревья, колеса запрыгали по кочкам, еще, еще и наконец остановились. Я жадно припал к иллюминатору. Ничего не видно. Сплошная стена леса. Может быть, мы не там приземлились?

— Доктор, — крикнул я Ноэлу, — вы уверены, что мы

прилетели туда, куда хотели?

— А как же, — ответил спокойно Ноэл, разглаживая усы, — касик дал знак идти на посадку.

Какой касик? Какой знак? Но времени ни на вопросы, ни на ответы уже не было. Пора открывать задраенную дверь, забирать первым делом фотоаппараты и выскакивать на землю, а то того и гляди можно упустить что-нибудь интересное. Замок двери самолета заело, наконец он поддался. Я собрался было соскочить на землю, но тут случайно поднял глаза и невольно отпрянул назад.

Прямо на самолет бежала с луками и копьями в руках большая группа индейцев.

— Не стоит выпрыгивать, успеете. Сейчас опустим лесенку, — спокойно заметил Ноэл, видимо не разобравшись, по какой причине я замешкался у выхода. — А вот и Орландо! — воскликнул он, показав рукой на стоявшего неподалеку мужчину, выделявшегося среди остальных не только своей белой кожей, но также и одеждой. На нем были длинные белые полотняные брюки. К этому моменту индейцы подошли вплотную к самолету, и некоторые из них, увидев доктора, приветствовали его: «Ноэл! Ноэл!» Было ясно, что доктора здесь знают и уважают. Сейчас уже можно было рассмотреть наших будущих хозяев. Первое, что бросилось в глаза, — полнейшее отсутствие обмундирования. Ни шляп, ни галстуков, ни тапочек, ни даже элементарных купальных костюмов или плавок не было ни на одном из встречающих нас индейцев. Опустили лесенку, пассажиры сошли на землю, и сразу же к нам потянулось множество дружеских рук. Хозяева спешили поздороваться с гостями, похлопать их по плечу. Несколько человек действительно держали в руках луки со стрелами, а то, что было принято за копья, оказалось простыми палками, принесенными, как выяснилось впоследствии, для переноски грузов, которые привез самолет.

Подождав, пока выгрузят вещи, все двинулись по направлению к индейской деревне. Впереди Орландо, за ним пассажиры самолета, и сзади индейцы гуськом, с поклажей на голове. Воздух был душный и влажный. От стоящих по бокам тропинки деревьев исходил какой-то пряный аромат. Еще пахло немного бензином от самолета. Небольшие стайки зеленых попугайчиков с пронзительным криком проносились над головами. Метров через триста тропинка вывела на большую открытую площадку, где виднелось несколько навесов и хижина, похожая одновременно на громадный шалаш и на стог сена. Это был дом хозяев — индейцев племени иолапити. Экспедиция прибыла на пост Леонардо Вилас-Боас. В этот момент над

поляной показался силуэт самолета. Наш воздушный корабль улетал на базу. Теперь возвратиться на «большую землю» можно будет только не раньше чем через десять дней.

…Первая ночевка прошла беспокойно. Спать в гамаках не очень-то удобно, к тому же и окружающая обстановка была довольно необычной. На окраине поляны засветился слабый огонек костра, через час на другом конце поляны еще один, потом еще и еще. Между столбов, к которым прибывшие гости привязали свои гамаки, скользили какие-то тени, и рядом чувствовалось присутствие многих людей. В один из моментов, когда все стихло, вдруг послышался резкий, пронзительный крик метрах в десяти от нашего навеса. Потом опять тишина. Затем примерно через полчаса глухой стук упавшего на землю предмета и топот множества бегущих босых ног. Снова тишина, прерываемая каким-то стрекотанием, и совсем неожиданно пение петуха, всем знакомое «ку-ка-ре-ку». Большинство под навесом, видимо, тоже не могло заснуть: над гамаками то и дело вспыхивали огоньки сигарет. Так прошла первая ночь на посту Вилас-Боас.

Все были уже на ногах, когда в прозрачном синем-синем небе появилось солнце. Дневной свет снял пелену таинственности со многих ночных явлений, к тому же Орландо с большой охотой ответил на все недоуменные вопросы. Оказывается, в течение ночи к посту подходили новые племена, заранее оповещенные о предстоящем прибытии докторов. Добравшись до поста, они разбивали лагеря на опушках леса, и их костры виднелись ночью вокруг. Группы индейцев шли через наш навес, и мы чувствовали в отдельные моменты присутствие ночных гостей. Пронзительный крик издал спросонья большой зелено-желтый попугай арара — самое ценное домашнее животное местных индейцев. Что же касается глухого стука и топота множества ног, то и данный факт объяснился просто: недалеко от индейской хижины растет большое дерево пеки. Плоды пеки, похожие на солидных размеров зеленого цвета апельсины, очень ценятся индейцами и занимают почетное место в рационе. Но вы никогда не увидите, чтобы индеец сорвал с дерева плод пеки. Только когда пеки упадет с дерева, индеец возьмет его, зная, что плод созрел. В данном случае сознательность причиняет довольно много неудобств. В основном пеки почему-то падают с дерева ночью, и так как собственность эта, пока находится на дереве, общая, то индейцы, обладающие очень чутким сном, услышав ночью стук о землю упавшего плода, сразу же выскакивают из хижины и бегут обшаривать в темноте площадку под кроной. Наконец кто-нибудь находит пеки, и все возвращаются в хижину спать. Спать до тех

пор, пока очередной плод не упадет, и тогда опять все вскакивают и бегут искать пеки. Говорят, что пеки содержат витамины А или С. Но вскакивать по нескольку раз в ночь из-за каких-то витаминов — процедура не из приятных и не из легких.

Что же касается стрекочущих звуков, то издавались они цикадами. Большие, с телом, похожим на майского жука, и стрекозиными крыльями, цикады десятками летали около жилищ. Петух, оказывается, принадлежал Орландо и жил на посту всего один день, прилетев в одном с нами самолете. Индейцы всполошились после крика петуха: до сего времени им никогда не приходилось иметь дело с подобной птицей.

Индейцы проснулись раньше нас, и можно было видеть, как они один за другим спускались с обрывистого берега реки и минут через десять возвращались в хижину мокрые после купания, дрожащие от холода: температура воздуха утром была «всего» градусов двадцать пять, а воды по меньшей мере тридцать. Нам же речные ванны не принесли никакого облегчения. Затем мужчины иолапити совершали утренний туалет: около входа в хижину ставилась большая глиняная чаша с темно-коричневой краской, добытой из растения уруку, перемешанной с растительным или рыбьим жиром, и женщины обмазывали своих мужей с йог до головы этой краской. Некоторые, кроме того, проводили сажей широкие черные полосы под глазами и накладывали поверх волос, обрезанных «под горшок», толстым слоем яркую красную краску. Последняя операция заключалась в наматывании вокруг предплечий обеих рук и на щиколотках ног длинных полос лыка, так называемых «итикелакати». Оставалось надеть ниточку бус вокруг талии, и туалет на этом заканчивался. Все процедуры занимали у каждого не менее часа. Женщины отличались большей деловитостью. Они не мазались уруку, не красили волосы, а только иногда накладывали красную краску на верхнюю часть лица и надевали на шею несколько ниток бус одного цвета, по преимуществу голубого.

В это время врачи и их помощники готовили медицинский пункт «по обслуживанию местного населения»: устанавливали рентгеновский аппарат, проверяли зубоврачебное кресло, кипятили шприцы и натягивали тент. Вокруг толпилось много любопытных индейцев, в основном из племен, подошедших минувшей ночью. Это были камайора, мейнаку, суйа и несколько человек из племени калапалу. Индейцы почти все не говорили на португальском языке и при разговорах с врачами пользовались помощью своих более эрудированных товарищей. Среди «переводчиков» выделялся брат вождя племени иолапити Каната.

Он оказался настоящим полиглотом, разговаривая на языках всех окрестных племен и прилично владея португальским. Каната в те утренние часы первого дня имел любопытный разговор с Ноэлом о советском корреспонденте.

— Ноэл, — спросил Каната, указав на меня пальцем, — ититу этот караиба? («Ититу» — «как имя», «как зовут» на диалекте иолапити. «Караиба» — так называют индейцы района Шингу всех белых.)

— О-ле-ги, — растягивая буквы, ответил Ноэл. — Но ты знаешь, Каната, он совсем из другого трибу (племени), чем я или доктор Миранда. Его трибу живет далеко-далеко отсюда.

— Как далеко? — заинтересовался Каната. — Нужно долго лететь по воздуху, дальше реки большой воды (Амазонки)?

— Много, много дальше, Каната, — утвердительно кивнул Ноэл, — нужно спать, спать, спать. — Ноэл стал загибать пальцы на правой руке. — Две руки спать, две ноги спать, и все время идти на очень быстрой каноэ (пирога). Три луны нужно спать, пока приедешь к его трибу. (У индейцев племен Центральной Бразилии до сих пор нет слов, обозначающих числа, превышающие два, но число «пять» называется словом «рука» — уирику. Для счета дней они применяют также понятие «луна» — семь дней.)

— Он очень большой врач? — с уважением посмотрел на меня Каната.

— Нет, — засмеялся Ноэл, — он журналист.

Каната попытался выговорить незнакомое для себя слово, но в данном случае местный лингвист потерпел фиаско. Мне захотелось помочь ему выйти из неловкого положения.

— На языке моего трибу таких, как я, называют «собкор», понимаешь, Каната?

— Конечно, понимаю, — ответил довольный индеец, — ты О-ле-ги из трибу собкор.

Нужно было воспользоваться его хорошим настроением и попросить разрешения осмотреть хижину племени и разузнать, как будут реагировать хозяева, если их пожелают фотографировать. Каната с готовностью согласился познакомить меня с мельчайшими подробностями быта иолапити, но тут раздался крик с берега: «Калапалу, калапалу!»

Вдали, на другом берегу «индейской цепочкой», друг за другом двигалась в нашем направлении группа человек в пятьдесят индейцев.

Это было довольно красочное зрелище. Сначала шли мужчины. Тела их были покрыты особой, праздничной раскраской: поверх слоя уруку виднелись нанесенные черной и

красной краской широкие полосы. В мочки ушей многие мужчины вставили массивные кисточки, сделанные из ярких перьев тукана. Наиболее влиятельные члены племени имели на голове уборы из перьев арара. Каждый мужчина нес в правой руке лук со стрелами, а левой придерживал на плече копье, на одном конце которого был подвешен связанный в узел гамак с завернутым в него набором для добывания огня и принадлежностями для курения. Следом двигались женщины. Каждая из них несла на голове глиняный таз, в который была положена различная утварь и запас продуктов для дальнего пути. У двух мужчин, кроме того, на концах копий сидели попугаи арара.

Подойдя к реке, калапалу уселись в два каноэ, стоявшие у берега, и стали переправляться на другой берег. Женщины и дети сели на дно пирог, а мужчины ехали стоя, выпрямившись во весь рост.

— Ну вот, — сказал Ноэл, — теперь вы можете сказать, что видели все основные племена района Шингу. Оставшиеся значительного этнографического интереса не представляют.

В Рио пришлось перерыть массу материалов, прежде чем найти более или менее точные данные о количестве индейцев, проживающих в Бразилии. По примерным подсчетам, на территории бассейна реки Амазонки, в штатах Мату-Гросу, Гояс, Пара и других местах проживает не более 300 тысяч индейцев. Это на всем громадном пространстве, значительно превышающем территорию Западной Европы! Индейцев в Бразилии в несколько раз меньше, чем в Парагвае, Боливии, Перу или Эквадоре. И между тем еще более половины всего индейского населения Бразилии — около 170 тысяч — не поддерживает контактов с белыми и не знает всех «прелестей» цивилизации. Насколько известно, они не очень огорчены подобным фактом. Как правило, индейские племена немногочисленны. Обычно они не превышают сотни-полторы человек. Иолапити, в гостях у которых мы находились, состояло всего из семидесяти человек: пятнадцати мужчин, двадцати четырех женщин и тридцати одного ребенка и подростка. Раньше, примерно лет пятнадцать назад, племя иолапити было значительно более многочисленно, но на них напало чужое «дикое» племя, перебило находившихся в то время в деревне стариков и подростков, а женщин увело с собой в качестве пленниц. До сих пор иолапити не могут оправиться от того набега.

Каната пригласил нас посетить хижину, но сразу выполнить своего обещания не мог, так как занялся переводческими функциями с прибывшими калапалу. Сначала все они встали в очередь к зубному врачу Самуэлу. Здесь необходимо сказать

несколько слов о самой популярной среди индейцев фигуре — зубном враче экспедиции. Доктор Ноэл считался верховным авторитетом, фтизиолог Нуньес де Миранда, рентгенолог Мартинес Мерелес и фельдшер де Соуза котировались как «паже» — шаманы, причем наивысшей категории. Самуэл же был в их глазах магом-практиком, способным за полминуты вырвать любой больной зуб. Это был, вероятно, самый веселый зубодер на нашей планете. Самуэл не пломбировал, не залечивал, он только наносил обезболивающий укол и немедленно рвал один, а если требовалось, то и два и три зуба сразу. Вырвав зуб, он заворачивал его в ватку и отдавал на память пациенту. В конце рабочего дня Самуэл обычно кричал: «Сеньорес, можете зафиксировать для истории. Сегодня выдрано индейских зубов сто восемьдесят три штуки!» И все-таки индейцы всех племен с большой охотой рвали зубы у Самуэла и уж потом, во вторую очередь, шли на рентген и подставляли руки для прививки оспы.

Солнце стояло прямо над головой, когда Каната развязался со своими переводческими обязанностями и мы, нагнувшись, вошли в хижину племени иолапити. Сразу бросалось в глаза обилие подпорок, к которым было привязано множество гамаков. Некоторые были навешаны в два этажа. Как оказалось, они принадлежали отдельной семье. Верхний гамак — обязательно главе семьи, а на нижнем располагались жена и дети. У иолапити и других племен Шингу не возбраняется многоженство. Если мужчина приносит домой много рыбы, если он удачлив в охоте, если на его долю приходится много плодов маниоки и початков маиса, если он в силах сделать большой запас меда на период дождей и если одна жена не в состоянии засушить, закоптить и обработать все добытое мужем, то он берет ей в помощь вторую жену. А наиболее удачливые, наиболее добычливые вынуждены брать еще и третью. Если бы у иолапити был введен какой-нибудь гражданский кодекс, то там существующее положение было бы закреплено в параграфе, который бы звучал примерно так: «В целях недопущения перегрузки женщины, ее раскрепощения разрешить гражданам иолапити двоеженство и троеженство при условиях перевыполнения месячных и годовых заданий главой семьи». Пока же на юридическом вооружении племени имеются только неписаные законы.

В нескольких местах хижины был разведен огонь, и на кострах готовилась пища для всего племени. На одном две женщины стряпали лепешки из муки маниоки, на другом в глиняном котле варились плоды, на третьем к дровишкам специально подбросили влажного хворосту, и над густым дымом висели, проткнутые деревянными вертелами, две большие

рыбины, предназначенные для копчения. В щели между пальмовым покрытием были засунуты пучки стрел и луки, привязанные лианами плетеные корзинки и верши для ловли рыбы. Хижина имела несколько запасных входов, и около одного из них бросалось в глаза странное сооружение, рядом с которым на кусочке коры возвышались четыре пирамидки грязно-серого цвета, слепленные, казалось, из сырого песка. Как выяснилось, это была соль, приготовленная индейцами сложным способом из листьев речных водорослей. Впоследствии фтизиолог Нуньес де Миранда забрал с собой в Сан-Паулу образцы индейской «соли», и после лабораторного исследования там установили, что продукт является солью поташа.

Сколько мы ни смотрели, нигде не видели, чтобы женщины готовили мясные блюда. Потом у Канаты удалось выяснить, что мясо — редкий гость в рационе его племени, да и охотятся индейцы в основном на дичь. Из животных они признают съедобным только мясо макаки, а других животных, тело которых покрыто волосами, в пищу не употребляют. Курьезный случай произошел с Орландо, когда он привез на пост четырех поросят. Вождь племени иолапити Сарироа поинтересовался, для какой цели самолет доставил этих странных животных.

— Они вырастут через год, мы их забьем, и для всех нас хватит мяса на весь дождливый сезон, — ответил Орландо.

— Но ведь они покрыты волосами, а на макак совсем не похожи, — покачал головой касик.

— Ты ошибаешься, друг Сарироа, — возразил Орландо, — они не покрыты шерстью, они покрыты щетиной, и самые мудрые люди племени иолапити не будут возражать против мяса животного, покрытого щетиной.

Касик был сражен, но не убежден железной логикой оппонента, и через некоторое время вопрос все-таки был вынесен на обсуждение мудрецов племени, где и было, так сказать, коллегиально решено не причислять щетину к шерсти. Мясо свиней, однако, есть индейцы отказались.

Когда осмотр хижины почти закончился, Каната подвел посетителей к одному из дальних углов хижины, завешенному старыми гамаками и тряпками. Огороженное пространство не превышало полутора квадратных метров и было похоже на кабину для тайного голосования.

— Здесь, — Каната показал на угол, — стоит мой сын. Он готовится быть великим вождем, и его пока никто не имеет права видеть. — Больше ничего толком добиться от Канаты по этому вопросу не удалось, и лишь несколько дней спустя по крупицам стал вырисовываться смысл этого обряда. Оказывается, старший

сын Канаты уже больше года стоит за этой занавеской, и еще стоять ему необходимо не менее трех лет. Ему запрещается разговаривать со всеми, включая отца и мать. Выходить из своего заключения он может только ночью, и только ночью безлунной. Правда, спит будущий вождь в гамаке, который привязан рядом с занавеской. Как только начинает светать, он уходит опять в место своего заточения. Пищу юноше варит мать отдельно от всего племени. Через четыре года стояния назначается большой праздник, на который собираются все окрестные племена. Выдержавший испытание юноша находится в центре внимания, но для того, чтобы он стал вождем, остается пройти через последнюю пробу — пробу сил в борьбе. Бросается клич к мужчинам, желающим побороть будущего вождя. Вызов обычно принимается, и начинается борьба, которая носит название «ука-ука». Как правило, будущий вождь оказывается победителем. Одержав определенное число побед, юноша допускается к церемонии «провозглашения вождя».

Рассказывали, что сам Сарироа прошел через все эти испытания, и даже в самые голодные периоды года для будущего вождя всегда находили еды столько, сколько он был в состоянии съесть. Испытуемый может не выдержать и сбежать. Тогда для него закрыт путь к возвращению в племя, и он должен или жить один, или просить пристанища в другом племени. Так готовят иолапити местные руководящие кадры.

Когда мы выходили из хижины, одна из женщин что-то сказала Канате, показав пальцем на небритого доктора Миранду и осуждающе поджав губы.

— Что она тебе сказала, Каната? — озабоченно осведомился доктор.

— Она сказала: «Плохо». Она сказала: «Похож на макаку», — добросовестно перевел наш гид.

Все так и покатились от хохота. Дело в том, что индейские племена Центральной Бразилии тщательно уничтожают весь волосяной покров на теле, оставляя только прическу на голове. У них считается неэстетичным вид человека, покрытого волосами. Вот почему бородатый доктор Миранда вызвал такую презрительную реакцию у почтенной женщины из племени иолапити.

Однажды днем мы заметили около лагеря, который разбило недалеко от поста племя калапалу, необычное оживление. Женщины бегали с глиняными чашами, наполненными уруку, и готовили смесь из угля и растительного масла. Мужчины, с утра отправившиеся в лес, вернулись со связками сухих длинных пальмовых листьев. Два старика сосредоточенно приводили в

порядок головные уборы из перьев арара. По всем признакам, готовилась какая-то церемония. Часов в десять несколько человек калапалу пришли под навес экспедиции, расположенный напротив хижины иолапити, и начали обряжаться в одежды для ритуального танца.

Ансамбль исполнителей состоял из четырех человек: двух музыкантов и двух танцоров. Артисты с ног до головы вымазаны черной краской, поверх которой были проведены красные полосы. Танцоры опоясались гирляндами нанизанных на лиану пальмовых листьев. Такие же гирлянды, только гораздо меньшего размера, надели на шею. Волосы, густо намазанные красной краской, прикрыли головным убором из перьев, лицо завесили плетеной маской и к рукам привязали веточки деревьев с ароматно пахнущими листьями. Один из музыкантов положил посреди поляны чурбан и сел на него, держа в руках кусок деревянной трубы, закрытой с верхнего конца. Второй музыкант, взяв инструмент, похожий на гигантскую детскую погремушку, стал за спиной товарища. Сначала была увертюра. Сидевший на чурбане музыкант стал равномерно ударять открытым концом трубы по земле, а его напарник — трясти погремушку. После первых аккордов они дуэтом запели песню в такт музыке. Можно было отчетливо разобрать в песне несколько слов, произносимых вполголоса: «Юмари уманука, юмари уманука, алуа, алуа, алуа, миевене ианавита». Минут через пять на площадку к музыкантам выскочили танцоры и с криками «У-у-у-у, у-у-у-у, ууу-х!» стали кружиться вокруг музыкантов, не спеша поднимая ноги, иногда нагибаясь и размахивая руками. Собравшиеся кругом зрители выражали свое восхищение мастерством исполнителей возгласами: «Тэ! Э, э, э!»

Калапалу исполняли танец трибу суйа — «тарауана». Исполняли в честь хозяев — иолапити. Прошел час, музыканты продолжали петь и играть, а танцоры кружиться по площадке. Прошел второй час, а спектаклю не было видно конца. После первых двадцати минут зрители преспокойно разошлись и занялись повседневными делами, но это не смущало исполнителей: согласно обычаю танец благодарности за гостеприимство должен продолжаться до наступления полной темноты. Некоторое разнообразие наступило часа через четыре, когда хозяева, выполняя заведенный ритуал, поставили невдалеке от музыкантов двух девочек лет по восемь, которые, стоя на месте, стали подпрыгивать, строго придерживаясь ритма, выбиваемого погремушкой. Все это было чрезвычайно интересно, хотя и не подходило под каноны классического балета. Вообще тот день отличался насыщенностью и разнообразием

впечатлений.

Дождаться конца танца не пришлось, так как необходимо было совершить поездку недалеко от поста «Капитан Васконселос», расположенный на берегу Кулуэни. Чтобы читатель имел ясное представление о месте, где находилась экспедиция, достаточно взять карту Южной Америки и найти реку Амазонку. Потом нужно отыскать приток Амазонки — реку Шингу, а затем приток Шингу — реку Кулуэни. У Кулуэни есть свои притоки, один из которых называется Туа-Туари. На ее левом берегу живет племя иолапити, и здесь же расположилась экспедиция.

…Лодка с подвесным мотором скользила по прозрачной воде Туа-Туари, извивающейся среди зарослей бамбуков, пальм и перевитых лианами кустарников. На носу лодки сидел проводник — индеец Тоа и жестом указывал направление, чтобы не наскочить на сгнивший ствол дерева, еле виднеющийся из воды, или чтобы ненароком не сбиться с Туа-Туари в один из многочисленных протоков. Когда лодка замедляла ход, можно было отчетливо видеть жизнь речных глубин.

Вот, лениво двигая плавниками, проплыла полуметровая такунаре — одна из самых вкусных местных рыб. От нее шарахнулись в сторону неуклюжие, похожие на камбалу паку, и их яркая раскраска блеснула в воде всеми цветами палитры. Но такунаре все равно была бы не в состоянии справиться с паку, так что отсюда им не грозила никакая опасность, а вот их пируэт привлек внимание соко — небольшой птицы, чем-то напоминающей дикую утку. Изогнув шею дугой, птица ныряет, и секундой спустя в стае паку становится одним рассеянным меньше. Но тут как раз прибавили оборотов мотору, раздался необычный для этих мест треск, соко с перепугу выпустила из клюва добычу и не солоно хлебавши полетела прочь, тяжело взмахивая крыльями. Выгадал от всего переполоха один Тоа: прыгнув неожиданно в речку, он в несколько взмахов доплыл до места, где трепыхалась на поверхности полуоглушенная паку, ловко ухватил ее за жабры и забросил в лодку. Весь остальной путь он равнодушно сидел на носу, видимо считая поездку для себя оправданной: сегодняшний ужин семье был им обеспечен.

До чего же своеобразна природа на Туа-Туари! Днем, когда нестерпимо светит солнце и воздух так насыщен зноем, что трудно дышать, днем, когда кажется, что все в природе замерло, оцепенев, не находя спасения от бьющих сверху палящих лучей, днем в тропиках бассейна Шингу исчезают полутона, исчезают мягкие, спокойные цвета. Листья деревьев приобретают ядовито-зеленую окраску, река как бы покрывается слоем серебра, а небо такое синее, что прибавь ему еще чуть-чуть — и наступит

перенасыщение, и с безоблачных высот хлынет ливень кристаллов, таких же синих, как небо. Наверное, в это время здесь разрешается летать только тем пернатым, которые расцвечены так же ярко, и бесчисленные стайки попугайчиков, словно оторвавшиеся от деревьев листья, перелетают с одного берега на другой. Но проходит несколько часов, духота спадает, а на ее место приходит легкая дымка тумана. Приходит незаметно, оседая на земле, воде и даже забираясь ввысь, затушевывая излишки красок со всего, что попадается ей на пути. И тут вся живность, прятавшаяся до этой поры в гнездах, чащобах, под шапками тенистых кустарников, вся живность вылезает на свет божий и начинает охоту за более слабыми. Мы надеялись получить какое-нибудь облегчение к вечеру, но появились миллиарды москитов, проникающих во все щели, с прескверным, злым нравом, с единственной ярко выраженной чертой характера — стремлением кусать несчастных путников. Только теперь стала понятна практическая польза от намазывания индейцами всего тела густым слоем уруку: москиты просто не в состоянии укусить местных жителей и, застревая в краске, умирают от злости. Мы же были беззащитны, и оставалось только запастись терпением.

Возвращались обратно в полной темноте. У нашего «джонсона» то и дело засорялись свечи, мотор чихал и останавливался, а течение относило лодку неизвестно куда. Поездка была удачной: все поручения «Капитан Васконселос» выполнены, а в моем блокноте заполнились еще новых десять страничек и про пост, и про встречу с новым племенем, и о неизвестных индейцах, впервые увидевших белого человека, и про многие другие интереснейшие вещи.

Ноэл и Орландо не садились ужинать, поджидая нас. Вместе с ними встречал моторку и Вакукума, индеец из племени камаюра, с которым мы договорились ехать ночью на рыбную охоту. У меня давно был приготовлен для этой цели мощный фонарик, а Вакукума, как вообще все индейцы, не расставался никогда с луком и стрелами.

…Был час ночи, когда наша пирога мягко ткнулась носом в песчаный берег у поста. На дне каноэ поблескивали тридцать две крупные рыбины. Весь улов был отдан компаньону.

* * *

Время командировки промелькнуло незаметно. Наступил момент расставания, и тут я вспомнил, уже подходя к прилетевшему за нами самолету, что не видел ни одного шамана. Позор для советского журналиста! Быть в гостях у индейцев и не разоблачить махинаций хотя бы одного шамана!

— Слушай, Сарироа, — спросил я вождя племени, — а кто у вас в племени шаман? Ну, паже по-вашему?

— А-а, паже, — понимающе кивнул Сарироа, — паже тоже я. Я вождь, и паже тоже я. Слушай, — перевел он разговор на более интересующую его тему, — когда ты вернешься к нам из своего трибу, привези мне долгий свет (фонарик) и хорошую нить для рыбы (леску из нейлона).

Уже в самолете я сделал последнюю запись в блокноте, где говорилось, что у индейцев племени иолапити разрешено совместительство. Пример: Сарироа числится одновременно на двух штатных должностях: вождя и шамана племени.

В шумный Рио я вернулся обладателем уймы записей об индейцах района Шингу и желанием сразу же начать подготовку к следующей, еще более интересной командировке.

Пламя костра освещало перед хижиной Орландо только небольшой участок вытоптанной площадки, не в силах пробить дальше пределов ее густой тропической темноты. Орландо полулежал в гамаке, слегка раскачиваясь и время от времени вставая, чтобы подбросить в костер очередное полено.

Доктор Ноэл, отправляясь в эту экспедицию, все-таки выполнил свое намерение и забрал с собою в самолет легкую раскладушку. Сейчас он спал на ней в стороне, сладко похрапывая, накрыв голову от москитов марлевой сеткой, только теоретически предохранявшей от укусов несносных насекомых.

По всему лесу вокруг поста Леонардо Вилас-Боас виднелись огни костров индейских племен, пришедших сюда, на реку Туа-Туари, как только получили сообщение о прилете экспедиции во главе с доктором Ноэлом.

Второй врач, рабочий-мулат, служивший по контракту на посту Орландо, и я сидели на корточках, смотря на веселые язычки пламени. Рядом с нами пристроилось несколько индейцев, судя по ушным украшениям, из племени камаюра.

Минувший день был настолько насыщен впечатлениями, что было видно, как все смертельно устали. Самолетик экспедиции прилетел часов в одиннадцать утра, и четырехчасовой перелет из Алта-Гарсаса проходил при довольно скверных метеорологических условиях. Но лететь было необходимо, так как доктор Ноэл и его команда врачей обязаны были вовремя прибыть на пост Леонардо Вилас-Боас, где все было готово к празднику и

уже собрались почти все племена или представители племен территории Алта-Шингу.

Правда, праздник интересовал только меня. Доктор же Ноэл и его коллеги рассчитывали воспользоваться праздником, с тем чтобы застать как можно больше индейских племен на одном посту и быстро провести очередной годовой медицинский осмотр индейцев. Все знали также, что начальник поста Орландо Вилас-Боас с нетерпением ожидал прибытия самолета, так как на нем должны были привезти ему продукты и подарки для индейских племен. Несмотря на волнения и опасения, все кончилось как нельзя лучше. Ко всеобщему удовольствию, самолет прибыл вовремя.

Собственно говоря, событие, отмечавшееся на посту Леонардо Вилас-Боас, не подходило под категорию праздника. Оно устраивалось в связи с годовщиной смерти Леонардо — брата Орландо Вилас-Боаса. Даже если быть точным, то смерть Леонардо Вилас-Боаса произошла не в тот день, в который отмечалась годовщина. По местным индейским обычаям, день памяти вождей (а Леонардо индейцы считали одним из верховных вождей) отмечается раз в год, но не обязательно в день годовщины смерти. Этот праздник скорее можно назвать индейскими поминками (скорее всего к празднику подходит название «церемония освобождения душ мертвых»). На языке камаюра он называется гуарипе. Орландо устраивал его, желая собрать индейские племена около своего поста.

Я даже не узнал главной площади стойбища, где в минувшем году прожил несколько дней. В разных концах ее индейцы устанавливали обрубки стволов деревьев. Некоторые из них были разрисованы красной, белой и черной краской. К верхней части лианами прикрепляли самые яркие, самые длинные перья попугаев арара. Некоторые из чурбаков уже были полностью обряжены и установлены на надлежащих местах, около других еще суетились индейцы, торопясь закончить приготовления к началу церемонии. Я обратил внимание, что женщины не принимали участия в подготовке к празднику. Орландо объяснил мне, что каждый такой обрубок ствола символизирует одного из умерших вождей. А вон тот, показал он на самый большой чурбак, принадлежит душе Леонардо.

Суть церемонии заключалась в следующем: племена этого района считают, что когда умирает вождь или же видный деятель племени, то душа его продолжает оставаться в стойбище, и спустя некоторое время необходимо провести церемонию освобождения душ. После церемонии душа вождя покидает стойбище и отправляется в дальний лесистый район, который называется на

языке камаюра итиума. Обычный человек не может попасть в район итиума, потому что он находится совсем рядом с солнцем.

Но вот все приготовления окончены. Мы уселись на почетные места около хижины Орландо. По краям площади разместились остальные зрители и, видимо, часть участников церемонии: дети, женщины, старики. Вдали, за деревьями, можно было заметить группы индейцев различных племен, тела их были раскрашены праздничным орнаментом, на голове у каждого большая диадема из перьев, на шеях и бедрах самые лучшие украшения — нитки голубых бус. Несколько поодаль стояли шаманы племен, вооруженные луками, стрелами, держа в правой руке марака — особый вид колотушки.

По какому-то особому знаку на площади установилась относительная тишина. Шаманы взмахнули марака, и один из них издал крик, имитируя рычание ягуара. Тотчас же после этого с разных сторон на площадь выбежали друг за другом воины различных племен и начали исполнять танец, сопровождаемый песней, обращенной к мавутсиниму. Мавутсиним — это бог войны. Лица индейцев были раскрашены черной краской с поперечными и продольными белыми полосами. Время от времени шаманы опять издавали крик, имитируя рев ягуара, и все воины подхватывали его. Танцы длились минут двадцать пять — тридцать. Потом в центр площади выскочили два воина — лучшие борцы племени. Это были как бы показательные выступления по борьбе. Причем борьба велась в два круга, а победители были известны заранее. В первом круге побеждал один из борцов, во втором круге он обязательно уступал победу товарищу.

В ту же секунду, как показательные соревнования по борьбе завершились, женщины, сидевшие рядом с нами на земле, вдруг ринулись к разукрашенным чурбакам, уселись вокруг них на корточки и стали причитать, плакать, время от времени произнося имя умершего вождя, душа которого была заключена в обрубке дерева.

— Сейчас мы еще немного посмотрим, — сказал Орландо, обращаясь ко мне, — потом будет торжественный ужин, и мы отправимся спать, хотя празднество будет продолжаться всю ночь. Но ничего интересного и нового ты не увидишь, опять будут танцы, песни, но уже при свете костров, а когда Сарироа закончит произносить речь, я тебя разбужу, чтобы ты посмотрел финал гуарипе.

В это время к нам приблизилась группа, состоящая из Канаты, его жены и еще двух каких-то индейцев. Они несли на вытянутых руках жареные куски рыбы, завернутые в кукурузные

лепешки. Я вопросительно посмотрел на Орландо. «Бери, — подсказал он мне, — поблагодари и обязательно при них съешь хотя бы треть угощения».

Управиться с таким гигантским сандвичем, весом не менее чем полкилограмма, было действительно довольно трудно, к тому же перед началом праздника мы плотно поужинали консервами с Ноэлом, но ритуал есть ритуал, и в чужой монастырь не надо соваться со своим уставом. Кроме того, я заметил, что и Ноэл взял преподнесенный ему кусок рыбы с лепешкой и не спеша съел его целиком. Правда, Ноэл никогда не отличался отсутствием аппетита.

Уйдя в хижину, я забрался в гамак, но заснуть не мог. На площади стоял такой гам, от которого мог проснуться и мертвый. Может быть, именно из-за этого шума души вождей и покидают территорию племени, чтобы найти более спокойный уголок для отдыха. Я встал и вышел из хижины. В этот момент закончился очередной танец.

Воины племени под ритм марака, повернувшись лицом к центру площади, с силой топая ногами о землю, отступали, образуя большой круг. На свободном пространстве остались одни шаманы. Они держали в руках какие-то длинные трубки, из которых вился довольно ароматный дымок. Медленно покачиваясь, время от времени потряхивая колотушку, они стали обходить разукрашенные чурбаки, окуривая их клубами дыма. Между затяжками они исполняли песнь богу войны. В это же время женщины-плакальщицы старались изо всех сил, изображая безысходное горе. Но вот шаманы ушли с площади, и на ней остался один Сарироа — вождь племени иолапити. У него был величественный вид. Накидка из перьев, диадема, в одной руке он держал лук, а в другой — пучок стрел. Сарироа стал произносить речь. Зная, что выступление продлится не менее трех-четырех часов, во время которого Сарироа должен перечислить все битвы, в каких участвовали умершие вожди, все их заслуги, достоинства и лучшие качества характера, я решил все-таки пойти вздремнуть.

Было, вероятно, около шести часов утра, когда Орландо разбудил меня. Начиналась заключительная часть праздника. Когда мы подошли, Сарироа заканчивал свое марафонское выступление. Опять появились на площади шаманы и затянули песнь в честь бога войны. Но на этот раз они были на площади не одни — каждый чурбак окружило человек пять-шесть воинов. И вот Сарироа воздел вверх руки и издал воинственный клич. Одновременно, словно по команде, воины подняли раскрашенные чурбаки и торжественно понесли их на берег реки Туа-Туари, но

не туда, где мы обычно купались и где женщины брали воду для приготовления пищи, а к самому глубокому месту, у обрывистого берега. Раскачав чурбаки, они бросили их в речку. Чурбаки не поплыли, так как были тяжелее воды, а упали на дно. Именно в этот момент души умерших отправились в царство итиума.

Я поинтересовался у Орландо, будет ли это место в дальнейшем считаться священным.

— Нет, — ответил Орландо, — как только души вождей ушли в царство итиума, деревянные чурбаки превращаются опять в деревянные чурбаки, и на будущий год их могут вытащить из воды и снова использовать при повторении церемонии. А теперь, — добавил он, — все равно нам сейчас поспать не удастся. Тащи-ка свой гамак сюда, на свежий воздух, потому что через час в хижине будет невозможно дышать.

…Орландо, лежа в гамаке, иногда задавал какой-нибудь вопрос, стремился узнать последние новости с «большой земли». Потом Орландо вспомнил мой первый приезд к индейцам Алта-Шингу за год до этого, когда все для советского журналиста было здесь в диковинку: и жители племени иолапити, разгуливавшие без какой-либо одежды по территории поста; и узкие индейские пироги, бесшумно скользившие но глади речушки Туа-Туари — притоку Кулуэни; и хижина индейцев, в которой жило все племя; и многое, многое другое.

— Мне кажется, — сказал Орландо, — сейчас тебе нет смысла сидеть несколько дней здесь, на посту, потому что много нового трудно будет увидеть. Как видишь, иолапити перебрались отсюда на старое место, племена завтра уйдут каждое в свое стойбище, и жизнь до прилета самолета, который должен забрать вас в Рио, будет идти довольно однообразно. Правда, несколько племен еще должны подойти, так как мы послали гонцов сказать им о приезде доктора Ноэла. У меня есть для тебя другой план. Поезжай-ка с каким-нибудь индейцем, лучше всего с индейцем камаюра, в их стойбище. Путешествие займет примерно два, максимум три дня, а когда сюда прилетит самолет, я договорюсь с летчиком, и он, сделав крюк, заберет тебя. Полета-то здесь всего минут пятнадцать-двадцать. Но, по крайней мере, увидишь настоящую жизнь индейцев, сможешь вкусить ее в полной мере.

Такое предложение полностью соответствовало и моим планам. Орландо как бы угадал мои мысли. Я и сам собирался попросить его провести дипломатические переговоры с каким-нибудь индейцем, чтобы тот согласился совершить со мной двух- или трехдневное путешествие по рекам Шингу.

Орландо слез с гамака и вошел в хижину. Вернулся, держа в руках несколько бананов.

— Очень люблю бананы, — произнес он, очищая один из плодов. — Сколько раз собираюсь завести плантацию бананов, и как-то все время руки не доходят. Такуни! — обратился он к одному из индейцев. — Хочешь банан?

Сидевший у костра индеец засмеялся и отрицательно покачал головой.

— Аните, аните, — сказал он и презрительно сплюнул, скорчив при этом страшную гримасу.

— Что поделаешь, — развел руками Орландо, — не едят они бананов.

Кажется как-то странным, но в Шингу бананы не растут, и индейцы даже не подозревают об их существовании. Когда мы утром сгрузили с самолета продукты, в том числе несколько связок бананов, а потом дали их попробовать индейцам, то они с большим недоверием из вежливости откусили каждый по кусочку и потом долго плевались, желая показать, насколько невкусен этот фрукт.

Орландо снова взгромоздился на гамак и с удовольствием стал очищать один банан за другим, о чем-то задумавшись.

— А почему бы вам не поехать с Такуни? — вдруг произнес он и посмотрел на сидящего у костра индейца, который, услышав свое имя, сначала с любопытством поднял голову, потом встал и подошел к гамаку Орландо.

Между Такуни и Орландо завязался неторопливый разговор, понять смысл которого, не зная языка, было довольно сложно. Правда, то и дело слышалось слово «караиба», и я понял, что речь идет обо мне, потому что всех белых людей индейцы племен Шингу называют караиба. На самом деле караиба — это племя, обитающее на севере Амазонки. Но здесь для индейцев все белые, все пришельцы были караиба. Без сомнения, индейцы племени караиба были первыми иностранцами в районе Алта-Шингу, и потом уж после их визита в этот район всех приезжающих в Алта-Шингу стали называть караиба.

Орландо вел беседу не спеша, и Такуни отвечал ему с большим достоинством, выкладывая какие-то свои доводы, соображения, время от времени доброжелательно посматривая в мою сторону.

Орландо знал почти все языки племен района Шингу, а их, по крайней мере, насчитывалось более дюжины. Он рассказывал, что лучше всего знает диалект тупи, который является языком племен, обитавших ранее на побережье Бразилии. Как раз племя камаюра, к которому принадлежал Такуни, говорит на настоящем диалекте тупи. На него очень похож язык гуарани — индейского народа, обитающего в Парагвае. В свое время иезуиты считали,

что язык тупи является общим для всех индейцев Бразилии. И в наши дни большинство имен флоры и фауны Бразилии, а также названий населенных мест, имеющих индейское происхождение, произошли от языка тупи — гуарани. Если вы начнете произносить по-португальски названия зверей, птиц или деревьев, то окажется, что многие из них совпадают с языком камаюра, языком тупи. Например, название фруктов бейжу и мангабас на языке камаюра тоже будут бейжу и мангаб.

И вот сейчас в беседе, которая велась на языке тупи, решалась судьба будущей экспедиции.

— Между высокими договаривающимися сторонами достигнуто полное согласие, — серьезно произнес Орландо, закончив разговор с Такуни. — Завтра днем можешь отправляться в путешествие. Он обещает через двое суток доставить тебя в стойбище племени. Учти, что Такуни — важный деятель племени камаюра, своего рода заместитель вождя. И это обстоятельство является надежной гарантией хорошего приема в стойбище. В остальном, как вести себя и прочее, советов и указаний давать не буду, ориентируйся смотря по обстановке, и все будет в порядке. А сейчас давайте-ка спать, время позднее.

Утром меня разбудил пронзительный визг поросенка. Солнце еще не совсем поднялось из-за горизонта, воздух был прохладным, и я видел, как индейцы бегом возвращались с реки после купания, дрожа от холода. Проснувшись утром, они обязательно идут на реку купаться и греться, потому что за ночь вода реки не остывает, сохраняя по меньшей мере двадцать пять — двадцать шесть градусов тепла. Температура же воздуха в это время обычно не превышает восемнадцати градусов. Во время купания они смывают с себя краску, которой покрыто все тело как у женщин, так и у мужчин, и потом, возвращаясь в свою хижину или в то место, где ночуют, первым делом наносят на себя новый толстый слой краски, вымазываясь ею с ног до головы.

Верещание повторилось. Индейцы свиней не держат и вообще не употребляют свиного мяса. Было непонятно, зачем Орландо, единственный человек, обладавший во всем Шингу несколькими поросятами, вдруг вздумал с раннего утра заняться приготовлением свиных отбивных. Так я размышлял, пока не обратил внимание, что крик шел с опушки леса у края площадки, где было развешано несколько индейских гамаков. Приблизившись к этому месту, я увидел любопытную сценку. Какой-то индеец, сидя в гамаке, зажал между колен небольшого парнишку лет двенадцати, одной рукой держал его за голову, а второй схватил за правое ухо. Мальчик кричал, как поросенок, которому прищемили хвост. Встав в стороне, я стал наблюдать,

что же будет дальше. Взяв какой-то длинный и острый предмет, индеец отпустил мальчишке голову, однако продолжая крепко держать его за ухо. Потом свободной рукой он неожиданно резким движением проткнул мочку уха мальчика и что-то сердито крикнул ему. Парнишка перестал визжать и только тихонько всхлипывал. Мужчина разжал колени и выпустил свою жертву.

Оказывается, накануне этот мальчик, играя с маленьким луком и стрелами, стал охотиться за такунаре — одной из пород рыб, в больших количествах встречающихся здесь в реке. Охота была удачной, и он принес к гамаку отца две большие рыбины. Это и послужило поводом для утренней экзекуции.

Таков уж индейский порядок: после того как мальчик индейского племени приносит домой первую добычу, знаменательное событие обязательно должно быть отмечено. Как правило, мальчишкам через несколько часов после удачной охоты протыкают мочки ушей, чтобы впоследствии они имели возможность в образовавшиеся отверстия вставить палочку с яркими перьями тех птиц, которые будут ими пойманы или убиты. Вот почему у индейских женщин племен района Шингу никогда нельзя увидеть украшений в ушах. Кроме того, индейские женщины никогда не украшают себя перьями. Это является привилегией мужчин. В этом отношении они отличаются от людей так называемого цивилизованного мира, в котором мужчины перьями себя не украшают, предоставляя это право женщинам. Но зато бусы в индейских племенах носят как мужчины, так и женщины. Правда, женщины, не зная чувства меры, в гораздо большем количестве. Индейцы в восторге от бус голубого цвета, потом отдают предпочтение красным. Белые бусы среди них котируются очень низко.

Говоря о сходстве и различиях между женщинами цивилизованного мира и индейскими женщинами района Шингу, нужно также сказать несколько слов о любви и тех и других к прочим украшениям. Если у наших женщин существуют туалеты и платья, которые украшаются различными медальонами, брошками и прочими безделушками, то женщины племен района Шингу, не употребляя платьев и не имея возможности прикалывать к телу различные украшения, наносят разноцветные праздничные узоры прямо на тело.

Наблюдая семейную сценку, я не заметил, как ко мне приблизился Такуни, и увидел его лишь после того, как он прикоснулся ко мне рукой.

— Что, уже пора ехать? — спросил я вождя, совсем выпустив из виду его более чем скромные познания в португальском

языке. — Я, Такуни, стойбище, камаюра, — спохватившись, сказал я, пытаясь объяснить Такуни свою мысль, и махнул рукой по направлению к реке.

Такуни что-то ответил на своем языке и показал на небо. Ничего другого не оставалось, как скорчить понимающую физиономию и на всякий случай идти складывать вещи.

Между тем вокруг поста шла обычная индейская жизнь. Некоторые мужчины уже отправились на охоту и рыбную ловлю, другие еще стояли около полупотухших костров, и их жены терпеливо обмазывали кормильцев густой темно-красной краской, доставая ее руками из глиняных горшочков, стоявших на земле. Вообще подобные операции у индейцев делятся на две категории: обмазывание краской и раскрашивание краской. Это два совершенно различных процесса. Обмазывание производится каждый день, и даже иногда по нескольку раз в день индеец подправляет стершийся слой краски или то место тела, где краска опадает во время перехода через джунгли. Сами индейцы не смогли объяснить, для чего они вымазывают себя с ног до головы темно-красной краской. Вероятнее всего, смысл такого обмазывания заключается в том, что под толстым, примерно в один-два миллиметра, слоем краски кожа в климате Шингу лучше сохраняет влагу, и индейцу становится легче переносить удушающую жару джунглей. Раскрашивание же преследует чисто эстетические цели.

Оказав помощь мужу, жена своим туалетом начинает заниматься самостоятельно, и муж в этом не участвует.

Через некоторое время на территории поста можно было увидеть лишь одних женщин, которые сразу же стали хлопотать по хозяйству, в основном приготавливая еду. Конечно, женщины индейцев не занимаются охотой. Они ведут только домашние дела и, находясь в своих стойбищах, работают на полях, где выращивают маниоку, кукурузу и другие культуры. Сельскохозяйственные работы считаются обязанностью женщин, табак выращивают сами мужчины. Может быть, у нас тоже стоило бы ввести такое правило: курильщиков обязать самим себе сеять табак, убирать его, ухаживать за ним.

Когда я подошел к домику поста, Орландо уже стоял у дверей хижины, держа в руке небольшой мешок.

— Пора отправляться, а то поздно будет. Когда солнце стоит над головой, путешествие перестает быть приятным. Вот возьми этот мешок, здесь некоторые продукты. Я положил также и несколько килограммов бус для главного вождя камаюра. Если у тебя есть какие-нибудь подарки, то возьми их с собой, но не очень много: два десятка рыболовных крючков, несколько лесок и

ножей будет достаточно. Помни, что через двое с половиной суток за тобой прилетает в стойбище камаюра самолет. Поедете втроем: ты, Такуни и его сын. Зовут его, по-моему, Уаюкума. Гамак у Такуни, наверное, есть.

— Слушай, Орландо! Я хотел бы оставить свой второй рюкзак, чтобы не тащить лишний груз. Ты мне потом перешли его с летчиком.

Орландо обещал переслать вещи, и в этот момент подошли мои спутники. Такуни держал в руках весло, лук и штук шесть стрел. Рядом с ним стоял маленький мальчуган с перекинутым через плечо довольно солидным узлом, видимо состоявшим из гамаков, кое-какой провизии, глиняного котелка и запаса краски для обмазывания.

Перебросившись несколькими фразами с Орландо, Такуни не спеша двинулся вниз, к реке, где стояла его пирога. Сзади следовал Уаюкума, я замыкал шествие.

Через минуту наша пирога уже скользила по реке Туа-Туари, пост скрылся за поворотом, и казалось, что во всем мире остались только три живых человеческих существа — Такуни, Уаюкума и советский корреспондент.

Такуни греб стоя в отличие от других мужчин его племени. Может быть, он считал, что заместителю вождя не подобает вести себя так, как обычным смертным. А скорее всего ему было просто удобнее орудовать веслом и одновременно следить, чтобы нос лодки не напоролся на какую-нибудь полузатопленную корягу. А может быть, причина была в том, что на носу в роли впередсмотрящего сидел на этот раз не опытный индейский воин и даже не сын Такуни, малолетний Уаюкума, а человек, который не был с джунглями еще полностью на «ты». Как бы то ни было, но двигались вперед мы сравнительно быстро.

Через три часа наша пирога вышла на просторы Кулуэни. Уаюкума, намотав на палец конец лески, пытался на ходу поймать рыбу на подаренный ему крючок. А третий пассажир занимался совершенно бесполезным делом, стараясь побороть сотни москитов, питавших какую-то особенную неприязнь к бледнолицым. Правда, потом, когда мы сделали привал, на спине Такуни и его сынишки можно было заметить бесчисленное количество черных точек — погибшие, запутавшиеся в краске москиты. Таким образом, на практике была заметна вся польза обмазывания, совершаемого индейцами. Они сохраняют свою кожу не только от действия солнца, но предохраняют ее и от укусов москитов. Причем краска оказалась довольно эластичной. Как выяснилось, индейцы смешивают краску перед натиранием с маслом фрукта пеки. Утром же, принимая ванну в реке, индейцы

смывают и краску, и погибших в ней москитов.

Солнце уже стояло высоко над головой, когда Такуни резко повернул пирогу к берегу, и через несколько секунд она мягко ткнулась в песчаную отмель.

— Комер (есть)! — сказал он по-португальски и выпрыгнул на берег.

Мы молча последовали за ним. Спрашивать о причине неожиданной остановки было бесполезно. Во-первых, как вы уже знаете, запас португальских слов у Такуни не превышал минимального минимума; мои же познания языка камаюра были значительно скуднее. А во-вторых, по местным обычаям распоряжение вождя должно выполняться без рассуждений. На то он и вождь. По знаку отца Уаюкума вытащил из лодки глиняный горшочек и, юркнув в заросли, вернулся через минуту, неся в руке пачку широких листьев пальмы.

Такуни стал готовить приспособление для добывания огня. Срезав сухой тростник, он отделил от утолщенной части четыре равные палочки и связал их вместе тонким стеблем лианы. Получилось нечто вроде игрушечной изгороди. Укрепив это сооружение на земле между четырьмя колышками, Такуни обложил его вокруг сухими листьями и в верхнем звене тростниковой плетенки сделал небольшое углубление. Затем взял круглую палочку из твердого дерева, заостренную на конце, и, вставив в углубление, стал быстро вращать ее между ладонями. Прошло минуты три, и тростинки задымились. Уаюкума, помогая отцу, присел на корточки и осторожно раздувал пламя. Через несколько секунд Такуни выпрямился, переводя дух. Пот катился с него ручьями, а на крошечной полянке весело потрескивал костер.

Вы можете спросить: почему нельзя было достать коробок со спичками и разжечь костер без описанной сложной процедуры? Но дело в том, что я все свои вещи, как вы знаете, оставил Орландо и, кроме одежды и фотоаппаратов, сознательно не захватил с собой никаких предметов, употребляемых на «большой земле». Раз в задачу входило прожить несколько дней жизнью коренных обитателей этой страны, то неправильно было бы брать с собой спички. Спичек здесь не употребляли и огонь добывали таким способом. Правда, в стойбищах индейцы не занимались добыванием огня, совершая подобные процедуры только во время длительной охоты. В хижинах огонь поддерживался непрерывно. Не знаю, есть ли у индейцев района Шингу специальные хранители или хранительницы огня, но у костров, горевших в их хижинах, непрерывно кто-нибудь дежурил, и ни разу мне не приходилось видеть, чтобы в стойбище не горел огонь в течение

двадцати четырех часов в сутки.

Пока над костром в котелке закипала вода, я обнаружил, что мальчишка довольно неудачно выбрал место для привала. К укусам москитов прибавились не менее болезненные щипки муравьев, так как костер был разведен в непосредственном соседстве с муравейником. Однако Такуни, видимо, это нисколько не смущало. Разложив невдалеке от костра принесенные сыном пальмовые листья, он взял маленькое весло, которое обычно служило для гребли в узких протоках, и сшиб им верхушку муравейника. Затем, зацепив на широкую часть весла солидное количество муравьев вместе с их жилищем, Такуни опрокинул добычу в кипящую воду. Земля муравейника опустилась на дно посудины, а моментально сварившиеся муравьи всплыли. Кончиком весла Такуни осторожно собрал муравьев, вынул их и аккуратно счистил на пальмовый лист. Затем операция повторялась снова и снова. Наконец от муравейника почти ничего не осталось, а на пальмовых листьях выросли аккуратные пирамидки из вареных муравьев.

Затушив костер, Такуни взял горсть добычи и стал мять ее в ладонях, пока она не приняла формы шара. Сплющив его, Такуни получил небольшую лепешечку, которую бережно положил обратно на пальмовый лист — пусть сушится. Минут через десять на солнцепеке были разложены десятка три муравьиных лепешек, и вскоре они высохли настолько, что, по мнению Такуни, были вполне пригодны для употребления проголодавшимися путниками.

Честно говоря, когда ничего другого нет, есть их можно. Немного солоноватые на вкус, они хорошо бы шли с пивом, но на берегу Кулуэни, на окраине бассейна Амазонки, думать о пиве было занятием по меньшей мере беспредметном. Меню нашего обеда составило одно-единственное блюдо. С точки зрения чисто профессиональной, журналистской, я получил стопроцентное удовлетворение.

После обеда Такуни не стал устраивать «мертвого часа», и мы продолжали наш путь по Кулуэни. Время тянулось довольно однообразно. Но вдруг Такуни несколькими резкими гребками подогнал пирогу к левому берегу и завел ее за спускавшиеся далеко над водой лианы с густыми листьями. Вид у индейца был немножко встревоженный. Чуть раздвинув листья, он напряженно всматривался в противоположный берег. Сколько я ни смотрел в том же направлении, ничего, кроме песчаной косы и нескольких черных палок, воткнутых в дальнем ее конце, заметить не мог. Выждав некоторое время, Такуни вывел пирогу из зарослей, но на этот раз не стал грести стоя, а сел на корму лодки. Несколько

сильных движений веслом — и мы выскочили на противоположный берег. Еще раз внимательно осмотревшись, Такуни подбежал к торчавшим невдалеке палкам. Это были остатки потушенного костра, над которым возвышалась так называемая пирамида — сооружение для жарки и копчения рыбы. Она представляет собой три палки высотой примерно около двух метров. Нижние концы их поставлены на земле в виде треугольника, а верхние соединены вместе и завязаны лианой. Получаются, таким образом, три грани пирамиды. Затем на середине этой пирамиды, внутри ее, привязывается площадка параллельно земле. На площадку укладывается рыба, внизу разжигается костер, и печь готова. Материалом для такой пирамиды служат обычно ветки пальмы и бамбука.

Сначала было непонятно, почему проявил такое беспокойство Такуни, увидев обычную пирамиду. Но потом до моего сознания дошло, что мы находимся в глубине джунглей, а не в подмосковном лесу. Где есть след от костра, там невдалеке должны быть и люди. Люди могут принадлежать к дружественному племени, но не исключена и возможность, что к племени, враждебному камаюра, например к кочующим племенам, случайно забредшим в район Шингу. Внимательно осмотрев пирамиду и пощупав потухшие угли, Такуни спокойно пошел к пироге.

— Калапалу! — сказал он, видимо по каким-то особым признакам определив, что костер разводили индейцы дружественного нам племени калапалу.

Раньше индейцы камаюра находились в союзе с индейцами племени трумайс, чтобы совместно отражать набеги воинственных племен, в частности племени суйя. Это племя отличается от других племен тем, что мужчины носят в нижней губе деревянные кружки. В младенческом возрасте мальчикам продырявливают губу и вставляют туда круглую палочку. Когда ранка заживает, маленькую палочку вынимают и вставляют палочку более широкого диаметра. Так, постепенно расширяя отверстие, доводят его диаметр до 5–8 сантиметров. Подобная операция проводится и с ушами. Ушные украшения разрешается иметь и женщинам.

До сих пор отношения между племенем камаюра и племенем суйя остаются довольно натянутыми, хотя и мирными. Однако мир миром, а все же осторожность никогда не мешает. Вот почему Такуни решил проверить, люди какого племени разжигали костер на берегу реки. По каким-то одному ему понятным признакам он определил, что это были индейцы из племени калапалу.

Пройдя еще немного вниз по реке, Такуни свернул налево в небольшой рукав.

— Курисеу? — спросил я, зная, что нам необходимо будет свернуть с Кулуэни в Курисеу, где и находится стойбище племени камаюра.

— Аните, — ответил Такуни.

Я уже знал, что «аните» означает «нет».

Уаюкума захлопал в ладошки и закричал мне, показывая на рот:

— Ереме, ереме!

Что такое «ереме», я не знал, но можно было догадаться, что речь идет о чем-то связанном с едой. Течение речушки было очень небольшим, и Такуни без труда продвигался вверх. Вдруг за поворотом открылся заливчик, а в нем бесчисленное множество виктории-регии. Я схватился за фотоаппарат и с благодарностью подумал о чуткости моих спутников, которые специально отклонились от маршрута, чтобы зайти в небольшую речку и там показать мне эти замечательные цветы. Еще раньше, когда мне в первый раз удалось увидеть издали листья виктории-регии, то показалось, что это плавает вдали зеленая ряска. Но там листья виктории-регии были примерно метр в диаметре. Здесь же каждый лист достигал диаметра до двух метров. Причем края листьев были приподняты до десяти сантиметров в высоту. Свесившись с борта пироги, я попытался сорвать один из листьев, но отказался от своего намерения, потому что внутренняя часть листа была покрыта мелкими колючками. К сожалению, мы попали в неудачное время, так как цвести виктория-регия начинает в январе.

Уаюкума же вел себя совершенно непонятно. Взявшись за борт лодки, он тихонько перекинул ноги и соскользнул в воду. Помедлив мгновение, нырнул и не показывался на поверхности секунд тридцать. Вдруг ближайший к нам лист виктории-регии закачался и поплыл по течению, как-то странно дергаясь. Из воды показался Уаюкума, который шумно отфыркивался и держал в одной руке большой клубень. Это был клубень виктории-регии.

Ни Такуни, ни Уаюкума не собирались заниматься зелеными насаждениями около своего стойбища. Просто они решили пополнить запасы продуктов. Местные индейцы употребляют клубни виктории-регии в пищу и считают их деликатесом.

Уаюкума тут же предложил последовать его примеру и нырнуть вслед за ним в темные воды заливчика. Однако Такуни отрицательно покачал головой и даже несколько раз прищелкнул языком. После того как в лодке оказалось полдюжины корней, Такуни приказал сыну забираться в пирогу. Затем повернул ее на

простор Кулуэни. Мы шли все дальше и дальше от поста Вилас-Боас навстречу далекому и таинственному стойбищу племени камаюра.

…Над Кулуэни уже опустилась темная тропическая ночь, а пирога продолжала идти вперед. При слабом свете луны почти невозможно было разглядеть циферблата часов, но, по моим расчетам, часовая стрелка должна была приближаться к десяти. Такуни греб совершенно бесшумно, и ни одна капля не падала с лопасти его весла. Уаюкума сидел тихо, как мышонок, и, казалось, заснул, скорчившись на дне пироги. Было совершенно непонятно, как Такуни находит дорогу в кромешной тьме. Наверное, подумал я, Такуни решил плыть всю ночь, чтобы быстрее добраться до стойбища своего племени. Но как раз в этот момент вождь камаюра изменил направление движения пироги, и она с легким шорохом, подминая под себя ветки, нежно ткнулась в берег. Это было настолько неожиданным, что мне с трудом удалось уклониться от столкновения со стволом какого-то дерева, горизонтально нависшего над водой, под которым прошла пирога.

— Дормир! [2] — сказал Такуни, выпрыгивая из лодки.

Откровенно говоря, я был в большом затруднении, потому что не мог разглядеть, где и как разыскать подходящее место для прилаживания гамака. Однако этим занялся Такуни. Он как-то удивительно ориентировался в темноте, и не прошло и трех минут, как были готовы «постели». Я надеялся, что Такуни разведет костер и мы сможем хотя бы немного согреться, потому что было видно, вернее слышно, как дрожит от холода Уаюкума, да и я, хотя одетый в рубашку и парусиновые брюки, все же знал, что если сейчас довольно прохладно, то к утру температура снизится градусов до пятнадцати. Но, видимо, Такуни считал, что во время путешествия можно обойтись без некоторых удобств, и, не думая разводить костер, устроился в своем гамаке. Уаюкума забрался к нему же, я влез в свой гамак и постарался заснуть, что осуществить было не так-то легко. Гамак, в котором я лежал, принадлежал индейцам и насквозь пропитался темно-красной краской. От нее шел довольно неприятный запах. Кроме того, москиты и в темноте продолжали свою разрушительную деятельность, безжалостно кусая усталого человека. Наконец желание уснуть взяло верх, и я заснул, не обращая внимания ни на краску, ни на москитов, ни на какие-то шорохи и звуки, доносившиеся из джунглей.

Сколько часов удалось проспать, сказать трудно, но я проснулся от легкого прикосновения чьей-то руки. Открыв глаза, я увидел стоявшего рядом с гамаком Такуни. Луна в это время

освободилась от туч, и свет ее позволял довольно отчетливо разглядеть место, где мы находились.

— Олеги! — произнес Такуни. — Давай длинный огонь, пойдем ипира.

В первый момент со сна было трудно разобрать, что от меня хочет вождь камаюра. Постепенно до меня дошел смысл его слов. Еще днем, когда мы плыли по Кулуэни, я пытался втолковать Такуни о своем желании посмотреть на ночную охоту за рыбами. Но после долгих объяснений так и не был уверен, усвоил ли Такуни, о чем его просили. Оказывается, он прекрасно все понял и сейчас готов был выполнить просьбу. «Длинным огнем» Такуни назвал захваченный с собой в поездку электрический фонарик. Значение слова «ипира» было понятно: я знал еще раньше, что так называется рыба на языке камаюра. Впрочем, запомнить его было не так уж трудно, потому что ежедневно индейцы по нескольку десятков раз произносили его.

Проклиная про себя выпавшую на мою долю индейскую судьбу, я кое-как вылез из гамака и двинулся вслед за Такуни к пироге, где уже находился Уаюкума.

Мальчик сел на корму, взяв в руки весло. Такуни усадил меня в середину лодки и показал, как нужно держать фонарик. Сам он встал рядом, заранее наложив стрелу на тетиву лука. Длинной палкой Уаюкума оттолкнулся от берега и повел пирогу вдоль зарослей кустарников. Орудовал веслом он ничуть не хуже своего отца. Лодка двигалась чуть-чуть. Я сидел у ног Такуни с фонариком, опустив его с левого борта почти к самой воде. Свет проникал глубоко сквозь толщу воды. Вдруг Такуни нагнулся и повернул мою руку с фонарем так, чтобы луч его осветил какой-то участок дна реки примерно в полуметре от борта лодки. Честное слово, мне абсолютно ничего не было видно, но Такуни видел, его стрела была сантиметров на двадцать погружена в воду. Он оттянул тетиву и отпустил ее. Глубина в этом месте была около полутора метров, и двухметровая стрела должна была войти в грунт с таким расчетом, чтобы конец ее, украшенный перьями, торчал над водой. Так оно и было, но при этом стрела как-то странно качалась, дрожала и ходила ходуном, как живая. Такуни быстро взялся за стрелу, еще глубже воткнул ее в грунт, а потом вытащил из воды, и я увидел рыбину длиной сантиметров тридцать, насаженную на стрелу, как на шампур.

— Такунаре, — сказал Такуни.

Хотя стрела проткнула рыбу насквозь, она была еще живой, когда Такуни сбросил ее со стрелы на дно пироги. Уаюкума продолжал вести лодку вдоль берега. Операция повторилась с теми же подробностями, что и в первый раз, и опять я не мог

заметить в глубине реки рыбы, в которую стрелял Такуни. Только на пятый или шестой раз индеец сжалился надо мной и, прежде чем выпустить из лука стрелу, показал рукой в воду. Присмотревшись, я увидел недалеко от самого дна в тускло освещенном фонарем пространстве очертания рыбы, стоящей в водорослях. Тут Такунг выпустил стрелу, и одной добычей стало больше.

Рыбная охота продолжалась часа два или, может быть, три. Когда все дно пироги было усеяно блестящими рыбами, Такуни приказал сыну поворачивать обратно.

Досыпать пришлось очень мало, потому что не успел забрезжить рассвет, как индейцы уже снова были на ногах. Мы убрали гамаки, но когда я повернулся лицом к Уаюкуме, то мальчишка весело рассмеялся, я заметил также и улыбку Такуни.

— Эни, эни [3], — сказал он, указав пальцем на гамак.

Я ничего не мог понять. Тогда Такуни подошел к лежащему на земле гамаку и показал на краску, которой были выпачканы все его звенья, сплетенные из волокон лиан. Я понял, что перемазался в ней и имел довольно комичный вид с точки зрения Уаюкумы. Дело было поправимым, потому что согласно индейским обычаям мы сейчас должны были принимать речные ванны, а краска очень легко смывается водой. Заодно я решил также немножко простирнуть гамак. Вероятно, это был первый гамак в районе Алта-Шингу, который когда-либо стирали. Между тем мои друзья занялись обмазыванием, от чего я все-таки отказался, несмотря на предложение, сделанное Такуни.

Рыба, добытая во время ночной охоты, лежала еще на дне пироги. Погрузив гамаки, мы продолжали путешествие. Но, дойдя до ближайшей песчаной косы, Такуни решил сделать остановку для обработки пойманной рыбы. Он быстро соорудил знакомый уже треугольник, развел костер, над которым положил шесть штук рыб. Затем возвел еще две пирамиды рядом с первой, после чего у нас уже одновременно жарилось восемнадцать рыб. Заготовка продуктов была окончена в два приема. Несмотря на то, что жарили рыбу без соли и некоторые из них наполовину прогорели и превратились в угли, я с величайшим наслаждением съел четыре рыбины, так как с последнего обеда у муравейника времени прошло довольно много. Причем, как вы понимаете, прошлое меню было в какой-то степени однообразным и необычным для человека, никогда не страдавшего отсутствием аппетита. Отец и сын тоже завтракали с колоссальным удовольствием и уничтожили по крайней мере треть пойманной добыли. Оставшихся рыб Такуни завернул в свой гамак и бросил на дно пироги. Мы поплыли дальше.

Я знал, что наш путь должен был проходить мимо одного из постов, кажется, того, который стал называться постом «Капитан Васконселос». Я попытался спросить об этом Такуни, несколько раз повторяя: «Капитан Васконселос, капитан Васконселос» и указывая рукой вниз по течению Кулуэни, но каждый раз Такуни качал головой и произносил: «Аните» — «Нет». Только после двух или трех часов пути Такуни приложил ладонь к глазам, закрывая их от ярких лучей солнца, и закричал:

— Васконселос! Васконселос! — потом обернулся к Уаюкуме и что-то начал быстро ему говорить на языке камаюра, несколько раз повторяя слово «акуамае, акуамае» [4]. Что такое означало «акуамае», я не знал.

Уаюкума продвинулся к носу пироги и, дергая меня за руку, показывал куда-то вдаль.

— Акуамае, акуамае!

Впереди, недалеко от берега, я увидел небольшую пирогу, значительно меньше нашей. В ней сидел какой-то человек. Приблизившись, мы разглядели женщину, которая что-то напряженно рассматривала на берегу и не заметила приблизившуюся к ней пирогу.

Женщина не была индианкой, а принадлежала к белой расе. На берегу виднелась небольшая хижина, которая тоже могла быть построена только руками белого человека: крыша хижины была покрыта оцинкованным железом.

— Добрый день, сеньора! — крикнул я, желая как-то оповестить ее о нашем приближении.

От неожиданности женщина вздрогнула, повернула голову на голос, и на лице ее был написан крайний испуг. Такуни, видимо, был знаком с ней и сказал женщине несколько слов на своем языке. Незнакомка также признала Такуни и произнесла какую-ту фразу, после чего Такуни тоже стал всматриваться в берег, повторив несколько раз слово «танаанг» [5]. Затем подошел вплотную к берегу, повернул лодку к нему кормой и выскочил на сушу. Увидев, что Такуни сошел на берег, женщина тоже подгребла к своей пироге и с какой-то боязнью ступила на землю. Мы вошли в хижину, и тут женщина рассказала о том, что произошло здесь около часа назад.

Оказывается, пост «Капитан Васконселос» подвергся нападению полчищ муравьев сакасайя. Они, по-моему, самые коварные из всех видов муравьев. Сакасайя не строят муравейников, а живут большими колониями под землей. Самое неприятное то, что время от времени эти муравьи дружно выходят на поверхность и перемещаются на очень большие расстояния. Когда миллиарды и миллиарды муравьев вылезают

из-под земли и начинают странствовать, то все живое бежит от них. Кобры, ягуары, дикие свиньи в панике бегут, заслышав приближение муравьиного потока. Птицы поднимаются со своих гнезд и ищут самые высокие места, где не могут быть захвачены этой армадой.

Женщина была супругой начальника поста «Капитан Васконселос», ее звали Силвиа Хандунс. С мужем они живут здесь с 1961 года. Три дня назад он уехал на лодке до места слияния Кулуэни с Шингу, оставив жену дома. И вот примерно за полтора часа до нашего подхода она услышала в лесу страшный шум. Мимо поста пробежали несколько виадо — газелей, которые обычно никогда не приближаются к жилищу человека. Потом промелькнули несколько паки — диких свиней, и женщина поняла, что происходит что-то необычное. Она не была новичком в джунглях и хорошо знала законы леса. Кроме того, собака, которая находилась на посту, пришла в страшное волнение, и это было явным признаком того, что приближаются муравьи, что минут через пять-десять сюда хлынут, съедая все на своем пути, муравьиные стада.

Вы имеете представление, как построены дома обитателей Амазонки, и знаете, что невозможно закрыться в них, так как здесь отсутствуют плотные двери и окна не имеют стекол. Единственная возможность спастись от нападения муравьев — это убежать от них как можно быстрее, убежать к реке и переждать на воде, пока туча крошечных хищников не пройдет мимо. Женщина так и поступила. Если бы она замешкалась, то единственное, что в таком случае ей оставалось, так это как можно быстрее скинуть платье и остаться недвижимой там, где настигли ее муравьи. Полчища муравьев могут пройтись по вашему телу, и, если человек не двинет ни рукой, ни ногой, не пошевелится, тогда муравьи спокойно уйдут своей дорогой. Если же случайно будет сделано хоть какое-нибудь движение, то в ответ вы получите тысячи и тысячи муравьиных укусов, после которых, как правило, человек погибает.

Более века назад натуралист Сен-Илер, путешествуя по Амазонке, сказал: «Или же бразилец покончит с муравьями, или же муравьи покончат с бразильцем».

Такуни назвал муравьев танаанг. Я затрудняюсь сказать точно, что означает это слово в переводе на русский язык, но бразильцы называют этот вид муравьев сакасайя, что значит «снимай юбку», намекая на то, что единственная возможность спастись от таких муравьев — сбросить одежду и неподвижно стоять, пока насекомые не уберутся восвояси.

На посту «Капитан Васконселос» мы пробыли недолго. Жена

начальника поста, осмотрев свои запасы продуктов, которые, к счастью, хранились в железных банках с плотно пригнанными крышками, убедилась, что они не пострадали от нашествия. Как ни странно, но все до одного муравья ушли с территории поста. Сколько я ни присматривался, нигде не мог найти даже следов их, пока, наконец, женщина не обнаружила в чашке с водой, стоявшей на столе, трех утонувших муравьев очень большого размера, каждый величиной до полутора сантиметров. Мне стало не по себе, когда я представил, как миллиарды насекомых стремительно движутся по земле и все живое бежит от них.

Когда пирога отплыла от поста «Капитан Васконселос», Такуни с сыном еще долго обсуждали происшествие. К сожалению, я не имел возможности принять участие в разговоре и только понимающе кивал головой, когда улавливал слово «танаанг» — муравей, то и дело встречавшееся в беседе.

В полдень Такуни решил остановиться на обед. Меню его отличалось от завтрака разве только количеством съеденной рыбы. Больше двух каждый уничтожить был не в состоянии. На этот раз она уже не казалась такой вкусной, как утром.

Продолжив путешествие после обеденного перерыва, мы еще некоторое время плыли по Кулуэни. Потом как-то неожиданно я заметил, что берега словно раздвинулись и река стала вдвое шире. В этот момент Такуни повернул лодку палево, и перед нашими взорами открылась река, почти такая же широкая, как Кулуэни, которая впадала в нее. Это была Курисеу. Орландо говорил, что от места впадения Курисеу в Кулуэни до стойбища племени камаюра нужно пройти примерно километров пятнадцать вверх по течению. Путешествие подходило к концу.

Пирога снова пошла вдоль самого берега, но сейчас уже гораздо медленнее, чем раньше: сказывалось течение. Решив подготовиться к прибытию в селение и не желая ударить в грязь лицом перед индейцами камаюра, с которыми мне предстояло встретиться, я решил рассортировать захваченные с собой по совету Орландо подарки. Вынимая из рюкзака пакетики и сверточки, на дне я обнаружил старый номер газеты «Комсомольская правда». Уаюкума с любопытством смотрел на газетные страницы, абсолютно не догадываясь об их назначении. Он сел на заменявшую скамью палку, положенную поперек пироги, взял газету и стал рассматривать ее, правда вверх ногами. Потом, увидев опубликованные фотографии, видимо, осознал свою ошибку и перевернул газету в нормальное положение. Невозможно было упустить такой интересный кадр: первый молодой индеец в бразильских джунглях, знакомящийся с печатным словом, и каким! «Комсомольской правдой»! Я

поспешил запечатлеть на пленке это историческое событие. Причем номер «Комсомолки» был в самом деле не рядовой, а посвященный советским космонавтам, полету Николаева и Поповича в космос. До какой-то степени это было символично: бразильские индейцы и советские космонавты.

Подержав в руках с минуту номер «Комсомольской правды», Уаюкума, видимо, по достоинству оценил все помещенные там материалы, был удовлетворен верстской газетных полос и качеством опубликованных клише. Он вежливо отдал мне газету и тут же забыл о ней, потому что его внимание привлекла какая-то черная точка, покачивающаяся недалеко от берега.

— Тарикапаа, тарикапаа![6] — закричал он отцу, подпрыгивая от нетерпения в лодке.

Такуни бросил весло внутрь пироги, схватил в руки лук, но наложил на тетиву стрелу не из числа тех, которые употреблял при охоте на рыб, а другую, поменьше, лежавшую у его ног и к концу которой была привязана сплетенная из прочных волокон лиан довольно длинная веревка. Такуни поднял лук вверх, примерно под углом в семьдесят пять градусов, натянул тетиву и пустил стрелу. Видно было, как стрела летела по параболе и потом, достигнув высшей точки, стала почти перпендикулярно снижаться в то место, где виднелся на воде странный предмет, угодив прямо в центр его. Это было хорошо видно. Неизвестный предмет вместе со стрелой тотчас же скрылся под водой. Такуни схватил весло и стал энергично грести к месту падения стрелы. Безусловно, он мог бы распрощаться со своим оружием, если бы к стреле не была привязана веревка, которая сейчас змейкой вилась по воде. В несколько гребков Такуни настиг убегающую веревку, и Уаюкуме удалось схватить ее и намотать конец на руку. Такуни принял веревку у сынишки и стал осторожно подтягивать неизвестный предмет, находившийся на другом конце веревки, к борту. Вскоре из воды показался панцирь солидной черепахи, в середине которого торчала пущенная Такуни стрела. Не без труда добыча была перекинута через борт пироги, к колоссальному удовольствию Уаюкумы, который, вытащив стрелу из панциря, тут же уселся на черепаху.

Через некоторое время пирога с тремя путниками подходила к обрывистому берегу, около которого виднелись такие же, как наша, пироги. А вдали поднимались тоненькие струйки дыма от горевших костров. Мы прибыли в стойбище племени камаюра, в деревню, которая называется Тивативари. У камаюра две деревни. Вторая находится километрах в двенадцати от Тивативари, на берегу озера, и называется Ипаву.

Прибытие пироги, без сомнения, было замечено в стойбище.

Не успела она подойти к берегу, как большинство обитателей хижин стали спускаться к реке. Обычно приезд нового человека в стойбище не вызывает особого любопытства у индейцев, и они, как правило, продолжают заниматься своими повседневными делами. Но приезд белого человека — явление чрезвычайно редкое. Чаще всего индейцы видят белых людей, только если приходят на пост, и то в большинстве случаев на пост является не все племя. Не боясь навлечь на себя подозрение в отсутствии скромности, повышенный интерес к прибытию пироги Такуни можно было отнести на мой счет. Им было, видно, очень интересно встретить белого человека, и к тому же всякий приезд белого означал знакомство с новыми, невиданными предметами и также, вероятно, возможность получить какие-нибудь подарки.

Не успели выйти мы из пироги, как, говоря языком газетного репортажа, к «высокому гостю» протянулись десятки дружеских рук. Индейцы знали об обычае белого человека приветствовать друг друга рукопожатием, и каждый старался показать, что он знаком с этой странной привычкой караиба.

Одним из последних к берегу реки спустился широкоплечий статный индеец с независимой, гордой осанкой. Такуни, не обращая ни на кого внимания, подошел к нему и сказал несколько фраз. Видимо, проинформировал его о своем спутнике. Индеец — это был главный вождь племени камаюра — приблизился ко мне и протянул руку.

— Муйту бен! — Очень хорошо! — сказал он, улыбаясь, по-португальски.

— Муйту бен! — ответил я ему.

На этом торжественная церемония встречи закончилась, и все направились к хижинам.

Деревня камаюра состояла из поставленных в круг четырех хижин овальной формы, самая большая из которых была метров тридцать в длину, двадцать пять в ширину и метров десять высоты. Она вся была покрыта листьями пальмы бурити, от самого конька до земли. В свободном месте между двумя хижинами, вероятно, предполагалось строительство еще одной, потому что там возвышался уже совсем готовый остов. Основанием для хижины служили два толстых столба и по бокам два ряда столбов меньших размеров. Около площадки лежали кучи листьев пальмы бурити. Ими должны были покрывать каркас будущей хижины, так, как когда-то крылись соломенные крыши в наших домах и как кроется черепица — последующий ряд поверх предыдущего.

Выйдя на «городскую площадь», Такуни сделал знак следовать за ним и, нагнувшись, вошел в проем, служивший

входом в одну из хижин. Я без колебания последовал его примеру. Как обычно, в индейских хижинах внутри горело несколько костров, почти на всех стояли глиняные чаны с кипящей водой. Пройдя между развешанными гамаками в дальний угол хижины, Такуни указал на один из них и сказал:

— Неко, эни [7].

Стало ясно, что гамак передавался в полное распоряжение гостя, и отныне эта хижина до прихода самолета должна была служить ему домом.

— Обригадо! — Спасибо! — поблагодарил я по-португальски Такупи и положил в гамак рюкзак, предварительно вынув из него подарки, предназначенные для вождя камаюра.

Повесив на плечо фотоаппараты и нагрузившись свертками, я вышел наружу. Несмотря на то, что мы пробыли в хижине всего минут пять, глаза стали болеть и слезиться: так много дыма было внутри от горящих костров. Вероятно, белый пришелец, с трудом удерживавший в руках коробочки с крючками, пакеты с бусами и свертки с ножами, выглядел со стороны довольно нелепо. К счастью, главный вождь камаюра находился в нескольких шагах от хижины. Я подошел к нему, положил на землю все имущество, ткнул себя пальцем в грудь, потом показал на подарки и на главного вождя камаюра. Даже самый несмышленый человек понял бы смысл этой речи: вот, мол, прибывший в стойбище белый караиба дарит эти подарки главному вождю племени камаюра.

Невольно я стал очевидцем зарождения социального неравенства и возникновения частной собственности в первобытном обществе. Главный вождь рассмотрел все подарки и ровно половину отложил в сторону для себя. Затем передал остаток Такуни, который проделал ту же операцию, отобрав для себя ровно пятьдесят процентов всех вещей. Дележ продолжался со строжайшим соблюдением племенной иерархии. Не знаю, перепала ли хоть одна бусинка женщине, которая в это время подымалась с реки, неся на голове выдолбленную тыкву с водой. Может быть, и да, если эта женщина находилась в каких-либо родственных отношениях с главным вождем племени камаюра. Правда, это было бы легко узнать, потому что в Шингу, когда хотят показать, что тот или иной человек является родственником, то слегка ударяют его по животу.

Можно было расценивать факт «расквартирования» меня в хижине, где жила часть племени, как большую удачу. Обычно во всех предыдущих поездках при посещении индейской деревни всех белых обязательно помещали в стороне от деревни или предоставляли в их распоряжение свободную хижину, чаще всего

рядом с хижиной, где хранятся музыкальные инструменты — полые куски дерева, колотушки, трещотки, дудки и «флейты». Как правило, во всех индейских стойбищах района Алта-Шингу можно встретить хижину, куда запрещен вход женщинам. Это и есть место, где хранятся музыкальные инструменты, так называемая «хижина флейт». В стойбище же камаюра я не встретил такой хижины, и Орландо потом объяснил, что «хижина флейт» камаюра находится примерно в километре от стойбища. Около нее все время несут охрану молодые воины камаюра.

Подарки были розданы, и к моей персоне пропал всякий интерес. Это было очень хорошо, потому что никто не мешал ходить по территории стойбища и наблюдать за жизнью индейцев.

Место, где стояла деревня камаюра, было очень живописным — с трех сторон его окружали рощи фруктовых деревьев мангабаис. Плоды уже созрели. Сорвав один из них, я попробовал. Он был превосходного качества. Такие свежие мангабаис очень редко можно достать в Рио-де-Жанейро. Около одного из деревьев стояли пять ребят. Еще несколько забрались на дерево, собирая мангабаис в плетенки. Наполненные плодами плетенки спускались вниз, где фрукты складывались горкой. Неподалеку три индейца, сидя на корточках, вели неторопливую беседу. Рядом с ними лежали завернутые в гамаки несколько глиняных горшков и плоских тарелок, которые используются женщинами индейских племен при выпечке маниоковых лепешек.

Я подошел к мальчишкам, когда те уже закончили сбор мангабаис с одного дерева, но вместо того, чтобы перелезть на следующее, подбежали к сидящим мужчинам и позвали их посмотреть на результаты своей работы. Двое из собеседников встали, развернули гамак и, оставив чашки-плошки на земле, пошли к собранным фруктам. Завернув в гамак весь урожай, они удалились в лес. Третий же мужчина взял посуду и передал ее ребятам, которые, ловко поставив горшки и блюда на голову, побежали в стойбище. Я только потом сообразил, что присутствовал при натуральном обмене. Индейские племена, естественно, не имеют ни малейшего представления о существовании денег, и так как в районе стойбища племени камаюра растут мангабаис превосходного качества, то племя камаюра поставляет их другим племенам в обмен на гончарные изделия, рыбу или маниоку.

Решив найти Такуни, чтобы задать ему несколько вопросов, я пошел по стойбищу. Разыскать моего друга было довольно сложно; с непривычки все индейцы казались на одно лицо. Прически тоже носили одинаковые, и не было ни причесок «под

бокс» или «польки», а все камаюра, так же как и индейцы других племен Шингу, подстригали волосы в ровный кружок, «под горшок», как мы говорим. Правда, правильнее сказать подрезали, потому что индейцы обрезают волосы острыми зубами пираньи, и только у стариков можно увидеть сзади длинные космы. Сами камаюра объясняют отличие причесок пожилых людей племени возрастными явлениями. «Видите ли, — говорят они, — у него уже умерли отец и мать, старик сирота, и некому за ним ухаживать».

Такуни найти не удалось, но, заметив мое затруднительное положение, ко мне подбежал Уаюкума. Парнишка вопросительно посмотрел на меня и протянул кусок жареной рыбы, завернутый в маниоковую лепешку. Тут только я почувствовал, как проголодался, и был очень благодарен мальчику. Взяв его за руку, я отвел Уаюкуму в сторону. Мы присели на корточки и стали степенно беседовать. Я стал спрашивать, как называются отдельные предметы на языке камаюра, а Уаюкума с охотой повторял за мной португальские слова.

Мне хотелось узнать, сколько человек живет в хижинах племени камаюра. Я стал считать по-португальски проходящих мимо женщин и мужчин: один, два, три, четыре, и потом, делая вид, что сбился со счета, разводил руками и беспомощно поглядывал на Уаюкуму. Мальчишка превосходно понял смысл игры и сам занялся пересчитыванием местного населения: иепете, мокой, моапют [8], загибая по очереди пальцы правой руки, начиная с мизинца. Потом перешел на большой палец левой руки. Сосчитав до десяти, он перебрался на правый мизинец правой ноги и, дойдя таким образом до мизинца левой, в недоумении остановился.

Недалеко от места, где мы устроились с Уаюкумой, в проходе между хижинами на земле виднелся ряд небольших углублений, отстоящих друг от друга метра на три. Сначала у меня возникло предположение, что это место захоронения умерших индейцев племени камаюра. Но в таком выводе пришлось усомниться: ребятишки резво бегали по лункам, не проявляя при этом никакого уважения к предкам, а всем известно, насколько почтительно относятся индейские племена к могилам своих родственников. Подобные углубления встречались и в других местах между хижинами. Только на другое утро, заметив, как женщина разгребла руками ямку и вынула оттуда несколько клубней маниоки, стало ясно, что углубления просто указывали место, где зарыты запасы этого продукта.

В жизни стойбища наблюдался какой-то свой, особенный ритм. На первый взгляд казалось, что многие индейцы просто

ходят с места на место, и не сразу можно было уловить порядок и организованность. Отдыхали индейцы, только что вернувшиеся с охоты или с рыбной ловли. Дежурные по племени проверяли, не появились ли в стенах и крышах жилищ дыры после последнего дождя. Женщины, приготовившие обед, поджидали своих мужей. Ну а у ребят действительно были сплошные каникулы, но в этом винить их никто не мог.

Уаюкума полностью вошел в роль экскурсовода и проводника, считая своим долгом показать гостю все интересное, что было в его племени. Схватив меня за палец, он потребовал, чтобы я шел за ним куда-то к реке. Пройдя вверх по течению метров триста, он показал рукой на двух индейцев, стоявших около дерева жатобы. На коре жатобы виднелся вырезанный контур пироги в натуральную величину. Рисунок был как бы поставлен на попа, причем корма приходилась на нижнюю часть ствола, а нос упирался в место, где от ствола отходило несколько ветвей, образуя густую крону. Контуры пироги были не просто очерчены, а выдолблены в коре до самого «мяса». В различных местах контура под кору были загнаны большие щенки. груда которых лежала также у подножия жатобы. Индейцы не обратили на нас ни малейшего внимания, продолжая сосредоточенно заниматься своей работой. Олин из них взял в руку большую щепку и камень и, ударяя камнем по щепке, начал загонять ее под кору дерева в месте надреза. Уступая сильным ударам индейца, кора немножко отстала от ствола. Воспользовавшись этим, другой индеец вставил в образовавшееся пространство вторую щепку. Эта процедура вбивания клиньев продолжалась часа два. Индейцы ставили своей задачей отделить от ствола часть коры, очерченную контуром, причем отделить целиком, нигде не повредив выкройку пироги и не нанося ей трещин. Наконец наступил момент, когда кора жатобы, очерченная по контуру, совершенно отделилась от ствола дерева. На земле лежала почти готовая пирога — вернее, ее раскрой, на котором, конечно, было довольно трудно куда-либо уехать.

Кораблестроители отнесли этот колоссальный кусок коры в сторону, поближе к реке, и укрепили во внутренней части несколько бамбуковых палок. Потом навалили туда же листья и траву, взяли из горевшего неподалеку костра две головешки и подожгли содержимое. Прошло минут пять, кора под действием огня стала постепенно изгибаться. Индейцы время от времени ворошили горящие листья и, заметив, что в каком-то месте огонь с листьев начинает перебираться на саму кору, тушили там его. Кора продолжала выгибаться. В этот момент палки стали играть роль распорок, не позволяя ей скрутиться в трубку. Процесс

обжигания, или закручивания, продолжался минут двадцать, после чего индейцы залили огонь водой, выбросили полусгоревшие листья и пепел из коры, и пирога практически была готова.

Мы с Уаюкумой пришли к концу работы над пирогой, потому что с примитивными индейскими инструментами самое главное — вырезать на коре дерева жатобы контур пироги и отделить ее от ствола. Интересно, что Уаюкума не сделал никакой попытки помочь строителям пироги, не выразил желания хотя бы поднести листья поближе к коре или поворошить горящую траву. Наши мальчишки, без сомнения, подскочили бы в подобном случае к взрослым или же, по крайней мере, попросили бы разрешения помочь. Уаюкума же стоял все время рядом со мной, не выказывая никакого намерения внести свою лепту в процесс создания судна. Оказывается, он не имел права этого делать.

Индейцы, занимающиеся изготовлением пирог, выполняют только работу по строительству лодок и никогда не участвуют в рыбной ловле или охоте. По законам племени это нм запрещено. Строители пирог даже живут отдельно от племени, и племя снабжает их всем необходимым: рыбой, дичью, маниокой, утварью.

Двое индейцев, изготавливавших пирогу, использовали вместо молотка камни, а третий применял для этой цели дротик, типичный дротик племени камаюра. Племя камаюра изготовляет дротики для большинства племен района Алта-Шингу. Другие племена дротики сами не делают. Здесь при строительстве пироги я в первый раз заметил практическое употребление дротика, потому что большей частью они не входят в состав индейского боевого арсенала, а лишь используются при танцах как бутафория.

Солнце уже почти скрылось за верхушками деревьев, когда мы с Уаюкумой вернулись в стойбище. На площадке перед хижинами царило большое оживление. Группа человек в пятнадцать мужчин стояла вокруг главного вождя камаюра, выслушивая какие-то указания. Женщины уселись рядом у стен хижины, вероятно беседуя о своих домашних делах.

— Иеруп [9], — сказал Уаюкума, показывая на одного из индейцев.

На этот раз я сразу узнал Такуни. Вождь камаюра, увидев нас, подошел и, показывая рукой на появившийся серп луны, сказал:

— Иаю [10], ие [11], эне [12], капиивat [13].

Это слово я знал. Оно означало капивара — один из видов бразильских грызунов, встречающихся в джунглях Мату-Гросу, да,

вероятно, и в других районах Бразилии. Как можно было догадаться, смысл содержательной и яркой речи Такуни заключался в приглашении принять участие сегодня в охоте на капивар. Несколько усвоив привычки Такуни, можно было не сомневаться, что если сейчас лечь спать, то в нужный момент он не забудет разбудить, а заснуть, хотя бы ненадолго, было совершенно необходимо: глаза слипались от усталости — ведь минувшую ночь мы почти не спали, если не считать сном часы, проведенные в скрюченном состоянии в гамаке на берегу Кулуэни.

Войдя в хижину, я направился к месту, где находился предназначенный мне гамак. К своему удивлению, я обнаружил лежавшие на рюкзаке два больших куска рыбы, завернутых в маниоковые лепешки, и три прекрасные мангабаис. Прав был Орландо, утверждая, что племя камаюра наиболее гостеприимное и лучше всех относится к людям, посещающим их стойбище. Камаюра предлагают гостю все лучшее, что имеют: лучшую рыбу, лучший бейжу, лучшие маниоковые лепешки и самую новую сеть.

Недалеко от моего гамака был разложен костер, около которого сидела женщина, помешивая в глиняном котле какое-то варево. Откуда ни возьмись появился Уаюкума, подошел ко мне и, показав на женщину, сказал:

— Аама!

Вероятно, на всех языках мира, даже на языке племен, уровень развития которых еще не вышел за пределы каменного века, слово «мама» звучит почти одинаково. Я понял, что Такуни устроил мой гамак недалеко от места, где расположилось его семейство. Указав на рыбу, маниоковые лепешки и фрукты, лежащие на моем рюкзаке, я как можно приветливее сказал матери Уаюкумы по-русски:

— Спасибо!

Честное слово, она меня поняла и, улыбаясь, несколько раз кивнула головой: мол, пожалуйста, не стоит благодарности. Я лег в гамак и заметил, что на нем почти нет краски. Внимательно осмотрев его, я признал в повешенной для меня сетке ту самую, которую сутки назад отмывал в водах Кулуэни. Глаза слезились от обилия дыма, заполнившего всю хижину. Я лежал в гамаке и смотрел, как семья Такуни ужинала.

Мать Уаюкумы восседала на брошенных крест-накрест бамбуковых ветках, а отец и сын расположились рядом, присев на корточки. Любой человек, путешествующий по бразильским джунглям, когда-нибудь да садился на землю. И тогда он сразу же мог испытать на себе все последствия такого необдуманного поступка. Не проходило и нескольких секунд, как какой-нибудь

муравей или жук начинал кусать неосторожного путника. Находясь в джунглях, индейцы никогда не садятся на землю. Они обычно приседают на корточки. Не случайно поэтому именно обитатели южноамериканских лесов изобрели сеть для спанья.

До сих пор во французском и английском языках применяется слово, взятое из языка ну-аурак, — «амака». У нас в русском языке пошло отсюда «гамак». Наши продавщицы в магазинах культтоваров, говоря, что у них имеются в продаже гамаки, даже и не подозревают, что употребляют слова из языка индейского племени ну-аурак.

Я проспал, вероятно, часа два. Сон был беспокойным, и, когда кто-то, как показалось, совсем рядом спрыгнул на землю, я открыл глаза и увидел Такуни, присевшего у все еще горящего костра. Вероятно, подумал я, настало время подъема, и сейчас все мужчины станут собираться на охоту за капиварами. Но Такуни, погревшись у костра, взял лежащую рядом с хворостом маниоковую лепешку, оторвал кусок, положил на него жареную рыбу и с аппетитом принялся закусывать. Затем он встал, потянулся и забрался опять в свой верхний гамак. Потом кто-то в другом конце хижины тоже выпрыгнул из гамака — выпить глоток воды из тыквы, стоявшей недалеко от входа в хижину, сейчас прикрытого плетеной загородкой. И так то в одном, то в другом месте индейцы просыпались несколько раз за ночь и с аппетитом ели. Рыбу, которую индейцы наловили в течение дня, они съели в основном на протяжении ночи. Кто-нибудь из женщин непрерывно находился около костров. Они являлись своеобразными жрицами, хранительницами огня, а попросту говоря, дежурными истопницами.

По рио-де-жанейрскому времени было три часа ночи, когда Такуни разбудил меня. Все мужчины уже встали и один за другим бесшумно выскальзывали на улицу из хижины, каждый держа в руке лук и стрелы. Причем не тот вид лука, с которым Такуни охотился на рыб, а гораздо меньших размеров, примерно метровой длины. Стрелы тоже были маленькие, напоминающие ту, с которой Такуни охотился на черепаху.

Индейцы шли налегке, ничего не беря с собой, кроме оружия, и можно было рассчитывать на возвращение в стойбище после охоты на капивар в тот же день, хотя охота на капивар, как правило, длится днями и даже неделями. Обычно, направляясь на подобную охоту, индейцы берут с собой маниоковую муку, жареную рыбу, гамаки и даже иногда глиняные котелки для воды. Безусловно, у меня не было никакой возможности принимать участие в такой длительной экспедиции.

На этот раз небо было усыпано яркими звездами, и при свете

луны удалось отчетливо разглядеть все последние приготовления индейцев к предстоящей охоте. В ней участвовали только обитатели нашей хижины, потому что дверные отверстия других продолжали оставаться закрытыми и внутри их не было заметно никакого движения. Командовал отрядом охотников Такуни. Впрочем, все его руководство заключалось в голом администрировании. Махнув рукой, Такуни пошел в сторону леса. За ним гуськом двинулись остальные воины. Мы двигались индейской цепочкой, след в след. Я старался идти совсем неслышно, но все-таки, вероятно, производил при этом шуму больше, чем остальные шестнадцать человек, вместе взятые. Правда, замечаний гостю племени никто не делал.

Такуни дошел до леса и исчез в чаще деревьев. Остальные последовали его примеру. Правда, на мое счастье, лес в этом месте не отличался особенной густотой и кое-что можно было разглядеть. К тому же шедший впереди меня индеец нес в руках кошелку, сплетенную из тонких лиан, в которой тлело несколько головешек, нещадно кадивших, но чуть-чуть освещавших землю. Индейцы шли очень быстро. За час пути мы преодолели, вероятно, километра четыре. Это был очень хороший темп, если учесть, что передвигаться приходилось практически по нетронутому лесу. Я настолько был поглощен желанием не отстать и войти в общий ритм марша, что, когда цепочка остановилась, чуть было не сшиб с ног впереди идущего индейца. Вдруг из-за ближайших деревьев показалось несколько человек, которых не было с нами при выходе из стойбища. Безусловно, по лицам невозможно было бы их отличить от других индейцев даже днем, но каждый из подошедших индейцев держал перекинутый через плечо гамак, а никто из отправлявшихся на охоту непосредственно из стойбища гамаков не брал.

Появление незнакомцев, по-видимому, никого не удивило. Наоборот, их прихода ждали. Такуни подошел к ним и задал какой-то вопрос. Затем все стали полукругом рассредоточиваться по лесу. Расстояние от охотника до охотника было метров пятнадцать. Я старался держаться поближе к Такуни. Индейцы из новой группы подошли к охотнику, державшему в руке кошелку с тлеющими углями и головешками. Положив на землю гамаки, они развязали их и вынули оттуда несколько пустых кошелок. Наполнив кошелки сухой травой и листьями, индейцы принялись раздувать угли, и через минуту содержимое кошелок горело яркими факелами. Подхватив факелы, индейцы бросились с ними в лес, положили на заранее приготовленные места, расположенные метрах в пятнадцати впереди цепи индейцев-охотников, и быстро отошли назад, ьыло видно, как индейцы

подняли луки с наложенными на тетиву стрелами, направив их в пространство, освещенное огнем. В лесу стояла тишина, и только слышно было потрескивание пламени. Прошло две-три минуты, я заметил, как Такуни весь подобрался, и тут же увидел в освещенном кругу довольно большого зверька, чем-то напоминающего крысу. Потом рядом с первым еще одного, еще. Вероятно, у других пылающих факелов можно было наблюдать такую же картину. Стадо капивар, привлеченных ярким светом, не обращало внимания на чуждый им человеческий запах и потихоньку подвигалось все ближе и ближе к огню. Такуни отпустил тетиву. Одна из капивар, та самая, которая первой вошла в освещенный круг, упала, сраженная наповал стрелой Такуни. Другие же, видимо, не замечали гибели своей товарки и словно зачарованные продолжали двигаться вперед, к огню. Такуни выстрелил четыре раза, и все четыре стрелы попали в цель.

Потом где-то на правом фланге послышался визг. Как видно, чья-то стрела только ранила капивару. На этом охота закончилась, потому что остальные зверьки, услышав крик раненой капивары, бросились врассыпную, как будто скинув с себя волшебные чары огня.

Я думал, что после столь удачной охоты все тут же отправятся в стойбище и понесут с собой богатую добычу, но индейцы поступили иначе. Разведя большой костер, они имеющимися у них четырьмя ножами ловко освежевали капивар, бросили тушки животных, забрав с собой только шкурки. Большинство индейских племен бассейна Амазонки поклоняются богу Тупе. Они верят, что Тупа правит миром, людьми, зверями, а также движет звезды. Почему-то этот бог в далекие времена издал распоряжение, запрещающее индейцам есть мясо волосатых животных. Этим самым, на мой взгляд, он лишил их очень большого удовольствия, так как они могут прожить долгие годы, не имея ни малейшего представления, что такое свиная отбивная, бифштекс или просто кусок хорошо зажаренного мяса.

Назад в стойбище возвращались, придерживаясь ранее установленного порядка. Впереди Такуни, за ним — остальные участники коллективной охоты. До хижины дошли, когда уже забрезжил рассвет, и снова ложиться в гамак спать не имело никакого смысла.

Я интересовался потом, для чего индейцам шкурки капивар, если учесть, что ни один из них не нуждается в меховой одежде и вообще все круглый год ходят очень легко одетыми, не имея ничего на теле, кроме нескольких ниток бус или ожерелий и палочек с перьями, воткнутых в мочки ушей. Оказалось, что

шкурки капивар индейцы отдавали Орландо, а тот, продавая их в городе оптовым скупщикам, покупал на вырученные деньги необходимые продукты и вещи для индейцев, значительно пополняя таким образом скудные ассигнования, выделяемые ему на эти цели по государственному бюджету.

В других районах Бразилии в последнее время уничтожены многие тысячи капивар. И сейчас в местах, где есть какое-нибудь население, этих животных очень трудно увидеть. Капивары ценятся из-за своего меха, который идет даже на экспорт. Специалисты утверждают, что если уничтожение капивар будет продолжаться такими темпами, то вскоре они станут так же редки, как, предположим, серебристый соболь или голубой песец.

Когда после возвращения с охоты я зашел в хижину, то ко мне подошла жена Такуни и предложила какую-то жидкость, налитую в выдолбленный плод. Сначала я подумал, что это вода, и не знал, отказаться или нет. Но потом решил попробовать. После первого же глотка я узнал гуарану — излюбленное питье жителей этого района. Гуарана приготовляется из плодов дерева гуараны, высушенных и растертых в порошок. Потом этот порошок растворяют в воде, и напиток готов к употреблению. Он очень приятен на вкус и хорошо освежает. Гуарана, приготовленная фабричным способом, продается в любом городке или поселке Бразилии, очень успешно конкурируя с американской кока-колой.

Напившись, я хотел было вернуть посудину, но потом решил осмотреть ее и поднес к свету. Вероятнее всего, она была сделана из какой-то особой тыквы. Заметив интерес к ее собственности, жена Такуни взяла меня за руку и подвела поближе к одной из стен хижины. Там стояла выдолбленная' колода, полная воды.

В воде лежало несколько тыкв, подобных той, которую я держал в руках. Женщина вынула одну из тыкв из воды и подала мне. Она была тяжелой, наверное килограмма четыре весом. Но стенки тыквы были необычайно податливыми и мягкими. Им можно было придать любую форму. Оказывается, они ничего не имели общего с тыквами, а являлись плодами какого-то большого дерева. Когда плод еще не совсем созрел, его осторожно срывают, отрезают верхнюю часть и, погрузив в воду, держат там двое или трое суток, после чего стараются придать ему нужную форму, что очень легко сделать. Затем осторожно выскребают семена, находящиеся внутри плода. Потом полую кожуру от плода выставляют на солнце, и дня через два после того, как он высохнет, посуда годна к употреблению.

Не успел я закончить осмотр индейской кухонной утвари, как в проеме хижины появился Такуни и позвал меня. Я последовал

за индейцем, который направился в хижину напротив нашей, несколько раз по дороге оглядываясь, желая убедиться, что гость следует за ним.

У входа в хижину стоял главный вождь камаюра. Такуни подошел к нему, сделав жест рукой: мол, привел согласно вашему приказанию. Вождь что-то стал мне торжественным тоном говорить, непрерывно при этом улыбаясь. Безусловно, понять что-либо из его речи было довольно трудно. Но правила этикета и хорошего тона говорили о необходимости как-то реагировать на слова главного вождя. И я, тоже улыбаясь, вежливо кивал головой после каждой паузы в его речи. Закончив монолог, главный вождь повернул меня спиной к себе и лицом к солнцу, несколько раз слегка ударил между лопатками, повторяя при этом после очередного удара: «Такуни, Такуни, Такуни». Потом подул мне на грудь и прошептал в каждое ухо: «Такуни, Такуни». Эту же операцию он проделал с Такуни, только теперь уже после каждого удара между лопатками Такуни он произносил: «Олеги, Олеги». А потом стал и ему дуть на грудь и шептать на ухо мое имя. Ту же процедуру совершил надо мной Такуни и затем жестом пригласил меня повторить обряд над ним.

Стало понятно, что Такуни решил поменяться со мной именами. После этого ритуала все в племени камаюра до самого моего отъезда Такуни звали Олегом, а меня — Такуни. Конечно, я не уверен, что сейчас Такуни не вернул обратно своего имени. Все зависит от его желания. Старое имя обрести довольно просто. Делается это без излишнего бюрократизма, потому что у индейцев не существует ни удостоверений личности, ни паспортов, не говоря уже о бюро записи актов гражданского состояния.

Между тем племя готовилось к какому-то знаменательному событию. В разных местах можно было заметить мужчин, занимавшихся разукрашиванием. Кроме того, я видел, как несколько человек углубились в лес по направлению к «хижине флейт». Все мои попытки расспросить Уаюкуму и Такуни, что здесь будет происходить, успеха не имели, хотя они изо всех сил старались объяснить мне смысл готовящейся церемонии.

Мне приходилось присутствовать на нескольких индейских праздниках. В большинстве из них в танцах принимали участие только мужчины. А здесь было видно, как женщины стали раскрашивать свое тело красной краской и украшать себя листьями различных деревьев, преимущественно темного цвета. Все женщины надели на талию полоску желтого цвета, сплетенную из волокон, похожих на наш хлопок. Прошло еще часа два, а приготовлениям не было видно конца. Из разных

хижин сносились в одно место, недалеко от центра площадки, маниоковые лепешки, жареная рыба и посудины с кашири. Кашири — это алкогольный напиток, насколько я знаю, единственный, употребляемый индейцами Алта-Шингу. Они готовят его из маниоки или из кукурузы, примешивая туда сок сахарного тростника и добавляя воду. После нескольких дней ферментации кашири готова к употреблению. Мне как-то предложили попробовать плошку кашири, но я отпил глоток и вежливо отказался: напиток обладал очень неприятным запахом.

Как только сумерки опустились над стойбищем, все жители хижин, все племя камаюра вышло на площадку. Мне показалось, что число индейцев племени камаюра увеличилось почти что вдвое. И только потом я увидел мужчин и женщин, явно не принадлежащих к нашему стойбищу. Отличить их можно было очень легко по ушным украшениям, а также по головным уборам, сделанным из перьев. Индейцы камаюра еще ходили по стойбищу без украшений из перьев, а приезжие, гости из других племен, выходили из леса, полностью облаченные в праздничные наряды. На площадке зажгли три больших костра. Все присутствующие уселись полукругом на земле, подложив под себя молодые побеги бамбука, листья, а некоторые рискнули сесть прямо на землю, невзирая на опасность быть искусанными муравьями. Меня Такуни усадил на почетное место, недалеко от места главного вождя.

В центр полукруга вышли четыре музыканта. Два из них держали в руках толстые бамбуковые палки, полым концом обращенные к земле. Вторая пара была вооружена массивными погремушками, сделанными из прикрепленных к деревянным рукояткам высушенных плодов, наполненных до половины мелкими камешками. Ритмично ударяя полыми бамбуковыми палками о землю и потрясая погремушками, они стали петь песню с довольно однообразным мотивом, состоявшим в лучшем случае из трех различных нот.

В это время двое мужчин вывели из хижины вождя юношу лет двадцати, с головы до пят разрисованного праздничными узорами. Одновременно две женщины вышли из нашей хижины, держа под руки девушку, всю увешанную голубыми бусами. Мы присутствовали при бракосочетании молодой пары племени камаюра.

Доведя молодых до костра, шаферы усадили их на два чурбана, установленные напротив места главного вождя. Затем в полукруг вышли женщины, став в ряд, причем лица их были обращены к новобрачным. Музыканты перешли на более медленный ритм, и женщины начали танцевать: шаг вперед, шаг

назад, потом два шага вперед и снова два шага назад. Па были довольно примитивными, но слаженное коллективное исполнение скрадывало этот недостаток. Затем все женщины затянули хором песню. Мне показалось, что она звучала несколько нестройно. Правда, я не мог разобрать слов — по совести говоря, это было очень трудно сделать, не зная языка. Но все же, внимательно прислушиваясь к пению двух ближайших от меня женщин, обладавших голосами разной тональности, я уловил, что хотя они и шагали взад-вперед в ногу, выступали в одном хоре, но пели каждая свою песню.

Только потом удалось выяснить, что участницы церемонии, давая напутствие молодым, вспоминали в песне каждая свою свадьбу, каждая пела самостоятельно сочиненную песню. Безусловно, свадьбы, имевшие место в племени камаюра на протяжении многих и многих последних лет, не отличались большим разнообразием. Поэтому, хотя слова у песни, исполняемой каждой женщиной, были свои, суть их, смысл песни был, вероятно, одинаковым у всех.

После завершения художественной части начался торжественный ужин. Конечно, он отличался от наших свадебных пиров обстановкой, сервировкой и меню. Кроме того, в племени камаюра не принято кричать «горько», и вообще они не умеют целоваться. Однако были и некоторые общие черты со свадьбами в цивилизованном мире: гости и хозяева очень много ели, и под утро были выпиты все запасы спиртного. Так что большинство гостей и хозяев улеглись спать не в гамаках, а тут же, на площадке перед хижинами.

К восходу солнца все уже, однако, были на ногах. Как свидетельствовали многочисленные признаки, ожидалось продолжение праздника. Часам к десяти все мужчины племени камаюра, а также гости, прибывшие из других племен, отправились к реке и расселись в пирогах. Индейская речная армада представляла довольно внушительное зрелище, когда более двадцати пирог отошли от берега. Все индейцы были вооружены луками и стрелами, употребляемыми во время охоты на рыб. Такуни пригласил меня в свою пирогу. Кроме нас, там еще находились два воина из племени калапалу.

Пройдя несколько сот метров вверх по реке, до места соединения с Курисеу небольшого притока, эскадра разделилась на две части. Одна осталась у впадения речушки в Курисеу, установив пироги поперек речки. Нос каждой из пирог был поставлен навстречу течению. Остальные суда, в числе которых находилась и пирога Такуни, кильватерным строем двинулись вверх по притоку. Такуни возглавлял эту группу.

Минут через пятнадцать, все время строго соблюдая кильватерный строй, наши пироги вышли к небольшому заливчику. Такуни перестал грести и, повернув пирогу на сто восемьдесят градусов, поставил ее как раз посередине реки носом по течению. По правую и левую сторону от него выстроились остальные лодки. Махнув рукой, Такуни и остальные гребцы на лодках с силой опустили весла в воду. Причем все старались производить как можно больше шума. Индейцы не только били веслами по воде, но и те, которые не гребли, нагнулись с пирог, хлопали ладошами по поверхности воды, пронзительно кричали. Странная процессия медленно двинулась вниз по течению.

Пройдя примерно около половины пути, из-за поворота реки показались лодки, оставленные нами у начала притока. Их экипажи так же шли развернутым строем и так же шумели, поднимая столбы воды, пронзительно крича: «Ула-ла-ла!» Встреча двух подразделений эскадры должна была произойти как раз напротив небольшого песчаного пляжа, видневшегося на одном из берегов речки. Но как только наша линия достигла начала этого пляжа, а противоположные пироги — конца, оба флота на мгновение остановились, и потом дальние от пляжа пироги стали сближаться, образуя полукруг.

Шумовое оформление при этом не прекращалось ни на секунду. Полукруг стал медленно сужаться, и было видно, как внутри его металось бесчисленное количество рыб. По знаку, данному Такуни, в воду полетели стрелы. Не было никакой необходимости прицеливаться. Каждый выстрел приносил успех. А полукруг становился все меньше, образовав под конец на воде своеобразное плотное ожерелье из пирог. Глубина в этом месте не превышала полутора метров, и все индейцы, даже некоторые из тех, кто орудовал веслом, соскочили в воду. Вытащенная из воды рыба извивалась и блестела на солнце, а остальную индейцы ногами продолжали подгонять к песчаной косе. Наконец часть рыб стала добровольно выбрасываться на берег. Трое индейцев камаюра выскочили на песчаную косу и стали откидывать рыб подальше от кромки воды. В это время недалеко от нашей лодки раздался пронзительный крик, в котором звучали боль и ужас.

— Пирааанг! [14] — кричал человек. — Пирааанг!

Будто какая-то неведомая сила выбросила всех индейцев из воды, и за какую-то долю секунды они все перевалились через борта на дно пирог. Одна пирога не выдержала нерасчетливого движения двух индейцев и перевернулась. Тут же неудачников вытащили соседи. На пироге невдалеке от нас находился индеец, поднявший тревогу. Икра его правой ноги была страшно располосована, и кровь текла ручейком. Раненого перенесли на

песчаную косу. Это был индеец из племени мейнаку. Двое воинов калапалу отделились от обшей группы и через некоторое время вернулись из леса с какими-то листьями и волокнами лиан. Пострадавшему оказали первую помощь.

— Пираанг, — произнес Такуни, показывая рукой на раненого.

И без объяснения было видно, что индеец чуть не стал жертвой пираньи. Привлеченное вкусом крови рыб, к косе подошло стадо пираний, некоторые из которых, видимо, попали в охотничий полукруг. А может быть, просто желая прорваться внутрь полукруга и наткнувшись на индейские ноги, пираньи решили преодолеть преграду. И надо сказать, свою задачу они выполнили блестяще, хотя и на долю индейцев осталось достаточно рыбы, особенно той, которая выбросилась на берег.

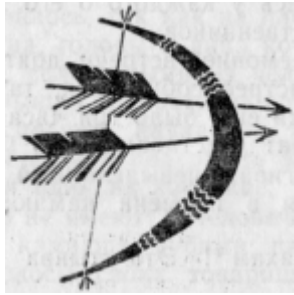
Судя по реакции индейцев на несчастный эпизод с их товарищем, подобные случаи не являлись чем-то из ряда вон выходящим. К ним относились как к обыкновенным мелким производственным травмам. Ведь главную задачу удалось выполнить — охотники стремились поймать как можно больше рыбы, и они имели ее.

Вниз по течению шли значительно быстрее, и часа в два все пироги благополучно добрались до стойбища камаюра, где продолжались приготовления ко второй части праздника.

Солнце стояло еще высоко над головой, когда на пустую площадку перед хижинами выскочили шесть человек индейцев, одетых в маски и костюмы для танцев. Танцующие принадлежали к племени камаюра. Такие красивые украшения из перьев, как у камаюра, я видел в первый раз. Особенно эффектно выглядело «манто из перьев». В этом «манто» содержались все краски спектра. Правда, достичь этого не представляло большой трудности, так как перья арара, попугаев и разбежавшись, взмыл в воздух. И вот уже летчик делает на небольшой высоте прощальный круг над стойбищем. Все племя камаюра еще стояло около посадочной дорожки и смотрело вверх, подняв над головой руки. Пройдут годы, но никогда не изгладится из памяти эта картина: стогообразные хижины стойбища племени камаюра, блестящая лента реки Курисеу и группа индейцев с руками, протянутыми вверх в прощальном приветствии.

До следующих встреч, Амазонка!

Рио-де-Жанейро — Москва



Послесловие

В один из последних дней октября 1969 года я снова вошел в знакомую квартиру на улице Пирес де Алмейда к моему другу Ноэлу Нутелсу. Несколько часов назад он позвонил ко мне и сказал, что сегодня вечером к нему придет Орландо, который, приехав на несколько дней из Шингу по своим делам, узнал, что я в Рио, и захотел меня увидеть.

И вот снова мы сидим и беседуем, вернее, рассказывает больше Орландо, а я смотрю на своего старого друга, который чуточку постарел за эти годы да в бороде прибавилось седины.

Кроме того, у Орландо очень плохо со зрением. Он уже сейчас потерял зрение на один глаз, а второй глаз тоже плохо видит. Со здоровьем тоже не очень хорошо. Да это и неудивительно: столько лет жизни провести в тяжелейших условиях, в джунглях. У него было около 200 приступов малярии за все это время. Первый раз он ушел в экспедицию, когда ему было 25 лет. Фактически с того момента он ни разу подолгу не жил в городе, а все в джунглях и в джунглях.

За минувшие пять лет у Орландо произошло несколько знаменательных событий. Во-первых, он женился. Женился на фельдшерице Марине Лопес де Лима. В конце 1963 года во время одной из своих поездок в Сан-Паулу Орландо попросил у властей направить в район Шингу группу медицинских работников, так как тал началась эпидемия гриппа. Ему рекомендовали двух молодых женщин, одна из которых была Марина. Медсестры жили на посту Диауарум. Год назад Марина и Орландо поженились.

В последнее время Клаудио и Орландо пришлось много потрудиться, чтобы привлечь на территорию Шингу новые племена, ранее проживавшие в районах, где сейчас ведется строительство шоссейной дороги Куйяба — Сантарем и Шавантино — Кашимбо. Орландо очень обеспокоен судьбой этих индейцев, потому что они трудно привыкают к новым местам.

— Безусловно, трансамазонская дорога очень важна для страны, но нужно сооружать ее, — говорит Орландо, — не забывая о судьбе хозяев земли, по которой проходит дорога, о судьбе индейцев. Ведь нельзя во имя цивилизации уничтожать людей, отнимать их земли. Главная задача, которая стоит перед нами, — помочь выжить племенам, которые переселяются в Шингу. Шингу для них — совершенно незнакомый район.

Ноэл, слушая Орландо, хмурится и время от времени дергает себя за седые усы. Это значит, он очень расстроен.

— Ты оптимист, Орландо. Грустный оптимист, но оптимист. Ты все еще надеешься, что наши индейцы выживут. Не знаю, сколько раньше было индейцев, до того, как пришли сюда европейцы, но не менее двух миллионов. А сколько сейчас осталось? Пишут разное.

Но я думаю — не больше семидесяти тысяч. Те, кто приедет в Бразилию через двадцать лет, уже не будут иметь дела с живыми индейцами, они все погибнут к этому времени Ничего нельзя поделать с наступлением цивилизации на индейские районы. Я об этом неоднократно говорил журналистам, которые брали у меня интервью. Вот так-то, друг мой Олег.

…Вот так-то, дорогой мой читатель Цивилизация наступает на девственную природу Бразилии. Может быть, это хорошо, а может быть, и плохо, не знаю. Но мне отчего-то немножко грустно.

После этой поездки я несколько лет не был в Бразилии. И вот в конце 1972 года из Рио пришла печальная весть: скончался мой старый друг Ноэл Нутелс. Это издание книги об Амазонке я посвящаю памяти одного из самых замечательных людей, с которыми мне пришлось встречаться на земле Бразилии, — доктору Ноэлу Нутелсу.

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ
АМАЗОНКА ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

Изд. 2-е, дополненное
МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1974

Игнатьев О. К.
И26 Амазонка глазами москвича. М., «Молодая гвардия», 1974.
288 с. с илл. (Ровесник). 100 000 экз. 87 к.

Это второе, дополненное издание книги советского журналиста Олега Игнатьева о его путешествиях и приключениях в бассейне великой реки мира — Амазонки. Интересный, насыщенный экзотикой рассказ о тропиках сочетается с реалистическим показом жизни и быта индейских племен в стойбищах, в которых автор бывал не один раз, искателей алмазов, собирателей каучука, охотников за бабочками и рыбаков — жангадейрос, населяющих этот малоизведанный край. Жизнь в этих районах меняется очень медленно. Автор умно и ненавязчиво вскрывает подлинные причины нищеты и отсталости жителей Амазонки, показывает их главных врагов. Книга иллюстрирована фотографиями, сделанными автором ко время

его путешествий.

И
11105—039
078(02)—74
126—74

91(И7)

Игнатьев Олег Константинович
АМАЗОНКА ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

Редактор **Л. Антипина**
Художник **Гр. Оганов**
Фото автора.
Художественный редактор **Н. Коробейнинов**
Технический редактор **Е. Брауде**
Корректоры **Г. Василёва,Т. Пескова**

Сдано в набор 2/XI 1973 г. Подписано к печати 6/11 1974 г. А01245. Формат 84X108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 9 (усл. 15,12) + 16 вкл. Уч. — изд. л. 17,2. Тираж 100 000 экз. Цена 87 коп. Т. п. 1974 г… № 126. Заказ 1978.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии. 103030, Москва, К 30. Сущевская, 21.

notes

Примечания

1

«Говорите вы по-немецки?»

2

Дормир — спать *(португ.)*.

З

Эни — сетка, гамак *(камаюра)*.

4

Акуамае — человек *(камаюра)*.

Танаанг — большие муравьи *(камаюра)*.

Тарикапаа — черепаха *(камаюра).*

Неко — ты, твой *(камаюра)*.

8

Иепете, мокой, моапют — один, два, три *(камаюра)*.

9

Иеруп — отец *(камаюра)*.

10

Иаю — луна *(камаюра)*.

11

Ие — я (камаюра).

12

Эне — ты *(камаюра).*

13

Капиват — капивара *(камаюра)*.

Пирааңг — пиранья *(камаюра)*.